

М.М. Сперанский
(1772 – 1839)

Министерство образования и науки Российской Федерации
Российский университет дружбы народов

Н.М. Румянцева

**ЯЗЫК И КУЛЬТУРА
В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
М.М. СПЕРАНСКОГО**

*Дорогая Анна Викторовна!
Желаю Вам дальнейших успехов
в Вашей творческой деятельности
во благо русского языка!
Всегда с большим уважением
и симпатией*

15/12/22

Н.М. Румянцева

Москва

Издательство Российского университета дружбы народов
2006

ББК 74.03
Р 86

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор МГОУ В.Д. Ившин,
доктор педагогических наук, профессор,
декан филологического факультета МПГУ,
зав. кафедрой методики преподавания русского языка А.Д. Дейкина

Румянцева Н.М.

Р 86 Язык и культура в жизни и творчестве М.М. Сперанского:
Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 145 с.

ISBN 5-209-01908-X

Монография является продолжением темы «Просветительско-педагогическая деятельность М.М. Сперанского» и представляет ее новый аспект. Рассматривается взаимосвязь языка, культуры и личности просветителя-педагога. Автор знакомит читателей со Сперанским-новатором в области русского языка – литературного, канцелярского (делового) и юридического. Перед читателем возникает образ неординарного представителя «новой» интеллигенции начала XIX века, который внес свою лепту в развитие культуры России.

Издание будет полезно всем, кто интересуется историей развития и становления русского языка, педагогам, а также может быть поучительным для молодых чиновников и политиков.

ISBN 5-209-01908-X

ББК 74.03

© Издательство Российского университета дружбы народов, 2006
© Румянцева Н.М., 2006

Читателям предоставлена возможность окунуться в мир русского слова конца XVIII – первой половины XIX века – время, в которое жил и творил педагог, юрист, журналист, переводчик, публицист Михаил Михайлович Сперанский. Помещенные в конце текста приложения перенесут читателя в иную языковую эпоху и дадут возможность проникнуться глубиной его мысли и красотой слога.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В январе 2007 года исполнится 225 лет со дня рождения великого государственного мужа, просветителя, педагога, юриста и публициста – человека, стоявшего у истоков зарождения русского литературного языка, Михаила Михайловича Сперанского (1772-1839).

Российская общественность XIX века всегда торжественно отмечала даты, посвященные дням рождения или памяти своих знаменитых граждан, поскольку особенно бережно относилась к выдающимся личностям, которые оставили заметный след в истории русской науки и культуры.

Современное поколение россиян не знакомо с разнообразными гранями таланта этой поистине отмеченной Провидением личности, область интересов которой не освещалась в литературе в течение всего XX столетия. Только сейчас, когда государственные преобразования так напоминают нам начало либерального XIX века, имя М.М. Сперанского вновь звучало в России, многим ему обязанной в заботе о развитии отечественной педагогики и юридической науки, культуры, русского языка, открытии новых учебных заведений. Нет нужды говорить о его участии в государственных преобразованиях (в частности, о работе по реформе образования, службе в Пензе или Сибири – эта сторона деятельности губернатора Сперанского хорошо всем известна). Но о лепте,

которую он внес в развитие современного русского литературного языка и канцелярского стиля – «его важное содействие успехам отечественного слова» (академик А.В. Никитенко), – знают лишь немногие.

Обремененный множеством государственных дел, он не мог активно работать в Академии наук, как следовало ему в звании действительного члена Академии. Принимая М.М. Сперанского в свои ряды, это научное заведение тем самым отдало должное его великим услугам, оказанным отечественному языку не в качестве ученого-исследователя, а в качестве первоклассного писателя, глубоко постигшего дух и богатство русского слова. Имя М.М. Сперанского стоит рядом с именами М.В. Ломоносова, Н.И. Новикова, Д.И. Фонвизина, Н.М. Карамзина, каждый из которых внес ощутимый вклад в становление нового литературного языка.

В деятельности Сперанского была особенно заметна тяга ко всему новому, прогрессивному, великому. Благодаря его усилиям, русское государство, которое в результате новых веяний века пошло вперед по пути к прогрессу, заговорило устами своих чиновников и бюрократов на новом русском языке, не похожем на прежний приказной язык. История – враг неподвижности. Наступает время, когда государство и его народ начинают выходить из своего ограниченного круга на широкое поле исторического развития, и тогда, естественно, язык и слог высшей администрации в этом потоке событий должен стать иным, принять характер, соответствующий значению и духу эпохи.

Автор выражает глубокую благодарность доктору педагогических наук, профессору, декану факультета повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного Российского университета дружбы народов Т.М. Балыхиной, кандидату филологических наук, доценту Санкт-Петербургского государственного университета И.С. Клименко, академику РАН, профессору, зав. кафедрой теории и истории журналистики филологического факультета Россий-

ского университета дружбы народов Е.Г. Коренчуку, кандидату филологических наук, доценту кафедры русского языка № 3 факультета иностранных языков и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов Л.А. Косаревой за помощь в работе над книгой.

Автор

Часть I

М.М. СПЕРАНСКИЙ – НОСИТЕЛЬ НОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Рубеж веков – время зарождения нового русского языка

Историческая память хранит много поучительного, как бы повторяющегося на каждом витке спирали исторического процесса. Приходится вновь и вновь обращаться к опыту прошлого, поскольку, вопрошая прошлое, мы глубже понимаем настоящее и, наверное, обогащенные опытом пращуров, становимся умнее и терпимее. Великие исторические события и лица, в них задействованные, дают нам немало полезного из опыта предков. Мы в долгу перед нашим прошлым, из которого не извлекли надлежащих уроков; многое было предано забвению или грубо искажено: опыт управления державой, развитие экономики и производства, образования и культуры, наконец, бережное отношение к родному языку.

Великие вопросы, неоднократно встававшие перед русскими умами, сегодня вновь тревожат нас. И в этом отношении очень интересны совпадения актуальнейших проблем как в жизни государства наших дней, так и в жизни России начала XIX века.

Век XIX начинался с новым либерально настроенным правителем, замыслившим глубокие перемены в государственной жизни страны. Александр I («Гамлет на троне», как назвал его Герцен) мечтал об уничтожении крепостничества, о конституции, новом законодательстве и судопроизводстве, об учреждении новой системы образования (в которой справедливо видел начало всех начал), о подготовке квалифицированных учителей и преподавателей для воспитания нового поколения людей, способных быть достойными сынами Отечества, о развитии русской национальной науки и культуры и т.д. Начало XIX века характеризуется еще одной примечательностью. В России начала зарождаться интеллигенция, иной тип гражданина, который учился жить, действовать и совершенствоваться в новой жизни. Это был человек нового типа, творец новой культуры, движимый любовью к просвещению, литературным новостям, новейшим произведениям искусства.

Менялись не только идеалы и мировоззрение, менялось отношение к российской культуре и русскому языку. Традиции французского классицизма, господствовавшие во всех литературных жанрах, уступали место иным направлениям, в частности, сентиментализму, заменившему культ чувства просветительским культом разума; неоклассицизму, обратившемуся за вдохновением к подлинной древности вместо ее французских имитаций; романтическим течениям, поднимавшим на щит национальность и народность, возврат к природе, человеческую индивидуальность и – превыше всего – свободное, не скованное никакими ограничениями творчество. К счастью для России, большинство мыслителей на рубеже веков были проникнуты идеей зарождения патриотизма, верой, что каждый народ может и должен достичь культурной самобытности и внести свой уникальный вклад в мировое искусство и литературу. «Молодые русские вельможи начали видеть в интеллектуальных и культурных заня-

тиях более надежный критерий благородства духа, чем даже в военной или гражданской службе» [Виттекер, с. 21].

Однако окончательному установлению нового стиля предшествовала долгая борьба разных мнений и направлений, длившаяся многие годы. Зарождение новых идей, взглядов, литературных направлений не могло не отразиться на языке. Обновление русского языка положило начало конфликту между сторонниками «нового» и «старого» стиля, за которым стояло принятие или отторжение западной культуры. Истоки спора лежали в лингвистических трудах Михаила Васильевича Ломоносова, первопроходца в изучении русского языка. Согласно сочинению «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1757), Ломоносов разделил «рода речений» в русской лексике на «три штиля» – высокий, посредственный (средний) и низкий. Первый «род» включал слова общеупотребительные как у древних славян, так и у ныне проживающих россиян, пользующихся языком. Ко второму «роду» причислены слова «всем грамотным людям вразумительные: *отверзаю, зываю*» и т.д. Третий же – «низший» стиль состоял из сугубо русских слов, которые не встречались в церковных книгах: *говорю, ручей, который* и т.п. Низким стилем считалось пристойным писать комедии, увеселительные эпиграммы, песни и бытовые «безделки» в дружеских письмах. Средним – театральные сочинения, дружеские письма в стихах, сатиры, эклоги, а также «дела достопамятные и учения благородные». Высокий же стиль считался самым торжественным, которым должно было говорить прозаические речи о важных материях, писать оды, поэмы, воспевающие героические деяния народа или отдельной личности. Именно со времени появления учения о «трех штилях» вопрос литературного стиля стал одним из важнейших в отечественной теории словесности.

Николай Михайлович Карамзин противопоставил предначертаниям М.В. Ломоносова «средний стиль», иначе говоря, «новый» литературный язык – более простой, живой, раз-

говорный, наделенный легкостью и плавностью французского синтаксиса. В собственном своем творчестве, в частности, введившем в русский литературный обиход такие новые жанры, как баллада или рассказ, Н.М. Карамзин отвергал церковнославянскую лексику в пользу галлицизмов или новых русских слов, выражавших современные мысли и чувства более изящным разговорным слогом. В рассуждении «О любви к Отечеству и народной гордости» (1802) Н.М. Карамзин призывал русское общество к национальной самобытности и народному самосознанию, стремился пробудить в нем патриотизм, отвергал и порицал «рабское подражание» всему иноземному. «Хорошо и должно учиться, но горе человеку и народу, который будет всегдашним учеником». «Мы никогда не будем умны чужим умом и славны чужою славою» [Пушкарёв, с. 151]. Н.М. Карамзин пытался сделать «новый слог» нормативным для русской литературы и «сформулировал ключевую задачу, которую надобно решить, чтобы приспособить литературу к обществу: писатель должен уметь писать так, как говорит, что давно уже практикуют французы, и при этом заботиться о приятности языка, дабы не оскорбить тонкий слух светских женщин» [Тодд, с. 25].

Между тем для русской культуры, представлявшей главным образом просвещенные верхи общества, быстрый переход был невозможен, поскольку великосветские дамы (да и большинство светских мужчин) пользовались французским языком и в письменном, и в устном общении. Поэтому Н.М. Карамзин советовал «выдумывать, сочинять выражения; указывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи».

Еще до Карамзина судьба русского языка волновала русское общество, мысли которого выразил ритор XVIII века В.К. Тредиаковский. Размышления о возможностях русского языка, многостороннее его назначение и важность его правильного пользования он выразил следующими словами: «Всеми одного и того же общества должно необходимо и Бо-

гу обеты полагать, и государю в верности присягать, и приятелей поздравлять, и хвалить, и хулить, и советовать, и обвинять, и чего не должно. Но все сие токмо что природным языком» [Русская риторика, с. 73]. Вслед за Тредиаковским на защиту исконно русского языка встал адмирал А.С. Шишков. Через год после опубликования программы Н.М. Карамзина, в 1803 году Александр Семенович Шишков в своей книге «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» обрушился на нововведения в области русского языка. Любитель словесности («добрая литературная няня», по словам А.С. Пушкина) утверждал, что усилия Н.М. Карамзина отойти от церковнославянского и офранцузить русский язык означают пагубный разрыв с традициями и грозят оскорнить национальный характер. Он настаивал на разрыве культурных контактов с Западом и призывал российских литераторов бороться с теми «развратными нравами, которым новейшие философы обучили род человеческий и которых пагубные плоды, после столетия пролития крови, поныне еще во Франции гнездятся» [Пушкарёв, с. 151].

Взгляды А.С. Шишкова и Н.М. Карамзина получили серьезную поддержку в русском обществе. Столь разные литераторы, как Г.Р. Державин и С.А. Ширинский-Шихматов, И.А. Крылов и Д.И. Хвостов, А.А. Шаховский, П.П. Катенин, А.С. Грибоедов, В.К. Кюхельбекер стали сторонниками Шишкова, объединились в 1811 году в общество «Беседа любителей русского слова» с целью борьбы с иностранным влиянием при дворе и в культуре, а также ради поощрения «старого слога» в литературе. В противовес «Беседе» было образовано общество «Арзамас» (1815-1818), которое представляли светила новой русской поэзии В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский и литераторы-любители Д.В. Дашков, С.П. Жихарев, П.И. Полетика и молодой С.С. Уваров. После окончания Царскосельского лицея к ним присоединился А.С. Пушкин. Сторонники нового направления своими литературными сочинениями стремились дока-

зать обществу, что использование нового стиля вкупе с западной культурой поднимают русскую словесность на мировой уровень. Особенно важными в те годы представлялись переводы В.А. Жуковского и К.Н. Батюшкова из английских и итальянских поэтов, доказывающих, что соединение зарубежной поэзии и литературы с новым русским стилем, является новым шагом в истории развития русского национального творчества.

Конечно, А.С. Шишков был прав, когда говорил о склонностях русских к слепому подражанию иностранной культуре и иностранным образцам словесности и о пренебрежении к исконно русским корням. Это ошутимо проявилось накануне войны с Францией, когда в стране возобладали патриотические настроения и вместо ушедшего из правительства М.М. Сперанского государственным секретарем был назначен А.С. Шишков, с возложенной на него миссией писать патриотические манифесты, что он и делал с большим воодушевлением, излагая свои мысли излюбленным «старым» слогом. К концу войны, когда улеглись батальные страсти, влияние адмирала стало ослабевать. Тем не менее проблема языка и культуры еще долгие годы оставалась нерешенной.

Следует подчеркнуть, что в начале XIX века происходили изменения и в сфере применения церковнославянского языка. Митрополит Гавриил в своей публичной деятельности следовал установкам светских властей. Он избегал панегирической пышности, и существенная часть его проповеди была ограничена чисто нравственной проблематикой, «это было скорее моралистическое рассуждение, нежели образцы ораторской игры» [Живов, с. 373]. Чтобы упрочить положение церкви в государственной системе, и, как говорил митрополит Гавриил, устраняясь «от бесполезного прания против современных рожнов», он боролся за выделение духовенства в особое сословие, стремясь определить себе место в «имперском миропорядке» и по возможности сравниться с дворян-

ством. Духовенство должно было усвоить хотя бы внешние признаки дворянской культуры, в частности, новый литературный язык, выработанный элитарными слоями общества. Придворный проповедник должен был говорить на языке, этому обществу приятном и понятном. Складывались предпосылки изменения языка духовной литературы и взаимосвязи его с литературным языком нового типа. В проповедях постепенно переходят с церковнославянского на русский язык, это же касается и других жанров духовной литературы.

В то же время появляются переводы церковной литературы на русский язык. Гавриил Попов и Платон Левшин выпустили «Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни», ранее вышел перевод бесед Иоанна Златоуста, в котором «нет пустой слов пышности, нет ухищренного витийства... Язык духовной литературы следует за языком светским».

Митрополит Филарет горячо поддерживал идею перевода богослужебных книг на русский язык и посвятил переводу Священного Писания много лет своей праведной жизни, разработав принцип перевода и став одним из переводчиков, редакторов и главным защитником самой идеи русской Библии. Филарет перевел Евангелие от Иоанна и составил общие правила для перевода. Он писал: «Величие Священного Писания состоит в силе, а не в блеске слов; из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям ради мнимой их важности... Тщательно наблюдать должно дух речи, дабы разговор перелагать слогом разговорным, повествования — повествовательным и так далее». Митрополит считал, что «самое желание читать священные книги есть залог нравственного улучшения, для спешествования истинному просвещению духовенства и православного народа» [Филарета..., с. 9].

Славяно-русский литературный язык постепенно вытеснил церковнославянский из всех областей духовной литературы, так что область церковнославянского языка сво-

дилась к одному богослужению. Язык церковный к карамзинской «приятности слога» отношения не имел.

Язык — самое главное средство общения и литературы. Он полностью отражает культурное наследие народа, на нем говорящего, это критерий, позволяющий судить о просвещенности нации. Словесным искусством должны овладеть все те, кто пользуется языком и словом, так как слово связано с любыми формами бытия, с любым познанием бытия.

С давних пор словесные дисциплины были обязательным предметом изучения во многих университетах и находились в ведении кафедр истории и красноречия. Все студенты, кто готовил себя к государственной или педагогической деятельности, обязаны были учиться искусству слова. И если в ранние времена филология была ограничена, главным образом, знанием классической древности, то «энциклопедия» — всеохватывающее обучение требовало особого усвоения материала, которое состояло в чтении и толковании текста учителем и учеником, умением ставить вопросы и аргументированно на них отвечать.

О бережном отношении к родному языку заговорили в правительстве и в наши дни. Пишутся законы о языке, составляются словари, справочники-практикумы для членов правительства, чиновников и деловых людей, с тем чтобы очистить наш язык от бесконечных «имиджей», «рейтингов», «импичментов» и «мониторингов». Поскольку в последнее время русский литературный язык испытывает настоящую интервенцию иноязычной лексики, а также агрессивных слов бытового характера. Даже речь политических лидеров страны страдает косноязычием, что обусловлено, по мнению лингвистов, нестабильностью политики, еще не окончательно установившимся курсом развития страны. Так говорит об этом Г.И. Зубков — известный журналист-международник: «И какой же язык может быть, когда задача — заточить в непонятных терминах суть вопроса, а не раскрывать ее в одной точной, прозрачной и журчащей фразе». Логическое и по-

этическое мышление подавлено приемами риторического мышления – не доказать, не найти «корень зла», «подавить экспрессивность эмотивностью» [Мир..., с. 5].

Сохранение и защита русского языка, русской словесности от деградации и засорения терминами и словесными оборотами иностранного происхождения, от широкого использования в русской речи ненормативных слов и слов жаргонного характера, – все это является проблемой стратегической и имеет большое национальное значение. Недопустимо вытеснять литературу и словесность как обязательные предметы изучения на всех уровнях образования (школа, лицей, колледж, институт, университет). Именно литература и художественная словесность питает русский литературный язык как духовный феномен, формирует душу и нравственность подрастающего поколения.

Для русской традиции уже три столетия существуют следующие стилистические варианты: возвышенно деловой, собственно «средний» и обычный («низкий») стиль бытового разговора, которые взаимопроникают друг в друга. Сейчас верхний стиль разрушен, подменен иностранными словами, потому что с петровских времен иностранное слово, как непонятное, относилось к высокому стилю. Бытовой разговорный язык тоже претерпел разрушение, исчезли крестьянские диалекты, нет уже того словесного образа, который обогащал бы речь. И поэтому средний стиль – остался средним стилем.

Необходимо оградить русский язык от посягательства на его чистоту и красоту, надо защитить его всеми доступными способами. Язык – это богатство нашей страны, это первый способ коммуникации – это наш «палладиум», который нужно хранить и оберегать в законодательном порядке.

Для человека, состоящего на государственной службе, в частности для педагога или политика, манера и умение говорить, заставить собеседника поверить в правильность своей мысли, четко и логично объяснить, увлечь, убедить и «обратить в свою веру», играет далеко не последнюю роль. Кос-

ноязычный оратор, даже излагая умные вещи сухо и нелогично, не добьется успеха у аудитории, и недаром Наполеон Бонапарт сказал: «Кто не умеет говорить, карьеры не делает».

Таким человеком, сделавшим головокружительную карьеру в начале XIX века, стал Михаил Михайлович Сперанский (1772-1839), выходец из семьи деревенского попа, не имевшего даже родового имени. С детства приученный к книгам и размышлениям о прочитанном, он выделялся среди ровесников своим умением излагать мысли доходчиво и логично. В ранние годы он с дедом посещал церковь, пел в церковном хоре и постепенно приобщался к духовной среде. «Искренняя вера и благочестие, царившие в семье, воспитали в нем глубокую религиозность, которая оставалась в нем до самой смерти» [Катетов, с. 88]. Необыкновенные способности ребенка, не взирая на бедность, помогли ему продолжить дальнейшее образование, ибо еще с петровских времен было заведено привлекать к учению «плодей нижнего разбору». При поступлении во Владимирскую семинарию (1780) смышленного «поповича», подающего большие надежды в науках, записали под именем Сперанского, которое впоследствии вошло в историю русского государства и прославило его род. Учеба в семинарии еще раз подтвердила мнение о нем как обладателе больших талантов во владении словом, в технике составления элементарных логических форм, в переводах с классических языков и обратно, так называемых «имитациях». Здесь же он научился составлять образцы стихотворений, речей и сочинений и проявил любовь к точным наукам. Устремления к науке были тесно связаны с идеями Просвещения, новым мышлением и новым взглядом на знания, благодаря которым можно было познать и объяснить мир, и, более того, устроить его по справедливым законам.

Поступление в семинарию совпало с указом об усилении преподавания «эллинского наречия». Знание греческого, латинского и французского языков, по собственным словам

Сперанского, оказали большую услугу при изучении источников византийского и римского права: свободно читая и изъясняясь по латыни, он мог впоследствии ознакомиться с известными философами права, а также всемирной литературой. Уже в средней семинарии проявилось у него умение привлекать внимание слушателей, его «лекции» вызывали у соучеников неподдельный интерес и вместе с тем безграничное уважение как сотоварищей, так и преподавателей. Поэтому у администрации семинарии не возникло никаких сомнений в необходимости его дальнейшего образования в Санкт-Петербургской семинарии на должность учителя (1790). Из молодого семинариста, освоившего все науки трудом и прилежанием, получился талантливый учитель. Он преподавал математику, физику, красноречие, в 1795 году получил кафедру философии и был назначен на должность префекта семинарии. Большие познания и начитанность помогли ему в написании книг в помощь учащимся – по риторике «Правила высшего красноречия» (опубликована в 1844 году) и «Физика, выбранная из лучших авторов» (опубликована в 1872 году). Эти учебники являются свидетельством не только обширных познаний и творческого отношения к своим служебным обязанностям, но и свидетельствуют о языковом мастерстве молодого преподавателя.

Семинарист Сперанский вдохновенно говорил проповеди, привлекавшие внимание общественности и самого митрополита Гавриила (Приложение 1). Все сулило ему блестящую духовную карьеру, но стремление идти дальше, пробовать свои силы на ином поприще уже захватило его воображение. Год 1797 стал в жизни Михаила Сперанского переломным. Способности к ясному изложению мыслей, четкое, логическое построение всевозможных документов, проявленное в доме князя А.Б. Куракина, где он служил секретарем по русской переписке, сделали его известным среди петербургской знати: к его услугам прибегали самые именитые вельможи, в частности, армянский архиепископ князь Аргу-

тинский-Долгорукий, который предложил ему исправление русского перевода армянской книги, изданной под заглавием «Исповедания христианской веры армянской церкви». Книга вышла в 1799 году и была посвящена Павлу I. Общественность и образованные современники обращали внимание на стиль речи и письма молодого чиновника, который своим умением излагать мысли ярко выделялся на общем фоне. Большой почитатель М.В. Ломоносова, Сперанский явно руководствовался его рекомендациями, предложенными в «Кратком руководстве к красноречию» (1748). Как писал М.В. Ломоносов, к приобретению красноречия (искусству о всякой материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению) требовалось пять следующих условий («средствий»); первое – природные дарования, второе – наука, третье – подражание авторам, четвертое – упражнение в сочинении, пятое – знание других наук [Ломоносов, 1980, с. 355].

Очевидно, что все вышеупомянутые условия были соблюдены, и, в первую очередь, природа постаралась дать Сперанскому самое необходимое, главенствующее условие – природные дарования, все остальные пункты совета Ломоносова были преодолены исключительно благодаря упорному и непрерывному самообразованию, что дало ему право называться высокообразованным и истинно просвещенным человеком. Со временем М.М. Сперанский сделался ближайшим помощником Александра I, был главным составителем государственных манифестов, указов, распоряжений, сопровождал монарха в заграничных поездках, что способствовало признанию его талантов и в Европе.

Наблюдая за происходящими процессами в сфере языка и внимательно анализируя ситуацию, Сперанский также высказывал свои соображения по этому поводу. Выступления его не были публичными, но многое из его воззрений на те или иные вопросы образования, культуры или языка мы находим в его письмах, документах. Преобразования в области

русского языка живо затронули его воображение, и он не преминул высказаться, прочитав «рассуждение» Шишкова. Находясь вне Петербурга, уже в зрелые годы он осмысливал все значительные события, происходящие в столице, откликаясь на них своим одобрением, порицанием или несогласием. Несмотря на теплые отношения, которые связывали его с митрополитом Филаретом, точка зрения о переводе церковных книг у них не совпадала. Сперанский, руководствуясь своей любовью к латыни и церковнославянскому языку, восхищаясь их краткостью, торжественностью и возвышенной красотой, желал, чтобы молодое поколение, несмотря на всю сложность понимания, могло насладиться древним языком, а потому рекомендовал, напротив, особенно прилежно обучать славянскому языку во всех духовных и светских заведениях и повседневно вдумчиво читать всеми православными Священного Писания именно на церковнославянском языке. О его отношении к переводам духовной литературы на современный русский язык говорит нам письмо к дочери из Иркутска 30 сентября 1819 года.

«...Сегодня во время обыкновенного моего утреннего чтения вместо греческого моего Завета мне вздумалось читать Евангелие в новом русском переводе. Какая разность, какая слабость в сравнении со славянским. Может быть и тут действует привычка, но мне кажется все не так и не на своем месте, хотя внутренне я убежден, что все это одно и то же, но нет ни той силы, ни того услаждения. Вообще я никогда не смел бы одобрить сего уновления; знаю, что оно сделано с наилучшими намерениями; может быть для тех, кои не привыкли к славянскому языку, это услуга. Но для чего бы, кажется, не оставить их привыкнуть. Это стоит труда. Никогда русский простонародный язык не сравнится со славянским, ни точностью, ни выразительностью форм, совершенно греческими.

“И рече Бог, да будет свет: и бысть свет”. – И сказал Бог, чтобы был свет – и был свет. Сравни сии два перевода: в одном есть нечто столь быстрое, столь точное; в другом все вяло, неопределенно, vulgar. В языках, кои не имеют другого диалекта, разность его не может быть чувствительна. Но у нас и для нас она весьма ощутительна, потому что читая одно, ум себе представляет как бы могло быть выражено иначе.

Читай, продолжай читать Евангелие и весь вообще Новый Завет на славянском, а не на русском языке ... Язык славянский в последнее время много потерпел от того, что вздумал защищать его человек добрый, но писатель весьма посредственный. Для чего Карамзин, Уваров, Жуковский не принялись за сие дело? Для того, что они молоды; для того, что им некогда было сим заниматься. Ко мне пишут, кстати, о Карамзине, что и грозное царство Иоанна IV уже в печати; прочитай сии ужасы и скажи мне свои мысли» [Письма..., с. 42-44].

Свои мысли и соображения о русском и церковнославянском языках, о неупотреблении без надобности иностранных слов М.М. Сперанский высказывал неоднократно, в частности, в отзыве «О новом издании славяно-российского словаря» он пишет: «Мне кажется, он сочиняется для людей, знающих язык русский (все изъяснения и определения его составляются по-русски), и, следовательно, не для того, чтоб учить русскому языку иностранцев или детей, но для того: 1) чтоб мнением целого ученого сословия утвердить истинное значение русских слов и разрешить сомнения в разнообразном или спорном их употреблении; 2) чтоб изъяснить некоторые слова русские обветшалые или малоупотребительные; 3) чтоб изъяснить так называемые слова славянские, т.е. церковные. Посему в Славяно-российский словарь не должно допускать никаких слов иностранных, исключая только греческие слова церковные и малого числа слов, принятых не обычаем, но законом, как то: Сенат и тому подобных; для иностранных же слов приложить к словарю алфавитную рос-

пись, с кратким изъяснением речений, более или менее употребительных, но к составу языка не принадлежащих. Это не есть гонение на слова иностранные: обычай их ввел, обычай и выведет; но Академия не должна, мне кажется, укоренять их, давая им право гражданства и вводя их в состав нашего языка. Из снисхождения к обычаю она может уделить им место при своем языке, но место отдельное, означив их в особой росписи» [Мнение..., с. 2]. Будем надеяться, что слова Сперанского окажутся пророческими и «обычай выведет» из нашей речи то, что чуждо и неестественно для нашего русского слуха.

§ 2. Личность М.М. Сперанского – ритор, оратора, собеседника

Появляясь на свет как индивид, человек постепенно приобретает социальные качества, становится личностью, не только не похожей на других, но иначе действующей, мыслящей, страдающей, которая включается с социальными связями в качестве члена общества, соучастника исторического процесса.

Личность осознает себя и вместе с тем познается через ее инобытие, т.е. ее связь с другими личностями и культурой общества. Историческая личность как продукт своей эпохи способна представлять общие интересы и идеи и управлять людьми во имя общих начал, вести, учить и просвещать их. Эти способности, которыми обладают исторические личности, истинные деятели и учителя человечества, нуждаются в объяснении. Личность – это духовно-телесное единство. «Духовность, идущая из глубины, и есть сила, образующая и поддерживающая личность» (Н.А. Бердяев).

Язык – способность человека выражать ясно и отчетливо свои мысли, рассматривается как форма мыслительной деятельности человека, охватывающая все сферы его индивидуальной и общественной жизни и являющаяся составной

частью человеческой природы, практической и теоретической деятельности как индивида, так и социума. Рассмотрение личности М.М. Сперанского через его языковые способности поможет определить его интересы, убеждения, типологические свойства, а также характер и способности, поскольку последние имеют своей природой в равной степени как биологическое, так и социальное, т.е. могут передаваться как наследственным путем, так и посредством воспитания и самообразования. Об остром уме и эрудиции главного чиновника России первой трети XIX века в научно-исследовательской литературе сказано уже немало.

Что касается личности, душевного уклада и характера Сперанского, то все, с кем ему довелось встречаться, общаться или работать, отмечали его особую манеру говорить: приветливые слова, всегда кроткие, положительные, показывавшие невольное внимание и уважение к тому, с кем он общался; обхождение самое деликатное, мягкое, вежливое со всеми, невзирая на чины и происхождение, не исключая переписчиков, всегда на «вы» – никогда на «ты». В своих многочисленных работах над уставами, программами, правилами для различных учебных заведений, – что входило в круг его обязанностей и поручений лично от императора, в частности, в Уставе Царскосельского лицея – Сперанский рекомендовал педагогам, воспитателям и наставникам относиться к учащимся корректно, как ко взрослым: их должно было называть только на «вы», с обязательным прибавлением к фамилии обращения «господин», так, как обращался и разговаривал с людьми он сам. Его почтительность и ласковость со всеми вызвали симпатию у окружающих. Умение же выбирать наиболее точные, стилистически и ситуативно уместные варианты слов, а также личное обаяние составляли магическую сторону речевого мастерства Сперанского. Он делился со своими учениками всем, чем обладал сам: наукой об искусстве речи, правилами построения текстов различных видов – особенно рассуждений, очень часто он со своими по-

допечными проводил занятия по-сократовски в форме «бесед». Эти беседы предусматривали анализ речей известных ораторов, обобщение и усвоение блестящих приемов мастеров слова, обучение логическим правилам построения выступлений, но главное – усвоение правил поведения в процессе бесед, лекций и речевого этикета, «вежливого» контакта с собеседником. Именно этикет помогал будущему оратору установить нужный контакт с собеседником и привлечь его на свою сторону. Под **красноречием** М.М. Сперанский разумел искусство ораторской речи и в своих лекциях и руководстве по красноречию излагал ее основные нормы и правила. Он хорошо знал риторические учения древнейшего и новейшего времени, цитировал Аристотеля, Квинтиллиана, Цицерона и многих других авторов, что еще раз подтверждало его бесспорное владение тайнами слова и древней наукой. Каждому, кто хотел овладеть красноречием, советовал усилить собственные способности чтением правил, чтением образцов и упражнениями в сочинении.

Работая учителем математики, физики и красноречия в Александро-Невской семинарии, Сперанский в 1792 году написал для своих учеников пособие – «Правила высшего красноречия».

Для лучшего ознакомления с текстом учебника по красноречию нами приведены выдержки из «Правил» в приложении 2.

В руководстве «Правила высшего красноречия» автор объясняет, как важно оратору проникнуться излагаемым вопросом, «чтоб целая речь в ушах просвещенных имела свое действие, мало к сему бросить по местам искры чувства и силы, надобно сии места связать с другими, усилить мысли, поставить их в своем месте, поддержать выражение выражением и слово утвердить словом. Надобно иметь сильное чувство, или, что то же надобно иметь живое воображение и огненные страсти. Чтоб их произвести, дать им образ, оправить их – если можно так сказать – есть действие науки.

Красноречие есть дар потрясать души, переливать в них свои страсти и сообщать им образ своих понятий» [Сперанский, 1844, с. 75].

После доклада Сперанского в Эрфурте (1808) по гражданским делам на него обратил внимание Бонапарт Наполеон, удивленный широтой кругозора и энциклопедичностью его знаний, превосходным знанием французского языка и изысканными манерами – при отсутствии громких титулов и званий. Французский император назвал Сперанского «единственной светлой головой в России» («la seule tete fraiche en Russie») и подарил ему табакерку, украшенную бриллиантами и собственным изображением. Ко всему прочему, он просил у Александра I «обменять его на какое-нибудь королевство». Может быть, это была французская шутка, но в глубоких знаниях, эрудиции и мастерстве слова советника российского императора никто никогда не сомневался, даже многочисленные его недруги.

Из воспоминаний о графе Сперанском сына Н.Г. Масальского следует: «Кроме государственной деятельности, граф находил время заниматься науками, литературой и языкознанием, не говоря о русском языке, которому он оказал значительные услуги, он знал основательно: французский, английский, немецкий, латынь, греческий и еврейский. В 1838 году, разговорившись со мною об испанском языке, он просил достать ему хорошую испанскую грамматику, что я и исполнил» [Дружеские..., с. 125]. Знания эти добывались тяжким трудом, самостоятельно, только при помощи словаря и Библии. Так он изучил немецкий и еврейский языки, находясь в изгнании (1812–1814) в Перми и Великополье.

Лекции и доклады Сперанского имели настоящий успех, увлекали слушателей – аудитория с упоением внимала его словам. Он выступал с речами в комитетах и комиссиях, на заседаниях Государственного совета, неоднократно с разного рода докладами российским самодержцам, и всегда речь его отличалась здоровой логикой, богатством языка и глуби-

ной содержания. И если при заседании случалось Сперанскому оспаривать какое-либо положение или мнение, он всегда одерживал победу. Начинал свое выступление как бы с одобрения сказанного, повторял уже высказанные другими доказательства, даже сильнее развивал их. Но потом давал мыслям такой поворот, что мнение получало уже совсем другой смысл, и таким способом увлекал за собою слушателей и самого противника. «К такому ведению спора способствовали глубокий и тонкий анализ мыслей, который приобрел, занимаясь математическими науками, необыкновенная находчивость отвечать на всякие возражения, умение внимательно слушать и терпение выждать благоприятную минуту для нападения или отступления, спокойствие духа и сила красноречия с соблюдением уважения к другим», — так пишет о мастерстве Сперанского-оратора Владимир Новаковский в биографическом очерке о нем [Новаковский, с. 37].

И только однажды, уже в последние годы жизни, он не отстоял своего проекта о преступлениях и проступках против благочиния. Михаил Михайлович не сумел защититься и, поупорствовав немного, согласился, что проект недоработан.

Сохранилось высказывание Каподистрия — дипломата и государственного деятеля, о впечатлении, произведенном на него после беседы со Сперанским: «Мы толковали и о политике, и о науках, и о литературе, и об искусстве, в особенности о принципах, но ни на чем я не мог его поймать. Он — точно древние оракулы, так все в нем загадочно, остроумно, однословно; не помню во всю мою жизнь ни одной такой трудной беседы, которую мне пришлось кончить все-таки ничем, т.е. нисколько не разгадав эту непроницаемую личность» [там же, с. 87].

Энциклопедически образованный, он мог говорить со всяким и обо всем. В обществе его никогда не видели «тщеславно надутым», напротив, он был чрезвычайно обходителен и ласков со всеми, располагал к себе каждого и всегда добивался любви окружающих. Во многих кружках его на-

зывали «Златоустом». Как был он бесподобен в Государственном совете, так обворожителен и в «игривой болтовне о безделках обыденной жизни». При этом старался всегда говорить на родном языке, в противовес принятому в светском обществе обычаю изъясняться и писать по-французски; русская речь звучала в его устах с необъяснимой прелестью, она принимала особенную силу, гибкость и выразительность, поэтому окружающие предпочитали его слушать именно на русском. Сперанский высказывал сожаление, что в «простом легком слоге есть много деревенских слов весьма выразительных», но они не приняты в высшие общества. «Это есть одна из 1000 человеческих «несправедливостей» [Письма..., с. 55]. И действительно, если «вокруг звучит иностранная речь, надобно услышать сии звуки (родной речи) на чужой земле, среди чужих людей, чтобы почувствовать всю их магическую силу», — рассуждал он в своих письмах.

У Сперанского была привлекательная внешность, черты лица, подчеркивающие его необыкновенный ум и добродушную приветливость. Одет он был всегда щеголевато. Примечательно, что при первой встрече он сразу понравился государю Александру I, когда пришел к нему с докладом. Государь был изумлен изяществом его доклада, сразу оценил ум, старательность и исполнительность докладчика. Как пишет Георгий Чулков в своей книге «Императоры России» (М., 2005), «он поразил воображение Александра новизной своих воззрений и самым способом своего мышления. Александр верил, что этот Сперанский, — тот самый человек, коему суждено, наконец, воплотить в жизнь идеальную государственную программу, предначертанную им, Александром» [с. 116]. Для реформ нужен был человек трезвый и деловой — не барич, не избалованный царедворец, не влюбленный в себя аристократ... Александру нравилось то, что Сперанский — семинарист. «Но этот «попович» и демократ был горд и сумел поставить себя в положение независимое, и приходилось заискивать у этого плебея, тайно его презирая» [там же].

Долгие годы, проведенные в стенах духовных семинарий (Владимирской и Александро-Невской) сначала в качестве ученика, а потом в должности учителя, где все насквозь было пронизано духом угождения старшему и сильному, беспрекословному послушанию власти, не разрушили философского отношения Сперанского к жизни. Он учился общаться с аристократией, а позднее и с венценосными особами. Впоследствии, когда случалось ему быть в обществе, он никогда не терялся среди блеска, поддерживал разговор «высшей образованности» с остроумием и деликатностью. Своей предупредительностью и любезностью общения «обвораживал» всех, особенно аристократических старушек, которые были без ума от «его приветов».

С юношеских лет будущий публицист-реформатор обнаружил свои недюжинные способности **проповедника-оратора**, читая проповеди в присутствии высокопоставленных особ. Проповеди, читавшиеся с амвонов русских церквей, несли в себе большой идеологический и политический заряд: они были призваны утверждать нравственные и догматические основы веры, разъяснять церковные и государственные задачи. Проповедь становилась искусством, приобретала черты литературного жанра и как жанр требовала специфических приемов, вырабатывая особый эмоциональный язык, трогавший сердца и высоких особ, и простого прихожанина. В Александро-Невской семинарии, где Сперанский продолжал свое духовное образование, начальство учредило для студентов очереди, каждый должен был сказать проповедь своего сочинения. Это учреждение чрезвычайно поощряло молодых людей отличиться перед слушателями как в сочинении, так и в умении произносить поучение. «Одни старались писать цветно, — пишет Е. Колбасин — плодovито, блистательно; другие просто, коротко, глубокомысленно. В произношении также господствовали два тона: одни подражали театральному, следуя Яковлеву, другие ближе подходили в произношении проповеди к обыкновенному разгово-

ру» [Колбасин, с. 25]. Проповедь носила характер торжественных обращений к пастве, имела наименование «слова» и оказала действенное влияние на ее последующее развитие. «Слово» положило начало публицистическому направлению в мыслях и образе действия выпускника семинарии Михаила Сперанского. Проповеди его производили сильное впечатление на слушателей, они отличались «замечательною силою слова» и могли служить настоящим образцом церковного красноречия как по глубине мысли, так и по художественному изложению. Сохранилась проповедь, произнесенная им в Александро-Невской лавре 8 октября 1791 года (царствование Екатерины II). Свободный дух проповеди, ее поучительный и предостерегающий текст привлекали не только глубиной содержания, яркостью и образностью языка, но и тем, что молодой проповедник не ограничивался лишь духовными вопросами, касался также светских и политических тем, содержащих этические требования и понуждающих слушателя к эмоциональному восприятию этих требований. Ораторская речь молодого семинариста звучала с особой эмоциональной силой, слова становились грознее, тон суровее и в заключение достигали наибольшей своей красоты [см. Приложение 1]. Успехи публичных выступлений дали толчок развитию дарования М.М. Сперанского, его страстному духу оратора и публициста.

Среди чиновников-сослуживцев Сперанский выделялся своей гордостью, независимостью суждений, и, как отметил его помощник, декабрист Г.С. Батеньков, «он был осторожен» и «страшен морально, ибо прогневать его — значит уже лишиться его уважения». Отношения между ними были очень теплые, приличные между отцом и сыном. Но между тем Батеньков признается: «Я всегда боялся его как огня и более с графом Аракчеевым говаривал просто, нежели с ним». Сперанский и Батеньков сотрудничали в Сибири, продолжили свое общение и в Петербурге, и «во все времена, — продолжает Батеньков, — я видел в Сперанском человека не-

обычайного ума и твердости, никогда не жаловался он на свою ссылку. В случаях распоряжений высшего правительства, кои представлялись ему несообразными, обыкновенно говаривал: «Чудаки». Случалось с ним говорить о деспотизме Трескина, о невыгодах личных должностей. При всей простоте обращения он всегда являлся на неприступной высоте» [Восстание..., 1976, с. 143].

Более всего привлекало в Сперанском его доброе отношение к простым и близким людям, ближайшим родственникам и друзьям. Он был ласков, открыт, всячески помогал всем, кто нуждался в его помощи. При встрече с крестьянами первый им кланялся, «чтобы содействовать смягчению их грубых нравов». Постоянно посещал божественную службу, в своем поместье обновил церковь и построил каменную колокольню вместо деревянной. Благотельствовал и монахам Вишерской обители, которые называли его «своим кормильцем». Сам же жил очень скромно, уединенно, редко показывался в свет и был завален делами, потому что, став выше других по заслугам, еще не дошел до равенства со знатными, которые смотрели на него, как на выскочку и у которых он по своим правилам не хотел заискивать благорасположения. Никогда не сходил близко с людьми посторонними, но охотно поддерживал связь со своими ближайшими друзьями с необыкновенной простотою, отсутствием всякой принужденности и искренней веселостью. Это были Ф.Н. Цейер, Н.Г. Масальский, А.А. Жерве, А.А. Столыпин и М.Л. Магницкий (на первых порах), имена которых постоянно присутствуют в его переписке. «Друзей же надобно любить так, как Бог их создал, а не так, как бы мы иметь их желали» (из письма Сперанского 27 ноября 1820 года к его дочери Елизавете Сперанской).

Тем не менее это был сложный человек, обладавший огромным внутренним миром, в котором он ощущал себя более уверенно, нежели в великосветском обществе. Тот же Батеньков говорил: «Сперанский холодит тем чувством, что

никто ему не кажется нужным... Он приступен на все просьбы о добре, охотно обещает, но часто не исполняет, злоречия не любит, а хвалит редко; имея характер сильный, может заставить исполнять свою волю, при этом всегда является в приличии, дорожит каждым словом, кажется неискренним и холодным» [там же, с. 143].

Хорошо зная цену себе и своим знаниям, приближенный к государю, он очень не любил, чтобы его сравнивали и смешивали с обыкновенными людьми. Несомненно, он не мог не чувствовать своего превосходства и над чиновной массой, и многими патронами и даже иногда выражал его, не таясь: «Я никогда не хотел быть в толпе и, конечно, не буду». Но работая в Комиссии по составлению законов, был душою коллектива: высказывал свои меткие наблюдения, остроумные замечания, тонкие выводы, обращая свой кабинет в школу высшей государственной науки и делового красноречия.

Вместе с тем он был склонен к насмешкам и умел подметить какую-нибудь нелепость или характерную черту в своих начальниках или государе. И тогда его шутки переставали быть доброю усмешкой и превращались в злую сатиру, о чем недоброжелатели тут же доносили объекту насмешки. Подчеркивая подозрительность Александра I, говорил министру полиции Балашову: «Вы знаете подозрительный характер государя. Все, что он делает, делает наполовину. Он слишком слаб, чтобы управлять, и слишком силен, чтобы быть управляемым». Раздраженный нерешительностью монарха в осуществлении реформ, Сперанский нередко выставлял его в своих разговорах человеком, равнодушным к пользе Отечества, беззаботным, красовавшимся фигурой, подобно женщине. Причем широко использовал выражения язвительного Вольтера. Деятельность интриганов и недоброжелателей в значительной степени облегчалась столь смелым и независимым поведением и ироничностью высказываний неугодного им реформатора. Вот что по этому поводу писал

М. Корф: «Сперанский был известен в канцелярии своей насмешливостью заочно и против тех людей, которых в глаза всячески превозносил. Черта такой заглазной насмешливости, даже некоторой сатирической злоречивости и вместе особенной решительности в приговорах о лицах и вещах, действительно была не чужда характеру Сперанского и впоследствии; он не щадил ничьего тщеславия, доверчиво полагаясь на скромность слушателя» [Корф, с. 57].

Например, князя А.Б. Куракина охарактеризовал он так: «Все тот же квартальный надзиратель или следственный пристав» (1823). А военным поселениям всеильного А.А. Аракчеева в своем дневнике (1821) дал весьма едкую отрицательную оценку – «Fumus ex fulgare» (дым после молнии). Но, как известно, времена меняются, и мы меняемся вместе с ними, и некогда неприязненные отношения сменяются более доверительными. В 1825 году вышла тоненькая книжица «О военных поселениях», написанная Сперанским, в которых сие превращение крестьянской жизни в казарменное существование уже всячески им поощрялось. Да и кто бы осмелился в то время критиковать нововведение «временщика»?! Но чаще все же были незлобные отзывы, как, например, его впечатление о провинциальных дамах: «Вчера у губернатора на бале я видел здешнее женское общество. Сурок да крот, да две-три набожные лани». Позволял себе иногда шутки в адрес близких друзей, облакая их в сатирическую форму: «старые кости Цейера доведены сюда благополучно; он здоров и кланяется всею длиною своего корпуса и всею прекрасною его душою» (из письма к другу А.А. Столыпину) [Русский..., № 1-12]. По словам дочери Сперанского Елизаветы Михайловны, отец ее умел веселиться от души, раскрывался в кругу своих друзей и родных: «Батюшка несколько не враг веселости, хохотал от души и собственными шутками поддерживал общее веселое расположение, которому и бабушка способствовала своим едким, саркастическим остроумием» [Новаковский, с. 44].

После его кончины все сходились во мнении, что в рядах русской бюрократии больше не будет такого гениального, разностороннего деятеля, прекрасного знатока русского слова.

За вклад М.М. Сперанского в развитие русской речи, за пропаганду русского языка призыв любить русскую словесность и активное содействие изучению русского языка он был отмечен многими дипломами и званиями разных обществ и учебных заведений державы: Казанским обществом любителей отечественной словесности (1819), Обществом любителей отечественной словесности при Казанском университете (1828), в том же году получил звание доктора Дерптского университета, был почетным членом Российской академии, Московской духовной академии, Харьковского, Санкт-Петербургского, Киевского университетов.

Важной чертой мастерства речи М.М. Сперанского являлось его умение преподавать слушателю всю необходимую информацию коротким, хорошо изложенным текстом, заинтересовать аудиторию или одного слушателя в необходимости владения этой информацией. Экспрессивность и эмоциональность речи помогали ему добиваться желаемого эффекта. Не стоит забывать, что все основные качества хорошей речи, ее риторическая грамотность были усвоены Сперанским еще в юные годы, а все необходимые для ратора качества и умения он описал в своем руководстве по красноречию.

Хорошо поставленная речь, внятное произношение, красивый голос, мимика лица и движения тела – все сочеталось в Сперанском – ораторе и собеседнике.

Действительно, речь его во всех отношениях была не просто хорошей, но прекрасной. Со всех точек зрения великого гуманиста-реформатора Сперанского, с его скромностью, искренним отношением ко многим людям и к одному собеседнику, высочайшей общей культурой, начитанностью лучших образцов мировой классики, с его пониманием и лю-

бовью к подлинным шедеврам различных видов искусств (изобразительного или музыкального) можно назвать истинным носителем «элитарного» типа речевой культуры.

§ 3. Эпистолярный жанр в общественной и личной жизни просветителя

В конце XVIII века и начале XIX столетия, когда современных средств массовой коммуникации вообще не существовало, записки и письма остаются для нас единственным источником получения более полного представления о той или иной личности указанной эпохи, да и всех предыдущих эпох, начиная с возникновения письменности на Руси.

Литература того времени еще не была признана официальной деятельностью, и все, кто занимался литературой, жили исключительно за счет доходов от государственной службы или усадебного хозяйства. Письма и письменные обращения были привилегией аристократии, образованного дворянства и некоторых отдельных групп населения, владеющих грамотой.

Искусство написания писем уходит в далекую историю: его связывают с именами Цицерона и Деметрия в эпоху античности. Русская эпистолярная традиция начинается с М.В. Ломоносова. Он первый русский автор, чьи письма были собраны и напечатаны. Именно они явились и первыми образцами эпистолярного жанра. И хотя этот жанр несколько отличается от структуры иных жанров русского литературного языка, все же он примыкает к ним как часть общего целого. Это, конечно, «ускользающий» жанр, индивидуальная форма для какой-либо общей характеристики, но тем не менее это средство «социальной коммуникации», в котором имеется свой стиль и проявление личностного начала.

Письменное общение на рубеже столетий способствовало процессу разрушения книжной системы речи, ее «архаистического» направления. Создание камерных жанров,

внимание к мелочам повседневной жизни и отдельному слову заставило обратиться к письму, как наиболее удобной форме, и утвердило переписку как малый литературный жанр. Хотя письма не были литературными произведениями, писались не для всеобщего прочтения или публикации, но они служили для выражения тех фактов, дел, мыслей и переживаний автора, которые он хотел высказать своему адресату.

Письма великих людей читаются нередко с неменьшим интересом, чем художественные произведения. Сами факты и даже незначительные мелочи мысли пишущего раскрывают нам все оттенки его личности, показывают талант и мастерство владения словом. «В письмах, прежде чем в литературных произведениях начал культивироваться тот разговорный язык, та свободная от архаически книжных традиций и форм манера повествования, которой литература еще не достигла» [Степанов, с. 70].

Расцвет салонов во Франции и России способствовал обращению пишущих к более легкому и приятному литературному языку. Письмо считалось удобной формой для использования возможностей языка. Стали появляться рекомендации по написанию писем. Иван Сокольский, переводчик и преподаватель французского и немецкого языков, написал самый обширный эпистолярный учебник «Кабинетский и купеческий секретарь, или собрание наилучших и употребительских писем» (1788). Автор предлагает более трехсот пятидесяти образцов писем-поздравлений, соболезнований, дружеских и коммерческих писем, из которых читатель узнает, как советовать, просить, предлагать услуги, давать рекомендации, хвалить, благодарить, наставлять, приносить извинения, жаловаться и высмеивать в эпистолярной форме. Образцу каждого типа были предпосланы правила. Его книга помогала купцам и мелким чиновникам совершенствоваться в личной переписке [Тодд, 1994, с. 34].

Позже такое же наставление составил Греч Н.И. (1819-1821) – «Учебная книга Российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе».

Можно предположить, что М.М. Сперанский был знаком с учебником Ивана Сокольского или с другими пособиями греческих авторов, поскольку, не имея предварительной подготовки, занял место секретаря по русской переписке у князя Куракина и уже тогда, в самый первый день поступления на службу к князю, показал свои творческие способности. Он написал за вечер одиннадцать писем, смысл которых был объяснен буквально в нескольких словах, в результате чего был сразу принят на работу, а в дальнейшем прослыл как виртуоз письменного слова.

Письма Сперанского, адресованные самым разным персонам, читаются с неподдельным интересом. Сам Сперанский не оставил потомкам своей автобиографии, не показал нам истинных своих душевных устремлений, не обнажил перед нами своего истинного характера, всегда скрытого под личиной светской учтивости, и только письма помогают глубже проникнуть в его сущность, где он раскрывается в общении со своими друзьями, родными и близкими по духу государственными деятелями: здесь **письма-просьбы, письма-советы, письма-поздравления, повествовательные письма, письма-рекомендации**. Содержание писем Сперанского нельзя пересказывать, чтобы не нарушить гармонию его слога, манеры и стилистики речи. Каждое слово имеет связь с предыдущим. Каждое положение ярко обрисовано и понятно тому, кому оно адресовано. Удаленный из столицы по наветам «доброжелателей» в 1812 году в Нижний Новгород, а затем в Пермь в ссылку без суда и следствия, он возвратился на службу в 1816 году гражданским губернатором Пензы, а в 1819 году генерал-губернатором Сибири, и он мог поддерживать связь с миром только благодаря своей обширной переписке.

М.М. Сперанский, бесспорно, является одним из замечательнейших людей и деятелей начала XIX века, эпистолярное наследие которого не менее интересно и важно, чем другие виды его многогранной творческой деятельности. Письма реформатора-публициста не только содержат богатый фактографический материал, представляя собой своеобразный документ, свидетельство о времени, в котором он жил, о земле, по которой ходил, о нравах его современников, о людях, с которыми встречался, но и во многом отражают его неповторимый стиль и творческую манеру письма, а также воссоздают его уникальный внутренний мир.

Самыми знаменитыми его эпистолярными образцами явились письма к Александру I. Он писал их настойчиво, уверяя последнего в своей невинности: «во все время, – писал он, – я пользовался вашим доверием, кого и чем я очернил, помрачил, или кому старался повредить в глазах Ваших? На кого навлек какую-либо тень подозрения? Напротив, я всегда желал и при всех случаях старался питать и возвышать в душе Вашей ту любовь к человекам, кротость и снисхождение, какими Бог и природа в благости своей Вас одарили»*.

В письмах к государю он высказывал свою обиду, укор за установленный надзор, надежду, что дальнейшей верной службой Отечеству вернет свое доброе имя: «Среди всех горестей моих я не мог себе представить, чтоб Вашему Величеству угодно было поступить подчиненным начальствам, под надзором коих я состою, притеснять меня по их произволу»**. Изгнанник давал понять, что не сломлен, что очень обижен и оскорблен клеветой, но не опустил до мелкого самооправдания и хочет лишь «свободы и забвения».

* Во всех образцах писем сохранена орфография и пунктуация автора.

** Из письма М. Сперанского к Александру I от 10 октября 1812 года.

Из январского послания 1813 года следует: «Если бы в правоте моей совести и дел нужно мне было ниспускаться к сим потаенным сплетням, на коих основаны мои обвинения, я легко бы мог показать и начало их, и происхождение, открыть и воздушные, и финансовые системы, и личные, корыстолюбивые их расчеты, указать все лица, запечатлеть каждого из них своею печатью, обличить ложь в самом ее сосредоточии и представить на все то столь ясные доводы, что они сами бы, может быть, онемели. Но к чему сии улики? Они будут теперь иметь вид рекриминаций, всегда ненавистных». Поэтому он просил у Александра I дозволения провести в деревне остаток жизни, «поистине одними трудами и горестями преизобильной». Величайшим повелением от 31 августа 1814 года ему дозволено было переехать на житье в Великополье – свое имение. Лишенный возможности работать, он тяготился своей свободой, очень желал очиститься от лжи и клеветы, весьма деликатно предлагал свои услуги: «если в сем уединении, – писал он, – угодно будет поручить мне окончить какую-либо часть публичных законов, разумеется, гражданскую, уголовную или судебную, я приму сие лично от вашего Величества поручение с радостью и исполню его без всякой помощи с усердием, не ища другой награды, как только: свободы и забвения».

Письма к государю, как письма к «высшей» особе написаны учтиво, тон их обрисовывает то душевное смятение, в котором пребывает автор, и он очень надеется, что получатель проникнется сочувствием к пишущему, тем более, что их связывали в прошлом близкие и добрые отношения. В строках Сперанского нет унижения и раболепства, но полное достоинства и надежды на государеву милость.

И все-таки в душе изгнанника начался какой-то поворот, он так хотел оправдаться в глазах общества, вернуть свое доброе имя, что вступил в переписку с недавними своими противниками – Д.А. Гурьевым, А.Н. Голицыным, А.А. Аракчеевым. Глубоко уязвленный, имел твердость и

мужество не показать никому, как жестоко он страдал. В сердце его не нашлось места злобе и ненависти к тем, кто так мстил ему за его стремление утвердить в России начало законности и права.

С Аракчеевым Сперанский поддерживал весьма почтительные отношения. Он обратился к «временщику» с просьбой о содействии вернуться на службу, в весьма льстивых выражениях заискивал перед ним, что подкупило Аракчеева, который всегда отзывался об уме Сперанского с восхищением и, весьма возможно, понимал, какую еще пользу Отечеству может принести этот талантливый человек. Сперанский, по его же словам, стремился, чтобы новый покровитель всегда мог смело сказать: «Я его защищал, но он стоит моей защиты». В своих письмах Сперанский указывал (подсказывал) Аракчееву, как могло бы совершиться его возвращение на службу: или после суда, или «образом самым простым, хотя, несравненно менее удовлетворительным, предоставив ему оправдаться против слов делами». По своей старой привычке писать за всех он тут же приложил проект приказа. Но в Петербург изгнаннику возвратиться было не суждено. Благодаря посредничеству «доброго пустынного грузинской обители» (Грузино – имение Аракчеева), как назвал Сперанский А. Аракчеева, указом 30 августа 1816 года Сперанский был назначен пензенским губернатором. Однако их переписка не прерывалась. Двух временщиков связала еще и деловая нить, так как под военные поселения было продано имение Сперанского Великополье, находившееся вблизи аракчеевского поместья.

Помимо Аракчеева Михаил Михайлович сблизился посредством переписки с князем А.Н. Голицыным. Глубокая религиозность обоих послужила основой их сближения. В письмах к Голицыну Сперанский всячески приветствовал манифест от 24 октября 1817 года об образовании соединенного Министерства просвещения с Ведомством духовных сил и высоко оценивал деятельность библейского общества.

Сам содействовал распространению идей того общества в Сибири, организации филиалов и являлся его членом. Сперанский обещал Голицыну лично вступить по делам этого общества в сношения с сибирским дворянством. Зная о любви государя и Голицына к пустынноикам и затворникам, просил у последнего разрешения посетить Саровскую пустынь. Разрешение было получено, и Сперанский посетил святое места, о чем доложил своему ходатаю. Даже перевод с латыни произведения Фомы Кемпийского «Подражание Христу» был приурочен к этому времени и посвящен библейскому обществу.

Положение Сперанского в Пензе оказалось достаточно устойчивым, местное окружение полюбило его, он наладил отношения с пензенским дворянством и из Петербурга к нему потекли письма самых именитых вельмож и сановников: А.Н. Голицына, О.П. Козодавлева, Д.А. Гурьева, В.П. Кочубея. Сперанский всем давал советы и рекомендации. Обсуждал с Гурьевым – министром финансов – финансовые вопросы государства. Единомышленники, всегда умевшие высоко оценить его ум, профессиональные и личные качества, интересовались мнением последнего по государственным проблемам, которые поступали на их рассмотрение и решение. И ответы следовали незамедлительно. Отмечается весьма благородное отношение Гурьева к опальному вельможе. Он помог Сперанскому с содержанием, восстановлением пожалованной аренды, ходатайствовал перед государем о его возвращении к делам. Отзываясь на финансовые проекты Д.А. Гурьева, Сперанский пишет из Пензы 28 мая 1817 года [В память..., с. 460]:

Милостивый государь Дмитрий Александрович!

Я имел честь третьего дня получить бумаги о кредитной системе, как угодно было вашему высокопревосходительству мне сообщить.

Вы поставили, милостивый государь, весьма высокую цену моей к вам приверженности, дав мне сей знак вашего

доверия. Сии превосходные учреждения ставят правительство наше на такой высоте финансовых соображений, в которых и самая Англия доходила веками.

Между тем, примите, милостивый государь, свидетельство и благодарности моя и совершеннейшего почитания, с коим честь имею быть

вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

М. Сперанский.

Дорогой ценой, ценой душевных усилий он вырывал свое возвращение домой. Хотя Голицын, Гурьев, Аракчеев во многом держались других принципов, нежели Сперанский, в переписке с ними автор был не совсем искренен, подстраивался под их политические и общественные взгляды, за что получил прозвание от графа Е.Ф. Канкрин, министра финансов, «великий ипокрит». Но самостоятельный, самолюбивый и властный его характер не давал ему остановиться: он всеми силами хотел оправдать себя в глазах потомства.

Между тем имея такое большое количество адресатов, никогда не забывал о друзьях своих ни в радости, ни в горе, писал им поздравления, соболезнования, письма-советы и письма-размышления.

Самым близким другом М.М. Сперанского еще с семинарских лет был Петр Словцов, в письмах к которому так ярко раскрывалась его душа. На отъезд из Петербурга Петра Словцова – самого духовно близкого ему человека – Сперанский отозвался письмом со словами утешения: он уверял «любезного страдальца», что «трудно против рожна прати, лучше покориться, бросить все замыслы и ничего не надеяться, не желать и не мыслить, как токмо о едином. Верь, что Провидение ведет тебя особенно: ибо все человеческие способы и усилия, противные твоему влечению, как брение, сокрушаются. Других утешений представить тебе не могу: ибо, невзирая на разность положений, и сам их не имею. Размысли, что ты потерял? Случай к гордости и пишу самолюбия, а

более ничего» (5 февраля 1809 года). Сперанский называл Петра Андреевича Словцова «судьей совести». В письмах к нему он был правдив и искренен, описывая ему свое жите изгнанника: «В горьких внешних обстоятельствах не иметь внутренних, верных утешений, конечно, весьма горестно. <...> Я живу здесь изряднехонько, то есть весьма уединенно и спокойно. Возвратиться на службу не имею ни большой надежды, ни желания: но желаю и надеюсь зимою переселиться в маленькую мою новгородскую деревню, где теперь живет моя дочь и семейство, и там умереть, если только дадут умереть спокойно. Вот вам вся судьбина, настоящая и грядущая. Люди и несправедливости их, по благодати Божией, мало-помалу из мыслей моих исчезают».

Теперь жизнь М.М. Сперанского получила ту полноту внутренней духовной жизни, души, ума и сердца, к которой он стремился всегда. Жизнь в изгнании сделала из него философа.

Самым теплым по содержанию и тихой грусти представляется письмо, адресованное Петру Словцову из Иркутска 24 июля 1820 года: «Посылаю вам, любезный Петр Андреевич, время и вечность: часы и библию. Пусть первые напоминают нам смерть и разлуку, а вторая – верное наше соединение в Спасителе нашем. И здесь живущие духом не разлучаются, а там и разлучаться не могут. Время было бы несносно, если б оное не приближало бы нас к вечности. Для странников, измученных жизнью, бой часов есть голос друга, зовущего к покою. Прощайте, вспоминайте меня в лучшее время жизни, в молитвах и добрых размышлениях, желайте, чтобы тихая рука смерти с верою, любовью и надеждою закрыла мне глаза, зрелищем ложного света давно уже утомленные. Сего желать вам не престану» [В память..., с. 426]. И если в первом письме он обращается к другу на «ты» и говорит о предметах не столь высоких, обыденных, о своем жите-бытье, то второе – и по стилю своему, и по философскому размышлению более возвышенно и уже не терпит фа-

миллярного «ты», говоря о таких высоких материях, как «время» и «вечность». Письмо тем и отличается, что должно давать понимание души и характера пишущего, самовыражение остается жизненно важным и является главным источником читательского интереса.

Лишенный деятельности, с чувством разочарования и утомленности от окружающего, «изгнанник» потерял уже свои «бойцовские» качества «уновителя» и решился отрицать самую надежду и «жить одними надеждами высшего рода, кои никогда обмануть не могут».

Среди переписки Сперанского известны три издания, посвященные его дружеским письмам: «Дружеские письма графа М.М. Сперанского к Н.Г. Масальскому» (СПб., 1862), «Письма графа М.М. Сперанского к Х.И. Лазареву» (СПб., 1864) и «Письма Сперанского к его дочери Елизавете Михайловне из Сибири» (М., 1869). Если письма к Масальскому в основном посвящены ведению хозяйства и домашним заботам, то переписка с Лазаревым, начавшаяся между ними с пермского периода и продолжавшаяся до самой смерти Сперанского, имела самые разнообразные оттенки: просьбы, поздравления, рекомендации, приглашения и т.д. Всегда письма заканчивались изъяснениями в самой преданной дружбе и искренней любви. Дружба с «лазаревским домом» принесла автору много полезных знакомств. Друзья и знакомые выручали его во многих обстоятельствах, и тон писем и обращений к ним исполнен самого неподдельного чувства уважения и дружбы: «Продолжайте ко мне хоть изредка писать. Я не токмо вас о сем прошу, но даже требую именем дружбы, которая с моей стороны пребудет всегда непоколебима. Христос с Вами» (Пенза. 16 января 1816 г.).

И далее: «продолжайте любить меня, пишите ко мне сколь можно чаще и верьте всей искренности моих чувств, исполненных к вам любви и почитания» (20 ноября 1816 г.). Михаил Михайлович никогда без крайней нужды не обращался к своим друзьям за помощью, но «когда же придет

нужда, скажу Вам искренно, просто и заблаговременно», и далее он размышляет по этому поводу: «Для чего должен я вместо приятной беседы занимать вас моими хлопотами, но будьте до конца терпеливы и снисходительны. Я вижу конец моим заботам, и тогда не услышите вы от меня ничего, кроме беседы дружеской и бескорыстной, основанной на чувствах моего сердечного к вам почтения и привязанности непоколебимой, с коею всегда буду

Ваш верный слуга и друг».

Нет сомнения в том, что чувства автора искренни, они продолжатся долгие годы, и, в свою очередь, Сперанский будет помогать этим людям своим письменным словом, сочинять прошения к государю от их имени о даровании Лазаревскому институту восточных языков главного покровителя и начальника в лице графа А.А. Аракчеева, который стал впоследствии главным начальником сего учебного заведения (1825-1827), основанного семейством Лазаревых.

Дом Лазаревых в Москве был теплым и гостеприимным. Будучи в Москве, Сперанский всегда останавливался в их доме, зная радушие хозяев.

Венцом всех эпистолярных сочинений М.М. Сперанского явились его письма к дочери Елизавете Михайловне, в замужестве Фроловой-Багреевой. Рано овдовев, Сперанский был очень привязан к дочери, серьезно занимался ее воспитанием, всю жизнь оставался самым близким ей другом. Их переписка собрана в отдельную книгу и вбирает в себя период ссылки, главным образом письма, написанные из Сибири (в книге помещено 94 письма). По нежности чувств, по бесконечности заботы о дочери и любви к ней письма Сперанского к Елизавете Михайловне могут быть сопоставимы лишь с перепиской великого полководца А.В. Суворова с его дочерью Наталией Александровной, учившейся в Императорском женском воспитательном институте благородных девиц в силу сложившихся семейных обстоятельств. Пись-

менное общение отца-Сперанского не может не волновать любого, когда-либо читавшего эти строки, в том ли веке или в наши дни. Любовь отца к дочери, излившаяся в письмах, могла бы составить целый эпистолярный роман. Вся боль сердца, надежды и утрата оных в разные промежутки времени отражались в этих письмах к дочери, которая в годину испытаний смогла стать своему отцу настоящим другом, верным и внимательным. Чтобы не огорчать отца, Елизавета Михайловна всегда поступала в соответствии с его рекомендациями и указаниями, училась и учила других, занималась музыкой, поэзией, живописью, изучала языки — делала все, чтоб отец мог гордиться ею.

Из письма М.М. Сперанского из Семипалатинска 30 августа 1820 года:

«...Живопись твоя прекрасна, я ее вижу пред собою. Итальянский твой язык есть последняя черта моих о тебе желаний. Окончив ее, кажется, все будет окончено, что было начато и без тщеславия можно быть покойным. Ты не отстаешь от своего века, сколько бы ход образования его ни был бы обширен и стремителен. Все двери познаний, все источники чистых удовольствий тебе открыты.

Ангел хранитель да будет с тобой».

Из переписки мы узнаем о пристрастиях М.М. Сперанского в музыке (Гайдн), в литературе (Шатобриан, Фенелон, Шиллер, Сервантес), о его отношении к изучению языков, чтению, дружбе и о многом другом. Отец анализировал все ошибки, встречающиеся в письмах дочери, и объяснял, как должно писать и произносить правильно слово, находя его аналог во французском языке, и тогда тон его письма становился игривым: «...между тем, позвольте, Елизавета Михайловна, старому вашему учителю сделать одно примечание...»

Все невысказанные слова любви, которые накопились в нем после безвременной кончины его молодой супруги, были

посвящены дочери. Никогда больше имя ни одной женщины не связывалось с именем Сперанского. Из поздравления по поводу дня Ангела Елизаветы 5 сентября 1819 года читаем: «Сила любви не знает расстояний, и в Иркутске я праздную сей день счастливейший в моей жизни благодарением всевышнему Отцу, который вместо всех благ жизни даровал мне тебя. Ангел-хранитель невинности и чистоты душевной да будет с тобою».

Он постоянно напоминает дочери, как она ему дорога: «В любви к тебе не имею я никакого самолюбия, и что, жертвуя всем, я желаю одного, — чтоб ты была неприкосновенною, чтоб на одного меня излили все, что есть горестного в судьбе моей. Я не могу чувствовать радостей без тебя; но могу жить и без радостей; одного желаю и прошу у Бога, чтоб ты была счастлива. Никогда не перестанешь ты меня привязывать к земле, доколе желание сие не совершится и если бы должно было еще пять раз быть в Сибири, я чувствую себя в силах все перенести без ропота и без ослабления» — признание из Красноярская 7 августа 1820 года.

Он весь был пронизан болью, считая себя, свои «обстоятельства» источником ее неустроенной жизни: «Но мысль, что она должна быть жертвою моих обстоятельств, есть убийственна», — признавался он в письме от 20 мая 1820 года князю В.П. Кочубею, — министру внутренних дел.

Лишенный возможности постоянного общения с дочерью, любящий отец в письмах старался учить ее, наставляя, как должно себя вести: «Никогда не шути с людьми, не имеющими ни вкуса, ни воспитания... С людьми сего рода один может быть образ поведения: как можно меньше говорить».

Из письма от 9 октября 1820 года (Тобольск).

«В состав судьбы нашей с тобою входит та странность, что ты более обязана ко всем тонкостям, ко всей взыскательности самых глупых и стеснительных приличий, нежели все

другие. Это есть следствие твоего и моего положения и той всеобщей пытливости, которой можно избежать, но коей нельзя отразить, ни презреть. Это еще есть жертва, которую ты должна принести моей судьбе. Ты не можешь нигде носу показывать без Марии Карловны.

Со мною придет к тебе свобода».

«Любовь моя к тебе совершенно бескорыстна, ибо мое личное счастье и по летам и по милости Божьей так удостоверено, что оно ни от кого не зависит. Следовательно, думай только о себе, если хочешь видеть меня счастливым» (Иркутск, 15 мая 1820 года). И продолжение той же мысли через пять дней после вышепротитированного: «Совсем к другим сценам, к сценам высшего рода я должен себя готовить. На земле же для меня есть одна только точка интересная: ты. Но и ты перестанешь меня привязывать к земле, как скоро я увижу, что можешь ты идти и без меня. Тогда я скажу: ныне отпускаешь раба твоего с миром» (Иркутск, 20 мая 1820 года).

Ко всем друзьям изгнанник обращался с одной просьбой, чтобы Лизавета его ни в чем не нуждалась. Сам посылал ей бесконечные подарки с оказией и засыпал письмами с рассказами о своих поездках по Сибири: «В Сибири ли мы? Едва можно верить сему очарованию. Прекраснейший климат, приятнейшие местоположения, орошаемые величественною, гордою, покорною Обью. Здесь полное лето во всем блеске и роскоши растений и все это вместе есть Сибирь: вопиющее смещение и злоупотребление слов» (Барнаул, 24 августа 1820 года).

Сперанский подробно описывал свои передвижения по Сибири, восторгаясь тем, как велика Русская земля и находил в ней тех же людей, ту же чернь, те же нравы и обычаи, те же пороки и добродетели, что и в центральной России, Петербурге и Москве. «Здесьнее население есть смесь или произведение всех стран России. Но не думай и позволяй ду-

мать, чтоб Сибирь населена была ссыльными и преступниками. Число их как капля в море; их почти не видно, кроме некоторых публичных работ. Невероятно, как вообще число их маловажно. Тебе покажется странным предмет письма сего, но надобно, чтоб ты имела об Отечестве своем верные понятия во всех отношениях».

Переписка отца с дочерью продолжалась всю жизнь, если им приходилось расставаться даже на некоторое время. После возвращения из сибирской «командировки» он вдруг стал завсегдатаем балов и званых вечеров – и этому есть объяснения. Елизавета Сперанская созрела для замужества, и отец не мог не принимать участия в ее судьбе. Он был готов ради нее пожертвовать всем! Впоследствии дочь Сперанского стала писательницей, свои первые стихотворения и литературные упражнения всегда показывала отцу, обладателю тонкого, изысканного вкуса, и он внимательно относился к ее творчеству: «Стихи твои действительно прекрасны. Самое чувство пером твоим водило. Последняя строфа особенно прекрасна нравственным ее отливом. Я знаю ее наизусть ...» (Петербург, 19 января 1823 года).

В письмах М.М. Сперанского есть свой стиль, художественная манера, хотя в то время новый литературный язык еще окончательно не сложился, и поиски стиля оставались предметом всеобщего внимания. Нужно помнить, что письмо есть нечто очень индивидуальное, ни стиль его, ни содержание не развиваются по какому-то одному шаблону или правилу, здесь присутствует сосуществование стилей и жанров, и каждое письмо есть образец авторского повествования, присутний определенному лицу. Жанр и стиль излагаемого основываются на назначении письма (деловое, дружеское, родственное) и материале – письмо с политическим, бытовым, описательным или литературным содержанием. Хотя дружеские письма и письма к близким, как правило, затрагивают в основном бытовую сферу общения, частное письмо в русской традиции тесно переплетается с публицистическим,

часто становясь для автора своеобразной трибуной, позволяющей ему прямо и непосредственно высказывать самые разные суждения, декларировать свои религиозные, политические или эстетические убеждения.

В письмах М.М. Сперанского присутствует тот самый разговорный язык, в значительной степени свободный от архаизмов и книжных форм, к которому в то время стремилось перейти российское общество. Для начала XIX века простая, «деловая» проза была важным этапом в развитии русского языка по сравнению с громоздкой, высокопарной прозой XVIII века.

М.М. Сперанский явился представителем нового прекрасного стиля, его письма стали образцом повествовательной прозы, большей частью слога живой речи. Они занимательны по содержанию своему и интересны по художественной отделке. Русским языком Сперанский владел в совершенстве – стиль его и слог всегда соответствовали жанру посланий в зависимости от их адресатов. Умение подбирать сердечные, возвышенные, яркие сравнения и эпитеты, делали его речь (письменную и устную) достойной подражания.

Эпистолярное наследие Сперанского огромно. Большая часть переписки хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (фонд 731) и до сих пор не издана. Значительная часть переписки содержится в юбилейном томе, подготовленном А.Ф. Бычковым «В память графа М.М. Сперанского» (СПб., 1872). Отдельные письма разбросаны по разным журналам: «Русская старина», «Архив исторических и юридических сведений, относящихся до России», «Русский архив» и многим другим.

Письма Сперанского – незаменимый исторический источник. Они являются отображением образа мышления автора, понимания пишущим связи явлений, показателем степени его осведомленности и объективности в оценке описываемых событий. Это свидетельство мастерского владения их автором эпистолярной культурой. Письма дают ясное представ-

ление о том, что волновало человека, разлученного с близкими и родными, что двигало его поступками в надежде оправдать себя в глазах современников и потомков.

Переписка Сперанского имеет огромное значение для понимания политической и культурной жизни и истории России того времени. В числе корреспондентов М.М. Сперанского были крупнейшие политические деятели России, духовенство, видные ученые и простые люди. Он переписывался также с известными европейскими политиками и учеными.

§ 4. Язык и стиль трудов М.М. Сперанского как духовная биография его личности

М.М. Сперанскому посчастливилось жить в то переходное время на грани веков, когда новые литературные течения сменялись с такой быстротой, с каковой сменялись на престоле русские самодержцы. Во времена Екатерины II торжествовал классицизм, к концу ее царствования и с восшествием на престол Павла I появились в литературе сентиментализм и предромантизм, а романтизм родился, укрепился, расширил свои границы во время царствования Александра I и окончательно расцвел к моменту вступления на престол Николая I. Человек, идущий со временем в ногу, не мог не ощутить на себе влияние новых литературных течений, стилей и направлений, что, естественно, отражалось на его манере мыслить, говорить, писать.

Новый век обещал быть либеральным: у нового поколения возникли в умах новые понятия, новые воззрения и устремления, сложились новые общественные отношения, и среди них зародились новые права и обязанности граждан.

Используя язык своего народа, писатель обычно довольствуется той степенью его развития, на которой он находится в данное время. Но появляются люди с иными идеями и настроениями, которые указывают на новые отношения

вещей и понятий в языке, и тот же язык в их произведениях обнаруживает новые силы – гибкость, способность к точному употреблению слов и словосочетаний. И только со временем эти способы выражения, заключающиеся в природных богатствах языка, становятся всеобщим достоянием. Но «задача обучения искусству речи, естественно, ставит вопрос о различии в понятии стиля, как определенного функционального типа речи, и слога, как стилистической категории, связанной с индивидуальностью речевой манеры говорящего» [Васильева, с. 24].

«Мы обыкновенно Карамзиным означаем эру усовершенствования нашего литературного языка, когда он отбросил в нем тяжелые искусственные формы, совершенно несвойственные ни нашей национальной мысли, ни нашему общепринятому языку, и заменил их формами, так сказать, подвижными, живыми, согласными с требованиями их логики и духа», – писал А.В. Никитенко о вкладе Н.М. Карамзина в русский литературный язык [Никитенко, с. 10]. Здесь уместно некоторое рассуждение о периоде, именованном «карамзинским», поскольку последнее десятилетие уходящего века было особенно ощутимым в становлении нового русского языка. Один человек, в данном случае Н.М. Карамзин, никак не мог считаться единственным преобразователем языка, это было бы несправедливо по отношению к его предшественникам – Д.И. Фонвизину, Н.И. Новикову, Г.Р. Державину, А.А. Петрову и другим, во многом содействовавшим становлению русской словесности, особенно развитию и обогащению лексики зарождающегося литературного языка. Новое звучание языка Н.М. Карамзина как любимого писателя того времени представлялось читающей публике воплощением этих норм и тенденций, и, как пишет Левин В.Д., «вполне можно согласиться с И.И. Дмитриевым, утверждающим, что когда Карамзин выступил на авторское поприще..., обдуманная система уже предшествовала его почину» [Левин, с. 116].

Среди лиц, язык которых уже в то время отличался чистотой слога, необходимо назвать М.М. Сперанского, который, по нашему мнению, даже превзошел своего современника. Первые сочинения и руководства Сперанский написал в конце XVIII века, будучи преподавателем словесности и физики в духовной семинарии. Стиль и слог его мыслей далеко опережал еще только зарождающиеся споры о «старом» и «новом» стилях. Сначала внимание общественности привлекли проповеди юного семинариста, затем и учебное пособие по красноречию. В стиле диалектически связано индивидуальное и общее. С одной стороны, многие поколения повторяют вслед за французским ученым Ж. Бюффеном: «Стиль – это человек, а с другой – мы говорим о стиле времени». Здесь нет противоречия, поскольку сочинитель с ярким индивидуальным стилем усваивает опыт русских, европейских, мировых своих предшественников, но его неповторимый стиль, в свою очередь, наследуется грядущими поколениями. Стиль М.М. Сперанского лаконичен – язык ясен. Самые нужные мысли нередко звучат афористически. Индивидуальный стиль – это достаточно высокая степень совершенства. Но наиболее ощутимое, важное качество языка Сперанского, прямое отражение его духа – это ясность, разливающаяся по всему объему его изложения, особенно, когда он рассуждает, пишет о высших целях государственного управления.

Издатель сочинения «Правила высшего красноречия» Иродион Ветринский в своем слове от издателя к названной работе тоже поделился мнением о данном труде двадцатилетнего автора: «Судя по времени (1792) едва ли этот автор не был первый и между всеми нашими литературными знаменитостями, трудившимися над положением краеугольного камня зданию нового русского слова. Государственная служба увлекла его к себе, но кто знает, менее ли добра сделал бы он и на поприще словесности, физико-математических наук и философии» [Сперанский, 1844, с. 111]. Это, безусловно,

яркое высказывание, и говорит оно о многом. Нет сомнения, что Сперанский, так талантливо начавший свой карьерный рост, мог бы сделать еще много на «поприще словесности», но и сделанное им оказалось достаточным, для того чтобы быть причисленным к числу преобразователей языка.

Как всегда, проповедуя полезность чтения для образования и просвещения человека, и видя в нем источник знаний и человеческой мудрости, учитель словесности писал: «Покажите мне ваших друзей, говорит один из древних, и я познаю ваши нравы. Покажите ваши книги мне, можно к нему добавить, и я определю род вашего просвещения: ибо величайший плод чтения есть разверзть собственные наши понятия, или давать случай им раздражаться». Главное требование, которое автор предъявляет к сочинителю, – это ясность изложения, дабы не мучить читателей «трудным сопряжением понятий». «Каким бы слогом он ни писал, бог доброго вкуса налагает на него непрменный закон быть ясным» [Сперанский, 1844, с. 101, 173]. В названном сочинении уже видна та свобода, легкость, разнообразие и естественность в построении речи, какие впоследствии Карамзин «привил к нашему литературному языку».

И. Чистович в «Истории Петербургской духовной академии» (СПб., 1857) спустя десятилетия восхищался трудом молодого преподавателя Михаила Сперанского «Правила высшего красноречия». Он признал неоспоримым тот факт, что «язык автора, по своему изяществу резко отличается от большей части сочинений своего времени и имеет много достоинств». Он поясняет при этом свою позицию так: «Автор выразил понятия, совершенно соответствующие характеру новейшего красноречия, особенно духовного, в противоположность ораторскому искусству древних, и выразил их в такое время, когда в науке словесности господствовала французская теория, которая, основываясь на древних образцах, все в поэзии и красноречии низводила к одним внешним причинам и побуждениям и главным началом искусства при-

знавала подражание внешней природе». Чистович говорит об изяществе речи Сперанского, которая во многих местах является «одушевленной, картинною и возвышенною». Обилие прекрасных примеров красноречия (хотя и ограничивающихся произведениями древних классиков и французской литературы), но приведенных со строгой разборчивостью и с объяснениями самого автора «верными, умными и живоизложенными, также делает честь его вкусу» [Чистович, 1857, с. 79-80].

М.М. Сперанского интересовала стилистика индивидуальной речи, представления о которой он раскрыл, излагая концепцию теории слога. Уже в это время был поставлен вопрос о стилеобразующих различиях слога, о самых характерных чертах языка отдельной личности, независимо от профессии. «Слово есть род картины, оно может быть превосходно в своей рисовке, или в первом очертании. Но без красок картина будет мертва. Одно выражение может дать ему жизнь» [там же, с. 173]. Рассуждая о свойствах слов и понятий, М.М. Сперанский вслед за В.К. Тредиаковским подчеркивает значение и необходимость правильного употребления слов: «И вот что называется не знать своего языка: это есть не знать общей цены слов. Итак, можно обезобразить мысль словами, предложив ее неверно, или приняв к выражению ее не те знаки, кои употребление повелевает». Поэтому при употреблении слов, считает Сперанский, следует руководствоваться твердыми правилами. К общим свойствам хорошего стиля автор относит ясность, разнообразие формы, единство, части должны быть разнообразны, но целое едино. В книге И.В. Катетова «Граф М.М. Сперанский как религиозный мыслитель» (Казань, 1889) помещен отзыв о юношеском сочинении преподавателя семинарии: «Недостатки несколько вычурного и переплетаемого славянизмами языка и обращение к образцам французским общи ему с другими, но тонкость критики, чистота и изящество вкуса, глубокий психологический анализ, строгая логическая раздельность поня-

тий, ясность и живость представления, одушевленность изложения и, наконец, приемы, возвышающие его, как настоящего профессора над учителями-риторами, составителями и собирателями рутинных правил сочинения – все это такие достоинства, которые сделали бы честь профессору красноречия и в другое время, знакомое с лучшими теориями и образцами красноречия» [с. 899]. Через сто лет наша современница проф. Л.К. Граудина также отдает дань Сперанскому как несомненному обладателю «тайнами слова» и помещает в хрестоматии по риторике фрагменты из этого «памятника» [Граудина, с. 37].

Год от года язык и стиль реформатора-публициста более совершенствовался, обретал большую силу и зрелость, что особенно ярко отражено в его переводе с латыни «О подражании Христу» Фомы Кемпийского. Переводчик очень бережно относился к латинскому тексту оригинала, переводил старательно и с любовью эти священные строчки, стремясь слиться в мироощущении с автором и боясь нарушить торжественность и возвышенность латыни, «перелагая» ее на русский язык. Но тем не менее перевод удался, книга издавалась трижды (1819, 1821, 1844 гг.). Художественный перевод как поэтический, так и прозаический – настоящее искусство, плод писательского дара. Сперанский-переводчик, наделенный даром слова и стиля, смог передать в изложении «сильную в изображениях» краткость латинского языка. Индивидуальность переводчика в данном случае проявляется в том, что именно выбрал он для перевода с целью воссоздания на родном языке, какой вопрос волновал его, чем хотел он поделиться с читателями. Раскрывая проповеднический замысел Фомы Кемпийского о любви к ближнему и добре, переводчик раскрыл и свою индивидуальность, но так, что она ни в коей мере не заслонила индивидуальности автора.

М.М. Сперанский так свободно владел средствами родного языка, что и государственные бумаги, составленные и написанные им, звучали уже совсем иначе, чем документы

предшествующего периода. Свой литературный слог он внес и в сферу правительственную, приспособив его в качестве языка канцелярий и кабинетов. По долгу своей гражданской и чиновной службы Сперанскому приходилось заниматься преимущественно официально-деловыми бумагами государственного масштаба: он составлял манифесты, указы, проекты, доклады, записки, отчеты, которые визировались царем или министрами. Ярчайшим примером образца таких документов является манифест от 13 июля 1826 года (Приложение 3). Профессор В.А. Томсинов пишет по поводу этого манифеста следующее: «Чтобы ни говорили историки об этом манифесте, по содержанию своему и стилю он замечателен» [Томсинов, с. 308].

Легко и доходчиво писались Сперанским обширные проекты государственных преобразований, акты, указы, положения. Автор документов сам гордился своим умением так все расположить, «что все части столь естественно связаны между собою, что ни одной из них нельзя исторгнуть, не разрушив целого». Получая задание подготовить какую-либо бумагу, указ, Сперанский проявлял исключительный талант человека, умевшего понять и отчетливо изложить мысль начальника в таких изящных формах, каких не сумел бы найти сам автор. Этим пользовались все три государя, при которых он служил, этим пользовались многочисленные министры, друзья государей, чиновники разных родов службы.

По меткому определению В.О. Ключевского, «Сперанский привнес в русскую неопрятную канцелярию XVIII века необыкновенно выправленный ум, способный бесконечно работать, и отличное умение говорить и писать. Ко всему этому, разумеется, он был настоящей находкой для канцелярского мира. Этим подготовилась его необыкновенно быстрая служебная карьера» [Ключевский, 1989, с. 198]. До Сперанского гражданская служба в общественном мнении ценилась очень невысоко. Своей деятельностью реформатор поднял ее на «чрезвычайную высоту, он сообщил ей важ-

ность, ибо стянул управление России в центральные учреждения, сделал их распорядителями народного блага» [Середонин, с. 240].

Общение с выдающимися людьми своего времени – поэтами, писателями, политиками, знакомство со всеми новинками отечественных и зарубежных авторов раздвигали рамки его деятельности и творческих занятий. Как образцовый гражданин, он откликался на все вопросы жизни: просвещения, образования и культуры, а также политические, экономические, международные, исследовал состояние каждого из них, и это так тревожило его, что слова, которые он находил для выражения своих чувств, отражали его взволнованность и публицистическую страстность. Характеризуя современное общество, основанное на зависимости крестьян от помещиков, а дворян – от государя, давал ему резкую оценку: «Я нахожу в России два состояния – рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов» [Сперанский, 1961, с. 43].

Проекты реформ и записки Сперанского не лишены угрожающих рассуждений: «Никакое правительство с духом времени не сообразное, против всемогущего его действия устоять не может». «Дух народный переменяется по обстоятельствам. Всякий век имеет свою физиогномию...». И главный вывод из всего сказанного: чтобы «не народ приспособляли к правителю, но правление к состоянию народа», актуален, как никогда!

Слово – это не только мысли, но и образность, отсюда его огромная роль. Памятуя, что М.М. Сперанский не был ни писателем, ни поэтом (хотя у него имелись все предпосылки для этого), а просто чиновником высокого ранга, желавшим путем реформ переделать существующий в империи порядок, согласимся с тем, что он мог лишь через государственные бумаги, документы, уставы, положения, написанные им,

донести свое живое ощущение действительности, выразить взгляды на разные общественные проблемы.

У Сперанского уже в ранние годы его государственной деятельности зародилась убежденность в возможности рационального и систематического переустройства общества, убежденность, идущая от самого духа эпохи Просвещения. План радикальных реформ он замыслил как «перестройку» в России. В архиве Александра I сохранился обозначенный Сперанским термин великого обновления – «перестройка» [Россияне, с. 4].

По классификации М.В. Ломоносова, государственные бумаги – это «прозаические речи о важных предметах», они предполагают высокий стиль изложения. Но характер писаний варьировался (записки к государю, манифесты, указы, письма к государственным деятелям и т.д.), и вместе с тем варьировался и стиль изложения в зависимости от темы или персоны.

Научная тематика предполагает в специальной литературе точность выражений, абстрактность и объективность изложения, что характеризует основные черты научного стиля речи. Вот как объясняет Сперанский взаимосвязь между законом и управлением (научная тематика, юридические термины): «Слово *право* происходит от слова *править*: правят по закону лица и места, законом установленные, но закон сам по себе не правит. Управление действует по закону, но закон различен от управления» [Сперанский, 2002, с. 18].

Обратясь к истории зарождения научного стиля в русском языке, припомним, что с эпохи Возрождения началось формирование специальной терминологии, но европейские ученые еще довольно длительное время пользовались латинским или греческим языками, чем во многом объясняется активность грецизмов и латинизмов, дошедших до наших дней. Научные трактаты стилистически приближались к художественной и ораторской литературе, писались даже в стихах, изобиловали образным описанием, метафорами, различными

риторическими фигурами. В эпоху Просвещения язык науки, в частности, естественных наук, постепенно стал отходить от художественной речи, но все еще сохранял близость к ораторской, что связано с самим характером просветительства. Примером тому могут служить «Правила» и «Физика» Сперанского, увлекательно изложенные автором в конце XVIII столетия в стенах Главной семинарии. Основным достижением этого времени является начало утверждения специальной терминологии. Накопленные знания уже не вмещаются в рамки древних языков, стремление же к популяризации знаний требует демократизации языковой формы. Именно к этому периоду относится деятельность М.В. Ломоносова, родоначальника национального научного стиля речи. Эпоха капитализма – время бурного развития науки и техники, способствует освобождению научного языка от «поэтизмов». Однако крупнейшие русские дореволюционные ученые были в большинстве своем просветителями, страстными пропагандистами научного знания, публицистами, поэтому, с одной стороны, XIX век – это век складывания научного стиля в системе единого национального русского языка, положенного в основу М.В. Ломоносовым. С другой стороны, русская научная речь пока содержит значительное количество элементов ораторской речи, которая еще окончательно не переросла в публицистический стиль.

Рассуждая о ясности в слоге законов, Сперанский подчеркивал особое значение профессиональных форм выражения. Быть ясным – не значит быть примитивным. В своем замечании о ясности в слоге законов правовед поясняет: «Многие под именем ясности в слоге разумеют такое изложение, по коему можно было бы разуместь каждую статью закона, раскрыв только книгу, и по одному взгляду, не учась, не вникая, без соображения. Сей ясности мы обещать не можем. Есть статьи, кои по первому воззрению могут быть разумительны; но есть другие, и большей частью, кои требуют предварительных познаний» [там же, с. 199].

Другой пример из области его рассуждений о слоге — это совет людям, взявшимся за перо. «Надобно сказать ни слишком мало, ни слишком много; занимать внимание и не приводить в усталость, надобно почитать ум читателя, но не принуждать его нас угадывать» [Сперанский, 1844, с. 176]. Так, как он советовал писать другим, писал и сам. Слог его сочинений был доступен и понятен, всегда логическая связь не теряла нити. Он использовал небольшие по размеру чеканные предложения, дабы не ввести читателя в заблуждение и быть правильно понятым, искусно подводил его к главной теме. Современники чрезвычайно высоко ценили литературное дарование Сперанского, его реформаторскую (преобразовательскую) деятельность в сфере профессионального языка. «Что Карамзин сделал для русской словесности, Митрополит Платон и Михаил для духовного красноречия, *style bagтеou* (фр. «стиль адвоката»), то сделал Сперанский для правительственного слога... До него и слог сей и самый почерк были варварские, в чем согласятся со мною все, подобно мне начавшие и продолжавшие сорок лет назад гражданскую службу» [Мысли Рунича..., с. 322].

В официально-деловом стиле выдержаны все тексты законов, указов, отчетов, объяснений. Здесь имеются определенные шаблоны: шаблонное оформление и шаблонный язык, т.е. стандартизирован не только язык, но и само оформление. Образец документа: «Я, нижеподписавшийся, сим объявляю, что я ни в какой масонской ложе и ни к какому обществу, ни внутри империи, ни вне ее, не принадлежу и впредь принадлежать не буду...». (Из объяснения тайного советника М. Сперанского в Санкт-Петербурге 11 сентября 1822 года.)

Самый высокий стиль изложения находим и в его докладах, отчетах, записках к государям с набором архаизмов и старославянизмов, придающих речи приподнятость и торжественность, написанных по этикету. Из отчета о делах 1810 года, представленного императору Александру I

М. Сперанским 11 февраля 1811 года: «...Сим приведен я буду паки в то счастливое положение, в коем быть всегда желал, чтоб весь плод трудов моих посвящать единственно Вам, не ища ни шуму, ни похвал, для меня совсем чуждых». Это образец письма «высокого» стиля, обращенного к венценосной особе, речь величественная и учтивая, но без раболепства. И еще: «Умилосердитесь надо мною, всемилостивейший Государь, не предайте меня на поругание всякого, кто захочет из положения моего сделать себе выслугу, пятная и уродуя меня по своему произволу». Такими словами призывает «реформатор» Александра I к добродетели и осуждает низкие страсти его гонителей, которые «не видя точной цели и конца перемен устрашились вредных уновлений».

Признавая полезность критики и вред самоуспокоения, великий реформатор считал тесное общение с народом непременным условием для ознакомления с истинным положением дел на местах, для чего открыл к себе доступ с просьбами и жалобами и принимал у себя посетителей с утра до вечера, в бытность свою губернатором в Пензе и Сибири. «Жалобы ... всегда суть добрый знак. Они означают общий порыв к совершенству; народ пробуждается. Государство, которое находит все свое совершенным, спит в покойном невежестве или умерщвлено рабством». И как лозунг или предупреждение для всех последующих государей и правителей звучит следующая фраза: «Усовершенствия принужденные не прочны, ОНИ НАСИЛЮЮТ ПРИРОДУ!» [Сперанский, 1961, с. 75].

Наблюдая за нищенским состоянием российских губерний, называл увиденное «скудной единообразной действительностью», управление «железным» и зло «нетерпимым». На вопрос о том, какие учреждения наиболее нужны, «не теряясь в воздушных высотах» с достоверностью отвечал: «Всего нужнее учреждение или устав об управлении губерний», поскольку в то время они признаны в «инвалидном» положении. Вид Нерчинских заводов произвел на автора уг-

нетающее впечатление. Он писал: «Я возвратился сюда из преисподней, из Нерчинских заводов, где спускался я на 36 сажен под землю, чтоб видеть своими глазами последнюю линию человеческого бедствия и терпения. Ничто не может быть поучительнее сего впечатления» [Письма..., с. 117].

При правильном подборе и употреблении слов, найденных для изображаемого предмета, возникает конкретный образ, увиденный сочинителем. При чтении этих строк вырисовывается картина истинного положения вещей, описание которого в образных сравнениях и умело подобранных эпитетах дано автором. Этот поток слов воспринимается как символ общественного зла и зла «нетерпимого». Слова эти имеют особую эмоциональную окраску, отчего автору очень грустно. Но тем не менее он должен видеть жизнь, слушать биение ее пульса, собирать факты и реагировать на все процессы, происходящие вокруг него. Подобное богатство эмоциональных впечатлений достигается, прежде всего, непосредственным участием в общественно-политических событиях времени, чувствуется страстная заинтересованность автора в том, что совершается вокруг, и непреодолимое его желание искоренить зло, показать помимо явления и его сущность.

Занимаясь реформой образования, Сперанский усмотрел «корень зла» в чинах, которыми измеряются все успехи гражданской службы, «ибо с чинами сопрягаются не только отличия, но и места, и все выгоды». Публицист-реформатор возмущенно говорит о том, какую «услугу» государству может оказать чиновник, занимающий место в канцелярии, никогда не учившийся и себя к данному делу не готовивший. И вот вывод: «Чины не могут быть признаны установлением для государства ни нужным, ни полезным. Они наносят только вред обществу, делят народ на дворянство и чернь, дают ложную оценку местам и достоинствам, смешивают и ставят наравне людей просвещенных с невеждами, наполняют должности чиновниками неспособными и даже из писцов,

науками не приуготовленных; одним порядком службы приводят людей к высшим званиям государственным; искательствами и множеством мелких злоупотреблений они развращают дух народный и, что всего горше, заражают сами источники народного воспитания» [Сперанский, 2002, с. 333]. Данное извлечение из записки «Об усовершенствовании общего народного воспитания» (1808 г.), написанное с публицистической страстностью, как нельзя лучше демонстрирует яркую манеру авторского изложения. Вышеприведенная цитата написана автором в самом начале XIX века, но как злободневно, ярко и выразительно звучат эти слова и в наши дни! Экспрессия и выразительность языка его трактатов и документов побуждает читателя верить автору в его желание переделать этот «деспотический» мир, покончить с невежеством и безграмотностью.

Многое из того, что так волновало Сперанского, чему так много внимания и времени было уделено в его публицистических трудах, не воплотилось в жизнь, осталось «под сукном» рабочих столов их императорских величеств, и автор, размышляя о неудавшихся планах своей государственной деятельности, делает вывод: «Из всех огорчений, самое чувствительное для всякого человека есть расстаться с его идеями добра и находить то невозможным, что столь очевидно было бы полезно. Это мучение Тантала видеть добро, хвататься за него и никогда не поймать. Это судьба всех почти лучших человеческих желаний» [там же, с. 262].

Поэтика языка Сперанского достигается умелым подбором стилистических средств, эмоциональной окраской излагаемого. Намеренное повторение союзов или местоимений накаливает атмосферу восприятия читателем или слушателем: многократное повторение союза «если» в проповеди уже звучит угрозой, «если государь не будет на троне человеком, если сердце его не познает обязательств человека, если не сделает ему любезными милость и мир, то история «черной кистью прибавит, что ты был тиран твоего отечест-

ва». «Меня, заключенного в моем кабинете, меня, ни по роду моему, ни по имуществу не принадлежащего к их сословию» — для логического интонационного выделения именно «меня». «И здесь ... то же небо, тот же благотворный свет солнечный, те же люди, смешение добра и зла». Намеренное употребление указательных местоимений — «тот, те, то», и вдруг антитеза — добро и зло. Одним эпитетом он мог дать читателю ясное представление о «вопиющем насилии», горестях «преизобильных» или используемой метафорой обрисовать разваливающуюся государственную систему управления в городе Пенза, где состояние городской системы уподобляется работе «на гнилом и скрипучем станке».

Несмотря на канцелярскую форму многих документов, трактаты и записки Сперанского являются памятником творческого наследия публициста-реформатора. Все, что он писал и претворял в жизнь, было подчинено идее служения России, к пользе Отечества, науки и просвещения. Все эти непреходящие культурные ценности можно считать духовной биографией личности.

М.М. Сперанский чутко улавливал масштаб происходившего, умел лаконично передать его в слове наряду с выразительными средствами описания. Таковы письма Сперанского — подавляющее их большинство. Таковы его официальные отчеты, записки, положения и трактаты.

Есть основания расценивать все, написанное М.М. Сперанским и доставшееся нам в наследство, включая эстетически значимые страницы научной публицистики, эпистолярное наследие, даже некоторые деловые бумаги, как документальную, притом во многом автобиографическую прозу, хотя сам автор никогда не ставил перед собой цели писать автобиографическое произведение. Его бумаги — это сама жизнь в ее проявлениях и потребностях, побуждавшая реформатора-публициста браться за перо и таким образом вмешиваться в порядок вещей, влиять на события, добиваться поставленной цели. Это всякий раз поступок, насущная необходи-

мость, исполненная большого исторического смысла. Его научные сочинения, деловые записки или частные письма — все предстает как страницы повествования о времени и о себе.

Неслучайно в приложениях даны образцы сочинений автора. Важно, чтобы читатель дал свою оценку прочитанному: эстетическое чувство само подскажет, в каких случаях перед ним текст, являющий собой живопись словом.

Краткость и отточенность фраз сочинителя, несущих самую суть предлагаемого вопроса, воплощается в афористических высказываниях, в умении выразить многое в немногих словах. И, конечно, главным достоинством языка Сперанского является ясность его изложения.

Эта ясность и краткость проявились в первых же политических трактатах начала XIX века: «Должно быть знать свой народ, знать время. Народоупование столько же трудно, как и самоупование, кто может похвалиться, что себя знает». «Дух народный есть целое, а характер народный есть господствующая часть его. Казалось бы, как много нужно привести аргументов, чтобы раскрыть смысл “цели общежития”. Но Сперанский довольствуется несколькими предложениями: «Не та цель общежития, чтоб сделать каждого окончательно счастливым, но цель 1) обезопасить каждого, 2) удостоверить труд, 3) приуготовить к высшему порядку, воспитать». И заключает свои рассуждения словами, которые можно отнести и к нашему сегодняшнему общежитию. «Общежитие не может сделать всех счастливыми и довольными, не может удовлетворить всех бесконечных желаний. Винить общежитие, требовать от него более, нежели это может оно дать, есть болезнь нашего века» [Сперанский, 2002, с. 193]. Не присуща ли эта болезнь и веку нашему?

Труды М.М. Сперанского не только констатировали факты и информировали о современных проблемах. Он разъяснял и убеждал своих читателей в том, что России нужны законы, что русский народ нуждается в образовании, что

нельзя просвещать народ, предварительно не освободив его от рабства.

Заметки, записки, отчеты, указы и манифесты, которые он составлял, несли информационный материал о том, что делается в правительстве, какие новообразования в жизни должны иметь место. Работая вне Петербурга, к примеру, на должности губернатора, Сперанский собирал сведения от просителей, интересовался наболевшими вопросами, изучал состояние дел, и его отчеты из губерний ясно выражали авторское отношение к действительности, которую он видел и ощущал всем своим существом. Отсюда строгая документальность, достоверность, точное описание событий с эмоциональным зарядом и открыто выраженной позицией. Чтобы всем была ясна беспросветная обстановка края, Сперанский приводит детали, подробности, вводит в ту обстановку, в которой все это «безобразие» происходит. Риторические вопросы, экспрессивная метафорическая лексика, обращение к читателю, адресату, восклицательные предложения дополняют выражение экспрессии.

Анализируя состояние науки и образования, рассматривал эту ситуацию как часть широкого явления, реформатор прослеживал внешние связи, соединяющие анализируемую ситуацию с окружающими социальными проблемами. Заголовки его многочисленных трудов уже давали указания, о чем пойдет речь в данном документе, представляет ли затронутая тема общественный интерес какого-либо класса или сословия.

Мастерство слова М.М. Сперанского и его заслуги в области русского языка охарактеризовал А.В. Никитенко: «Сперанский распоряжался средствами отечественного языка с полной властью, свойственной высшим дарованиям и высшим идеям: это особенно выразилось в сфере идей государственных, где было настоящее место его деятельности» [Никитенко, с. 14].

Новый литературный язык в его обновленном и усовершенствованном виде Сперанский внес в сферу правительственную, приспособив его к особым предметам и требованиям. Это тот общенародный живой язык, на котором говорят и религиозная проповедь, и наука, и искусство, им говорит и государство устами своих просвещенных деятелей.

«Административный язык Сперанского – это истинный язык ума, овладевшего всею сущностью и всеми тонкостями дел, приводимых в движение многосложным государственным механизмом. Во всем, что им написано, господствует неукоризненная правильность и чистота выражений, каждое слово поставлено на свое место, каждый стигм или оборот речи сообразны свойствам мысли и ее оттенкам. Как бы ни сложны были вопросы, его занимавшие, они укладывались под его пером так просто, свободно, легко и стройно, как будто дело шло о самом обыкновенном» [Никитенко, с. 5-6].

Таким образом, материалы, посвященные вкладу Сперанского в развитие нового делового и литературного языка, убедительно доказывают принадлежность государственного деятеля, реформатора-публициста и педагога к первым представителям российской филологии начала столетия и ставят его имя в один ряд с выдающимися деятелями русской культуры и науки, такими как М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский, Н.М. Карамзин и многими другими.

М.М. Сперанский по праву относится к первому поколению русских интеллигентов начала нового, XIX века – людей просвещенных, энциклопедически образованных, истоки знаний которых лежат в самообразовании и непрерывном самоусовершенствовании. «Каждый интеллигентный человек должен быть хотя бы немного филологом», – пишет Т.М. Балыхина [с. 27]. Михаил Михайлович Сперанский был именно одним из тех представителей поколения «новой породы» интеллигенции начала девятнадцатого века, того социального слоя, который, несмотря на свою относительную малочисленность, всегда играл и играет весомую роль в формирова-

нии характера науки, направлении ее к добродетели и нравственности. Умение понимать людей иных культур, понимать широкий и разнообразный круг произведений искусства, идеи своих коллег и оппонентов, наличие восприимчивости к интеллектуальной жизни – вот что такое интеллигентность по Д.С. Лихачеву [Лихачев, с. 24]. Поскольку филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры, постольку она нужна всем, кто пользуется языком и словом.

Правильность речи человека можно определить как необходимое свойство хорошей речи, обусловленное обязательным соблюдением общепринятых устойчивых установок, правил – всего арсенала средств русского языка. Правильность речи в каждом конкретном случае проявляется в речевой грамотности и, следовательно, хорошая и правильная речь – это грамотная речь.

Анализируя речь и язык сочинений Сперанского как представителя культуры и носителя новой литературной словесности, обращают на себя внимание некоторые особенности, отличающие его язык и с точки зрения содержания, и с точки зрения самих использованных форм, а также отбор лексики в соответствии с ситуацией общения, целесообразность использования определенных слов и форм.

Очевидно, что целесообразность речи – один из главных критериев хорошей речи, с другой стороны, важнейшим критерием в любом случае остается ее понятность адресату. Речь М.М. Сперанского – это не стереотипная речь, повторяющая избитые фразы и штампы, – это речь творческого человека, выражающая намерения ее автора и вызывающая адекватное ее понимание у адресата. Именно адекватность понимания делает речь эффективной. Доступность языка Сперанского для любой аудитории объясняется большим словарным запасом, необходимым для выражения любого понятия, любой мысли и любого чувства, обширными знаниями в излагаемом вопросе. Само наличие большого запаса

слов находится в прямой связи с типом речевой культуры, который, в свою очередь, тесно связан с типом общей культуры. Вот почему, оглядываясь на первые годы нового, XIX столетия, на состояние литературного языка того времени, мы смело причисляем М.М. Сперанского к «пионерам» нового русского языка, носителям и обладателям элитарного типа речевой культуры, владеющим всеми нормами литературного языка. Элитарный тип речевой культуры, каким обладал Сперанский, – воплощение общей культуры человека, личности во всех ее проявлениях: в деловой ли беседе, на уроке, на лекции, в официальной беседе в кабинете его Императорского величества, на заседаниях Государственного совета или в светской непринужденной беседе «о безделках». Ясность и краткость, афористичность, доступность изложения – все это достоинства языка и стиля М.М. Сперанского.

Часть II

ВКЛАД М.М. СПЕРАНСКОГО В КУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ РОССИИ

§ 1. Аксиология М.М. Сперанского-стихотворца

О литературных пристрастиях М.М. Сперанского и его вкладе в развитие нового русского языка в конце XVIII века говорили многие исследователи жизни и творчества публициста-реформатора и просветителя. Звучали на эту тему высказывания писателей, языковедов и критиков, главным образом, на торжествах и юбилеях, в частности, в речах Никитенко, Рунича и Магницкого в память об ученом. Однако работ, анализирующих эту грань его таланта, в течение всего XX века не появилось.

Первой попыткой, первым шагом в этом направлении стала статья Л.К. Граудиной «Риторика М.М. Сперанского» в журнале «Русская речь» (1986, № 4), посвященная известному сочинению молодого преподавателя словесности «Правила высшего красноречия» (1792). Профессор Л.К. Граудина пишет, что в учебном руководстве по риторике автор объяснил, «каким должно быть» произнесенное «слово» (речь) как жанр ораторского искусства, какие в нем выделяются части, каковы их соединение, расположение и соразмерность. Но наиболее самобытной автор называет «концепцию теории слога». В книге Сперанского поставлен вопрос о стилиобразующих различиях слога, о самых характерных чертах

языка личности, независимо от того, является ли этот человек писателем, поэтом, оратором или адвокатом. Рассмотрев все достоинства руководства, профессор Граудина подчеркивает, как отмечалось ранее: «Правила высшего красноречия» написаны в изящной художественной манере и воспринимаются как «уникальный памятник русского красноречия на рубеже XVIII – XIX веков» [Граудина, с. 37].

Строгое, самокритичное отношение к своему дарованию, излишняя скромность и требовательность к себе не позволили бедному учителю отважиться на публичное представление своего труда, и только в 1844 году, уже после смерти М.М. Сперанского, «Правила» вышли в свет и были отмечены общественностью и критикой. Тем не менее и в рукописном виде сочинение в течение долгих лет служило пособием для тех, кто интересовался и занимался красноречием.

Своими первыми пробами пера (составление образцов стихотворений, речей и сочинений) и первым опытом в создании учебной литературы Сперанский преодолел важный рубеж публичного сочинительства, прошел «подготовительный курс» от рукописного текста до печатного и морально уже был готов предстать перед читателями журнала «Муза» в 1796 году со своими стихотворениями; настал черед выступить, по выражению Ивана Мартынова, друга Сперанского и издателя этого журнала, на «позорище в печатном наряде». Разумеется, существовал риск быть неверно понятым, не принятым читателями, раскритикованным именитыми поэтами, как критиковали, например, небезызвестного графомана графа Д.И. Хвостова. В России в это время уже звучали громкие имена русских поэтов, на фоне таланта которых можно было остаться и незамеченным. Но желание послужить русской культуре, сказать свое рифмованное слово в новом журнале «Муза», у которого нашлись и свои читатели, и свои подписчики, взяло верх. Публикация стихотворений Сперанского дала нам возможность несколько глубже про-

никнуть в духовный мир молодого стихотворца, узнать, какие события, люди, обстоятельства вызывали у него желание говорить языком поэзии.

О стихотворениях, которые писал Михайло Сперанский, поведал читателям Е.Я. Колбасин в книге «Литературные деятели прошлого времени» (СПб., 1859). Подписи под стихами с именем и фамилией автора не было, стояла большая буква «ЯТЬ», но сокрытие истинных имен авторов было в духе этого журнала. Многие стихотворения и прозаические заметки (сочинения) были подписаны инициалами или замысловатыми псевдонимами. Естественно, возникло большое желание познакомиться с этими поэтическими раритетами и рассказать о них современникам.

В журнале сотрудничали Н.А. Львов, И.И. Дмитриев, П.А. Словцов, И.И. Мартынов, княжна Александра Павловна и другие неизвестные нам поэты и прозаики. Сам издатель – Иван Мартынов, впоследствии директор департамента министерства народного просвещения, в 1807 году был избран в члены Российской академии, писал и стихи, и прозу. Как и Сперанский, он родился в бедной семье священника, учился в Полтавской духовной академии и попал в Александроневскую семинарию в числе тех самых выдающихся студентов, предназначенных «на учительское образование». В стенах семинарии началась дружба трех молодых людей: Михайла Сперанского, Ивана Мартынова и Петра Словцова, которая продлилась долгие годы.

Свое отношение к дружбе и к значению ее в жизни человека М.М. Сперанский выразил в стихотворении, которое так и озаглавил: «К дружбе».

К дружбе

Любви родимая сестрица
Ты, коей щедрая десница
Льет сладкий нектар в грудь мою.
Дверь в сердце отпирает миру!
Пожалуйста, наладь мне лиру!
Спасибо я тебе спою.
Ну, право, взор твой так прекрасен,
Что всяк тобою будет страстен
Кто доброй одарен душой;
Всяк назовет тебя любезной,
Когда с улыбкой страстно-нежной
Престанешь ты в красе своей.
С тех пор, как из лилей цепями
Драгих моих друзей с сердцами
Связала сердце ты мое –
С тех пор мне здешний свет

приятен;

И, сколько он не коловратен,
Я счастье в нем нашел свое.
Когда, одевшись ненастьем,
Тот скучный мизантроп лихой,
Которого зовут несчастьем,
Ползет, как змей, в шалашик мой,
Чтоб у меня украсть покой;
Тогда, о дружба, дорогая!
В тебе надежду полагая
Спешу я под твоё крыло.
Оно не раз меня спасло
От лютого его гоненья –
Тогда бальзамом утешенья
Мне раны исцеляешь ты,
Платочком слезы утираешь,
Весельем сердце окропляешь
И сыплешь на меня цветы.
Любовь к тебе хоть и родная,
Не так, однако ж, хороша –
Ты чистой нежностью дыша
И тихим огоньком сияя,
Знакомишь с искренностью нас;

Полезен, кроток, мил твой глас –
Сестра твоя хоть и красива,
Но к нам уж слишком неучтива;
Ты греешь нас – она палит,
Ты против ран сердечных щит;
Она печали расставляет
Покой последний отнимает,
Все хочет взять под власть себе,
Под пламенные свои законы. –
Подруги грации тебе;
Сопутствуют ей Купидоны.
Угрюмый старец в сединах
Летит – и навевает страх,
Махая черными крылами;
Косы вращая лезвием
Он страшен на лету своим
Он нивы засекает мхами
На зданье глянет – зданья нет.
На град опрется – град падет.
На горы ступит – горы в миг
В прах рассыпаются, в пылинки.
Исчезнут кедр, как былинки.
Но, сколько старец сей не лих
О, дружба! Он меня с тобою
Поверь, во век не разлучит
И там, где праведной судьбою
Здесь утружденным для покою
Положено по смерти жить;
Где беспрестанно зеленеют
Цветущие древа с плодом;
Где розы вечные алеют;
Для чистых душ,
где мирный дом, –
И там тебя я не забуду;
И там, и там, я другом буду.

Журнал «Муза», июнь 1796 г.,
с. 54-56.

никнуть в духовный мир молодого стихотворца, узнать, какие события, люди, обстоятельства вызывали у него желание говорить языком поэзии.

О стихотворениях, которые писал Михайло Сперанский, поведал читателям Е.Я. Колбасин в книге «Литературные деятели прошлого времени» (СПб., 1859). Подписи под стихами с именем и фамилией автора не было, стояла большая буква «ЯТЬ», но сокрытие истинных имен авторов было в духе этого журнала. Многие стихотворения и прозаические заметки (сочинения) были подписаны инициалами или замысловатыми псевдонимами. Естественно, возникло большое желание познакомиться с этими поэтическими раритетами и рассказать о них современникам.

В журнале сотрудничали Н.А. Львов, И.И. Дмитриев, П.А. Словцов, И.И. Мартынов, княжна Александра Павловна и другие неизвестные нам поэты и прозаики. Сам издатель – Иван Мартынов, впоследствии директор департамента министерства народного просвещения, в 1807 году был избран в члены Российской академии, писал и стихи, и прозу. Как и Сперанский, он родился в бедной семье священника, учился в Полтавской духовной академии и попал в Александро-Невскую семинарию в числе тех самых выдающихся студентов, предназначенных «на учительское образование». В стенах семинарии началась дружба трех молодых людей: Михаила Сперанского, Ивана Мартынова и Петра Словцова, которая продлилась долгие годы.

Свое отношение к дружбе и к значению ее в жизни человека М.М. Сперанский выразил в стихотворении, которое так и озаглавил: «К дружбе».

К дружбе

Любви родимая сестрица
Ты, коей щедрая десница
Льет сладкий нектар в грудь мою.
Дверь в сердце отпирает миру!
Пожалуйста, наладь мне лиру!
Спасибо я тебе спою.
Ну, право, взор твой так прекрасен,
Что всяк тобою будет страстен
Кто доброй одарен душой;
Всяк назовет тебя любезной,
Когда с улыбкой страстно-нежной
Престанешь ты в красе своей.
С тех пор, как из лилей цепями
Драгих моих друзей с сердцами
Связала сердце ты мое –
С тех пор мне здешний свет

приятен;

И, сколько он не коловратен,
Я счастье в нем нашел свое.
Когда, одевшись ненастьем,
Тот скучный мизантроп лихой,
Которого зовут несчастьем,
Ползет, как змей, в шалашик мой,
Чтоб у меня украсть покой;
Тогда, о дружба, дорогая!
В тебе надежду полагая
Спешу я под твоё крыло.
Оно не раз меня спасло
От лютого его гоненья –
Тогда бальзамом утешенья
Мне раны исцеляешь ты,
Платочком слезы утираешь,
Весельем сердце окропляешь
И сыплешь на меня цветы.
Любовь к тебе хоть и родная,
Не так, однако ж, хороша –
Ты чистой нежностью дыша
И тихим огоньком сияя,
Знакомишь с искренностью нас;

Полезен, кроток, мил твой глас –
Сестра твоя хоть и красива,
Но к нам уж слишком неучтивая;
Ты греешь нас – она палит,
Ты против ран сердечных щит;
Она печали расставляет
Покой последний отнимает,
Все хочет взять под власть себе,
Под пламенные свои законы. –
Подруги грации тебе;
Сопутствуют ей Купидоны.
Угрюмый старец в седирах
Летит – и навевает страх,
Махая черными крылами;
Косы вращая лезвием
Он страшен на лету своим
Он нивы засекает мхами
На зданье глянет – зданья нет.
На град опрется – град падет.
На горы ступит – горы в миг
В прах рассыпаются, в пылинки.
Исчезнут кедры, как былинки.
Но, сколько старец сей не лих
О, дружба! Он меня с тобою
Поверь, во век не разлучит
И там, где праведной судьбою
Здесь утружденным для покою
Положено по смерти жить;
Где беспрестанно зеленеют
Цветущие древа с плодом;
Где розы вечные алеют;
Для чистых душ,
где мирный дом, –
И там тебя я не забуду;
И там, и там, я другом буду.

Журнал «Муза», июнь 1796 г.,
с. 54-56.

Как известно, конец XVIII века уже нес в себе веяния новых стилей — сентиментализма и предромантизма. С этого времени начинается расшатывание устоев классицизма и его распад. Но это происходит постепенно, классицизм еще существует, перестраиваясь в духе требований просветительства. Торжественные оды перестали быть благоговейными, с официальной торжественной хвалой, они перетекают в прославление частного лица, добродетели, гуманизма и т.п.

Все то, что питало оду ранее, переживало теперь кризис: идеал просвещенного царя и просвещенного государства становился все более сомнительным и неосуществимым, чем дальше уходила в прошлое Петровская эпоха. Идеальное было отдалено от сущего, реального, не имело с ним никаких живых связей и приобретало абстрактный смысл и характер. Так как просветительский пафос угасал, то с ним покидало оду и высокое содержание, уступая место чувствам внутреннего мира отдельного человека и окружающей его жизни. Ода наполнилась трогательным содержанием и «приятными» эмоциями. Переворот в поэзии XVIII века произвел Г.Р. Державин — «отец русских поэтов» (В.Г. Белинский), который слил воедино волновавшие его «общие» чувства с чувствами обыкновенного, «домашнего» человека. Вместе с ним в лирику вошла его собственная жизнь, и именно биографическое начало сообщило высоким идеям и просвещенным стремлениям душевную откровенность и неподражаемую искренность. Смысл поэзии Державина — единство общественного и отдельного человека, но при подчинении личного общему. У «отца поэтов» учились все стихотворцы конца XVIII века.

Можно с уверенностью сказать, что влияние маститого поэта на преподавателя духовной семинарии несомненно. Молодой стихотворец Михаил Сперанский и не скрывает этого, демонстрируя в своих стихотворных произведениях следование за учителем и использование его поэтических приемов.

Стихотворение Сперанского «К дружбе» сочетает в себе черты классицизма и предромантизма. Это настоящая ода с присущим классицизму воспеванием и пафосом, но не героя и не правителя. Это новый жанр дружеского послания, воспевающего дружбу как высшую ценность, образец предромантизма, предшествовавшего дружеской лирике поэтов-декабристов, идейным вдохновителем которых был Сперанский.

Стихотворение звучит как ода, но написана она «средним» стилем, в котором сочетаются церковнославянские слова (например, «сей») и разговорная лексика (например, «шалашик»). Если оды в классицизме писали шестистопным ямбом (гекзаметром), то ода Сперанского написана четырехстопным ямбом, утвержденным М.В. Ломоносовым. Подтверждением тому, что стихотворение относится к среднему стилю, служит и то, что поэт изображается с лирой в руке, а не с трубой (высокий стиль) или с цевницей (свирель) — низкий стиль.

Латинизированный синтаксис пока еще не устранен; причастные обороты, ряды придаточных предложений, целые синтаксические периоды делают стихотворение несколько тяжеловесным. Аллегоричность разрастается до целых иносказательных картин: Дружба представлена красавицей, сестрой Любви, а Смерть видится в образе «угрюмого старца в седирах» с косой в руке и т.п.

Молодой стихотворец использует из арсенала классицистических парафраз готовые словосочетания: «бальзам утешения», «сладкий нектар». Стих его еще не свободен от неуклюжестей, сопутствующих эпохе становления лирических жанров: «пожалуйста, наладь мне лиру! Спасибо я тебе спою». В общем, стихи Сперанского можно назвать подражательными: бросается в глаза заимствование приемов у великого поэта Г.Р. Державина.

В посвящении «К дружбе» сходством обладает целое четверостишие. У Державина: «Ступит на горы — горы тре-

щат, / Ляжет на воды – воды кипят, / Граду коснется – град упадет. / Башни рукою за облак кидает...».

У Сперанского: «Он нивы засекает мхами / На зданье опрется – град падет / На горы ступит – горы в миг / В прах рассыпаются, в пылинки...».

В стихотворении Сперанского нет отстранения, которое было введено Г.Р. Державиным, нет поэтической непредсказуемости, что стало необходимым качеством индивидуально-поэтического стиля уже в ту эпоху, а в пушкинскую эпоху – особенно.

Тем не менее стиливая выдержанность – достоинство оды «К дружбе». Последовательное развитие мысли, ясное выражение чувств, логические контрасты, антитезы – это верность канонам классицизма.

На стихотворение И. Мартынова «Мое щастие», помещенном в одном из первых номеров ежемесячного журнала «Муза», в котором автор говорит о своем отношении к труду: «не считаю жизнь я благом в коей места нет трудам» [Муза..., с. 7]. Сперанский откликнулся своим поэтическим сочинением «И моё щастие», опубликовав его в шестом номере журнала за июнь месяц 1796 года. В своем ответе-посвящении И.И. Мартынову автор говорит, что он порою также бывает счастлив и он порою срывает цветы радостей, но более всего он любит труд и свою должность учителя:

...В трудах находишь ты веселье,
И я люблю их, милый мой.
Ленива праздность и безделье
Не подружился со мной.
И, верно, в век не подружатся
Ведь мы не в злате рождены
Не талисманы нам даны:
Так нам ли, друг мой, с ними знаться?
Я должностью люблю заняться
И для меня в ней скуки нет;
Не смеет скука быть с трудами...

В свободное от «должности» время Сперанский любил прогулки с друзьями «по светлым берегам Невы» или «теряясь в сладостных мечтах, бродил он иногда в лесах», порой «холм зеленоароматный в сии веселые часы с довольным сердцем посещаю, / с его вершины созерцаю любезны сельские красоты». Автор славит свою молодую жизнь, борется с «грозными бурями в свете сем», но тем не менее признает этот свет самым лучшим на земле: «Едва ль не правду тот сказал. / Кто свет сей лучшим всех назвал». Жизнь для молодого Сперанского «это палаты щастия», он еще не изведаль всех превратностей судьбы, которые преподнесет ему жизнь впоследствии. Всегда и везде друзья оставались для него самыми близкими и дорогими людьми, как говорил он сам: «Друзья у меня никогда чинов не имеют». Тема дружбы всегда присутствует в его стихах.

Стихотворение «И мое щастие» – сплав новизны и верности условному стилю классицизма.

И на меня, мой друг! Не вечно
Фортуна смотрит Сентярем
И я, в сей жизни скоротечной
От грусти иногда тайком
В палатах щастия бываю
Там радостей цветы срываю
Благословляя честь мою
Из чаши дружбы нектар пью.

<...> Стихотворение заканчивается гимном жизни и ожиданием тишины и мира, вопреки всем несчастьям и грозам.

Жизнь наша есть пространно море, –
В нем есть гроза, несчастье, горе,
Но есть и мир, и ведро в нем –
По грозных бурях в свете сем
Живее тишину вкушаю,
И часто, часто помышляю:
Едва ль не правду тот сказал,
Кто свет сей лучшим всех назвал.

Журнал «Муза», июнь 1796 г., с. 256-259.

Можно сказать, что русская поэзия обогатилась оригинальным лирическим сюжетом: красоту природы, прелесть дружеского общения и семейную любовь воспевают не отрешенный от мира созерцатель, «любимец муз», а труженик, государственный деятель, для которого приоритетны «должность и труды», а не «праздность и безделье». Поэт не прикрывается маской эстета, высокого поэта-философа. Напротив, без тени кокетства Сперанский называет свою лиру «скромной», памятуя о том, что Державин представлял себя с «тяжелой лирой» в руках.

Прелесть стихотворения в том, что оно непретенциозно, выглядит скорее поэтической «штудией», в нем нет стремления утвердить себя на поприще высокого творца. М. Сперанский опирается на отработанные, многократно тиражированные фигуры готовой риторической образности: «палаты щастия», «тучи набежали на горизонт моей души», «сладостные мечты». Стих Сперанского оставляет почти физическое ощущение того, с каким трудом речь стремится стать поэтической, как она приспосабливается к стихотворному размеру. Это заметно порой в неуклюжих, связанных с латинизированным синтаксисом инверсиях: «С друзьями иногда гуляю Невы по светлым берегам», – или откровенных канцеляризмах: «Я *должностью* люблю заняться», «Хотя *весьма не редко* вьется туман унынья надо мной». Да и фразеологическое клише «радостей цветы срываю» еще не наполнено авторской субъективностью, какую позже продемонстрировал Гоголь в знаменитом пародийном девизе Хлестакова – «срывать цветы удовольствия». Тем не менее достоинством стихотворения является то, что родной русский язык становится для Сперанского приоритетнее, чем иноязычная лексика. Всего два «чужих» слова использовано в стихотворении: «фортуна» и «оризонт». Да и то первое из них он потом заменяет русским синонимом «судьбина». В этом смысле Сперанский – преемник Тредиаковского, поборника русского словоупотребления, который «кокетству»,

например, предпочитал «глазолюбие». Лексический ряд из стихотворения «И моё щастие»: «горница», «ведро», «сугубит», «тьма» – говорит о том, что Сперанскому тоже ближе «язык родных осин». Особенным очарованием наполняются у поэта сложные определения: «зеленоароматный», «сребристоголубой». Кроме того, Сперанский обладал замечательной стилиевой интуицией. Именно она подсказала ему оригинальный подход к поэтическим тропам. Вместо классического сравнительного с союзом КАК, он использует творительные сравнения: «Фортуна смотрит сентябрем». Сокращение дистанции между объектами сравнения позволяет оживить изображаемое, усилить эффект приема.

Философская сентенция: «Жизнь наша есть пространно море» – традиционный образ мировой поэзии. Вспомним Байрона: «Он был, о море, твой певец», – писал о нем Пушкин в стихотворении «К морю». Пушкинская же «Осень» завершается знаменитым: «Куда ж нам плыть?» Но если поэты-романтики акцентировали тему «свободной стихии», внутренней независимости, воли и мятежа, то Сперанский – их предшественник – провозглашает философское приятие мира во всей его сложности и противоречивости: «Терплю, сказав: “Ну, так и быть”».

Неповторимость стихотворения не в перечисленных моментах преодоления жанровых границ или отрицания выразительных средств классицистско-барочного стиля. Привлекает прежде всего внутренний облик лирического героя. Аристократом духа, благоговеющим перед природой, дружкой, воспевающим тепло семейного очага, становится государственный человек просветительского типа, исполняющий «должность», не знающий скуки в «трудах», радатель общественного блага, служения обществу.

В стихотворении «Весна», помещенном в приложении 4, Сперанский по-прежнему олицетворяет природу, используя арсенал мифологической образности: «Спустишь, спустишь, подруга Феба, «Спорхнул, как ласточка, Зефир». Идил-

лическая картина пробуждающейся весной природы напоминает в жанровом отношении эклогу (идиллию). Обилие слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*лесочек, кусточек, птички, голубки, ручеек...*) довершает представление о жанровом мышлении поэта. И здесь бросаются в глаза заимствования из поэзии Державина. Знаменитые державинские «тучки краезлаты» воскресают в «Весне»:

Весна приемлет как друзей
Сих милых гениев крылатых,
Слетевших в тучках краезлатых.

Стихотворение можно считать преддверием «легкой» фривольной поэзии, зачинателем которой был К. Батюшков. Но вместе с тем это «священный гимн» «природе щедрой», которая дарит счастье, любовь и ведет человека «во храм». Стихотворение отличается запоминающейся пластикой и живописностью. Изящны движения Весны, Любви, Тишины, спускающихся с «сребристоголубого неба» в «златояхонтные дворцы» обновленной земли. Яркие краски «зеленоароматных холмов», образные определения, сравнения, метафорические иносказания создают картину еще ничем не омраченной жизни.

Много лет спустя в ноябре 1820 года опальный реформатор писал дочери о поэзии и словесности следующее:

«Истинная словесность должна быть вдохновение. Совершенство ее есть не писать, но говорить красноречиво. В Греции она уже почти доходила до сего степени. Стихотворцы истинные там пели свои стихи. Итальянские импровизаторы в новейших временах дают некоторую идею о сем тихом, продолжительном восторжении ума и воображения. Музыка есть душа поэзии и, следовательно, наши стихотворцы еще не поэты. Их скорее можно назвать живописцами» [Письма..., с. 224-225]. Помня об этом определении, мы, в свою очередь, тоже остерегались назвать Сперанского по-

этом, предпочитая пользоваться его же определением создателей этого вида «изящного» искусства.

В риторическом фрагменте «Мысли при колыбели младенца» М.М. Сперанский также опирается на поэтическую культуру эпохи классицизма.

Это и эпистолярный жанр назидания, мудрого наставления, восходящий к жанру древнерусской литературы – поучению, и предпочтение «логоса» – «этосу» и «пафосу» (слава мирового разума, моральной цели, страстного воодушевления), двум другим составляющим риторического воздействия. Сперанскому важнее доказательность, аналитичность своих рассуждений, нежели степень восприятия их адресатом. Поэтому инструментарий автора-ритора (обращения, риторические вопросы и восклицания, ряды однородных членов, лексические и синтаксические повторы, ритмизация речи) менее важны, чем содержательное ядро произведения. Мудрость, по Сперанскому, в том, чтобы умирять беды человеческие надеждой и не тешить себя иллюзией абсолютного счастья («Не есть ли счастье приятная мечта, кроющаяся в храме надежды, и которая от всякого убегает»). Кажется, та же мысль будет позже выражена в пушкинских строках: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Но это обманчивое сходство. При ближайшем рассмотрении оказывается, что Сперанский в аллегорической форме обращается к истинно христианской тематике. То, что православие называет *прелестью*, иносказательно изображено в виде розы с шипами: «...тогда явятся к тебе цветы, сливающие у нас под именем счастья. Они иногда опасны. Они подобны розе, усаженной острыми шипами. Срывай их осторожно, чтобы не уколоться – иногда самое злосчастье предстанет тебе в пурпурной ризе блаженства. <...> В противном случае – бездна отвернется под ногами твоими». Стремясь предостеречь ребенка от дьявольского искушения и коварного зла, принимающего облик блага, Сперанский тем не менее осознает светский характер своего сочинения и не встает в позу священнослужителя.

теля. Поэтому и имя Вседержителя у него парафразировано* : «О Ты, хранящий невинность под кровом своим!»

Устремленность к велеречивости и даже цветистости риторической речи видна и в том, как Сперанский придает легкую экзотическую окраску некоторым сравнениям: «Цвети, как юный кедр, среди родных твоих». Согласно изложенным им в «Риторике» правилам красноречия, он демонстрирует приверженность к излюбленным метафорическим образам. Как и в стихотворении «И моё щастие», Сперанский сравнивает бытие с морем, которое усеяно множеством челноков: «Одни только появляются на нем, другие быстро уносятся в густоту тумана. Жизнь и смерть! Не вас ли изображает шумящее море, выющийся туман? И мы сокроемся некогда в непроницаемой мгле его. И ты, милое дитя, будешь жертвою смерти».

Не традиционные риторические фигуры, а неповторимая авторская интонация становится ключом к пониманию и интерпретации «Мыслей при колыбели младенца». Обращение к ребенку лишено духа строгой, равнодушной назидательности и дежурной заботы о его будущности. Сперанский выбрал тон не бездушного ментора (наставника), а тон участливой любви, сердечной близости к маленькому человеку: «Слезы мои окропляют твою колыбель. С горестью душа моя воображает сию минуту». Можно сказать, что перед нами не холодное морализаторство, а исповедь, самовыражение. Духовный стержень того, кто обращается к младенцу, отчетливо зрим. Это труженик, терпеливо и ответственно относящийся к жизни, умеющий любить ее вопреки невзгодам, благодаря горящему в душе свету надежды. Идеология просветительства нашла отражение в аксиологии (в учении о ценностях) текста. Красной нитью через весь фрагмент проходит мысль о человеке общественном: «Человек рождается – быть

* Парафраз (от греч. *paraphrasis*) – пересказ. – Советский энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 969.

человеком, быть полезным своему ближнему, быть другом общества, нести тяготу оною». Пожелания, адресованные младенцу, претворены в собственной судьбе Сперанского.

Всего в журнале «Муза» было опубликовано шесть стихотворений М.М. Сперанского: «И моё щастие», «К дружбе», «Весна», «Мысли при колыбели младенца» (философское рассуждение о непредсказуемости человеческой жизни), «Луга» (басня) и «Четыре времени года» (подражание французскому).

В.А. Федоров в своем учебном пособии «М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев (М., 1997) сообщает, что будучи в Великополье (1814-1816) опальный реформатор «писал и стихи; некоторые из них были напечатаны в журнале «Сын Отечества», хотя Сперанский с большой иронией относился к своим поэтическим упражнениям» (с. 138).

§ 2. Искусство журналистской и переводческой деятельности М.М. Сперанского

Первые годы царствования Александра I стали временем рождения отечественной журналистики, которая играла значительную роль в политической и культурной жизни страны и стояла на страже державных интересов. Первым журналом нового века стал «Вестник Европы», сделавшийся вскоре очень популярным, несмотря на недостаток сотрудников и малое число подписчиков. Воодушевленные новыми веяниями в политике, почувствовав дух свободы и оценив новый цензурный устав, российские издатели приступили к выпуску новых журналов. Среди них особенно выделялся «Северный вестник» под руководством И.И. Мартынова, представлявший официальную либеральную линию нового правления. В предисловии издателя И.И. Мартынов говорил о важности периодических изданий, просвещения и познания, ибо они «составляют великую цепь, которая связует об-

щие всех выгоды с частными выгодами каждого» [Северный..., с. 3].

Выходили и иные издания, в частности, журнал «Российской словесности», «Северная почта» и другие. Перед Отечественной войной 1812 года появились два журнала национально-патриотического и «охранительного» направления. Так, появился «Русский вестник» (под редакцией С.И. Глинки, 1808), обещавший читателям публиковать то, «что может услаждать сердца русских». Материалом для «услаждения» служила русская история. Журнал «Сын Отечества» возник в 1812 году на правительственные деньги для «возбуждения патриотического духа и ненависти к Наполеону». Этот журнал, благодаря умелому руководству Н.И. Греча, в отличие от многих других, просуществовал долгие годы, а в числе его авторов значились самые именитые русские литераторы и поэты.

Появление журналов поощрялось и приветствовалось правительством; журналисты обещали вести дела открыто, не скрывая от читателей своих действий, и привлекать их к обсуждению насущных вопросов, с тем чтобы развилось и крепло общественное мнение, без которого немислима государственная жизнь. Тема общественного мнения остается актуальной и в наши дни.

В статье «О силе общего мнения» (1802 г.) молодой чиновник Михаил Сперанский писал: «Во всех государствах, идущих к просвещению, сверх силы законов и правительства устанавливается с течением времени нечувствительно особый род силы, коей действие над умами вначале слабое, мало-помалу расширяясь, делается наконец главною стихиею политического бытия и определяет судьбу человеческих обществ [Сперанский, 2002, с. 263]. Эта сила есть сила общего мнения. Стояла задача «изъяснить пользу общего мнения и необходимость управлять им. <...> В государствах, где существует общее мнение о предметах управления, суждения

могут быть различны, но все они идут к одной цели, к общему добру» [там же, с. 268].

Поэтому та информация, которая была представлена на страницах журналов, должна была способствовать формированию общественного мнения и мировоззрения, давать представление о явлениях, процессах и тенденциях текущей действительности во всем ее многообразии. Первым и обязательным условием для журналистов всегда считалось владение русским литературным языком нового типа, доступным для большей части читающего населения – научным и официально-деловым стилем, как одним из функциональных стилей русского литературного языка. Известные русские журналисты, такие как Н.М. Карамзин, И.И. Мартынов, Н.И. Греч, вполне соответствовали своим редакторским обязанностям. В первую очередь своим пониманием необходимости приучить читателей к своему национальному языку, сделать все возможное для того, чтобы русская читающая общественность, «публика» полюбила родной язык, понимала его и гордилась им, так как именно в языке проявляется душа народа. Издателями и редакторами ставились задачи, чтобы цели и намерения журналиста-адресанта были понятны читателю-адресату.

Обладая в некоторой степени практикой участия в деятельности журналов, зная не понаслышке о пользе периодических изданий, общаясь с издателями и сотрудничая с ними, Сперанский явился инициатором создания «Санкт-Петербургского журнала» при Министерстве внутренних дел, в одном из департаментов которого он служил директором. Живое интересующая общественной жизнью страны, он задумал журнал с благородной целью – знакомить читателей с происходящими в России событиями. Девизом журнала стало латинское изречение «Non fumum ex fulgore» («Нет дыма без огня»). В первом номере от издателя дано краткое вступление, объясняющее цели и задачи нового издания. Сотрудники журнала обещали «помещать в своих листах все те учре-

ждения, кои по части сей в течение минувшего года поставлены были. Они будут стараться в первых месяцах сего издания, не разрывая связи дел и предлагая их в том порядке, в коем одно за другим поступали, достигнуть сколь можно скорее до настоящего времени, дабы тем поравнявшись, так сказать, с происшествиями, доставить себе способ издавать при наступлении каждого месяца все то, что в минувшем было сделано примечательнейшего и к познанию публики нужнейшего» [Санкт-Петербургский..., с. 3]. Журнал состоял из двух разделов: в первом отражались все текущие дела, во втором же отделении преследовалась просветительская задача: дать читателям рассуждения разных писателей, философов, просто читателей и переводы из трудов зарубежных философов и ученых.

Работники журнала заботились о пополнении министерства новыми нужными сотрудниками и со страниц журнала испрашивали соизволения на учреждение сословия дворян из 10 человек при министерстве. Дело заключалось в том, что «молодые люди, получившие отличное воспитание и образом своего просвещения предопределенные к гражданской службе, часто уклоняются от оной по тому только, что вступить в действительное отправление дел без опыта считают службе и себе предосудительным, а приобрести сей опыт предварительным приуготовлением при всем желании их не находят способов. Учреждение такового общества при Департаменте откроет им путь — умозрительные их познания обратить в дело и не тщетно быть просвещенными» [там же, с. 58]. Им предлагалось постепенное вхождение в должность: сначала участие в исторических описаниях и переписи каждой части, приведение в порядок сведений о губерниях; участие на местах происшествий; а одного из них непременно иметь при министре для исполнения или сообщения его распоряжений. Хорошо себя зарекомендовавших — поощряли, нерадивых — исключали из списков.

В журнале же приводились грамотно составленные формы переписки, заготовки для вопросов и ответов, давались советы и рекомендации, как должен выглядеть (или звучать) доклад о пожарах, убийствах, воровстве, о положении в казармах и т.д.

Эти годы были годами вхождения в канцелярскую речь нового делового слога (стиля), едва сформировавшегося к концу XVIII века, поэтому естественным стало требование к сотрудникам в ясности, приличии и простоте изложения, а также и в изящности формы письмоводства. И, как говорилось тогда, «краткость во всех делах есть следствие понятий ясных и определенных», что являлось необходимым условием для чиновников министерства и сотрудников журнала.

В связи с развитием отечественного просвещения и по призыву монарха «участвовать по всей необъятной России в деле образования всем способным на это слоям населения», русские люди подхватили этот призыв. Данные журнала свидетельствуют о небывалом подъеме народного участия в делах обучения. Каждый раз на страницах журнала помещалось множество имен и организаций, пожертвовавших определенные суммы на открытие школ и училищ, домов для беспризорных детей и больниц в больших и малых городах. Нужно отдать должное Александру I, ибо на каждое из таких объявлений следовало публичное царское благодарение, меценаты награждались чинами и орденами, их имена были названы «во всеобщее сведение».

Документов было огромное количество, каждый месяц следовал отчет министра о проделанном, и, как мы знаем, все это М.М. Сперанский писал самолично. Рядом с отчетами, распоряжениями и прочими документами стали помещаться руководящие статьи и статистические сведения. Этот метод впервые в России «заявил» князь Щербатов. Он в своем сочинении, посвященном статистике России, исследует пространство страны, материальную и духовную культуру, соотношения географических и политических соседей. «В сво-

ем журнале редактор и издатель шел по пути, указанному Щербатовым» [Фатеев, с. 360].

Во втором отделе журнала помещались переводы из И. Бентама, Ф. Бакона (так звучит в речах и сочинениях М.М. Сперанского имя Френсиса Бэкона – 1561-1626 гг.), занимавшихся вопросами экономики, политики правительства и т.п. Из этого журнала мы узнаем, что Бакон «в завещании своим имя и память свою отказал иностранным народам, ибо мои соотечественники, присовокупил он, узнают меня разве через несколько веков» [Санкт-Петербургский..., с. 109]. Русские издатели его трудов приблизили это время для всех народов. Там же помещались переводные статьи на весьма любопытные темы, как то: «О новом способе прививать деревья», «Об открытии растения, из коего можно делать хлеб», «О начале и переменах медицинского управления, о настоящем положении и неудобствах его». Неизвестные читатели делились своими наблюдениями из поездок в Америку и писали «О тюрьмах в Филадельфии», некто очень возмущался обманом людей в статье «О лотереях». В журнале печаталось много других материалов, которые вносили в жизнь обывателей и государственных людей новые сведения о жизни на планете. Особым уважением со стороны издателей пользовались сочинения английского юриста-философа И. Бентама. С 1802-1804 годов М.М. Сперанский принимал участие в переводе его сочинений под руководством французского философа и публициста П.Э. Дюмона. С идеями англичанина И. Бентама Сперанский был хорошо знаком, в его архиве хранятся письма к Бентаму, а также ответное письмо английского мыслителя от 28 января 1811 года. Этика Бентама утверждает в качестве морального и юридического принципа поведения полезность и сводит общественные интересы к совокупности личных интересов. Сперанский, в свою очередь, полагал, что в государственной политике необходимо учитывать интересы людей, поскольку «общезитие есть непрерывная борьба польз». Власть должна в своих

действиях использовать стремление человека к собственной выгоде, направляя это стремление на решение государственных задач. В качестве примера такой политики он называл, в частности, развитие народной промышленности, которое позволяет органично связать индивидуальные и государственные цели. Идеи Бентама были весьма популярны в России, в числе поклонников английского философа были граф В.П. Кочубей и адмирал Н.С. Мордвинов. Перевод сочинений Бентама был напечатан в 1805 году в Санкт-Петербурге в типографии Шнора, там же, где печатался Санкт-Петербургский журнал со статьями Бентама.

В «Воспоминаниях» журналиста и писателя Ф. Булгарина есть строки, посвященные Сперанскому-журналисту: «Годовые отчеты Министерства внутренних дел, составляемые Сперанским и печатаемые в Санкт-Петербургском журнале, им учрежденном и издававшемся при этом министерстве (с 1804 до конца 1809 года), обратили на себя внимание не только всей России, но и всей Европы, в которой они сделались известными по сочинению академика Шторха «Россия при Александре I». Кроме высоких идей и выражения благого направления правительства, заключающихся в этих отчетах, они, равно как и все статьи Санкт-Петербургского журнала, были и навсегда пребудут образцами канцелярского слога, каким должны писаться официальные бумаги в государстве просвещенном» [Булгарин, с. 645].

Говоря о вкладе Сперанского в развитие русской культуры, заслуживает внимания тот факт, что долгие годы он занимался литературным переводом произведения известного проповедника из Нидерландов Фомы Кемпийского «О подражании Христу». Будучи человеком глубоко религиозным, хорошо знающим духовную литературу и ее воздействие на души христиан, он принялся за перевод произведения, как считают некоторые современные исследователи, приписываемого известному проповеднику Фоме Кемпийскому. Заниматься «переложением» было его любимым делом, но

только в редкие минуты свободного времени он мог окунуться в литературное искусство перевода.

М.М. Сперанский очень дорожил этой книгой, черпал из нее «многие мудрости и многим мудростям» учил других. Основная идея книги – признание греховности мира, проповедь смирения, аскетизма и уединения, но вместе с тем она вся пронизана любовью человека к ближнему. «Любовь есть великое дело, великое поистине благо. Она несет бремя свое, не чувствуя его тяжести, и самую горечь превращает в сладость и удовольствие» [Фома Кемпийский, с. 23].

Книга эта в XVI веке была популяризована иезуитами, а затем духовенством многих христианских церквей. В средние века она считалась первой после книг Священного Писания в ряду христианской литературы. Как признавался сам переводчик (М. Сперанский) в письме к А.Ф. Лабзину от 28.01.1818 г., он «начал перевод сей еще в 1805 году, переводив его по листочку в день, среди великих хлопот, по утрам, вместо молитвы. Из сих листочков составились первые три части. Легко можно представить, что перевод и неровен и неглазок». В разные периоды своей превратной судьбы Сперанский обращался к переводу вновь и вновь – в Нижнем Новгороде, Перми, Великополье. Содержание книги очень соответствовало тогдашнему настроению опального реформатора: он находил в ней успокоение, и она сопровождала его повсюду.

Решено было посвятить перевод Императорскому Человеколюбивому обществу. Следует сказать о том, что Государь Александр I, узнав об этом, распорядился напечатать его за свой счет. Библейское общество было создано в 1804 году в Англии для распространения Библии. В 1812 году Библейское общество было организовано в Петербурге, получив полную поддержку власти. В 1814 году Александр I вступил в его члены, после чего официально возникло русское Библейское общество, и председателем его стал министр духовных дел и просвещения князь А.Н. Голицын.

К 1824 году в России насчитывалось уже 84 отделения Библейского общества, было распространено 448109 книг Священного Писания. Сперанский, в соответствии со своими нравственными и религиозными воззрениями и стремлением просветить российский народ, возглавил пензенское отделение общества. Он был в полной уверенности в истинной пользе переведенной книги и труд свой охарактеризовал «малым приношением, как лепта вдовицы» в Человеколюбивое общество. В письме к своему другу, видному государственному деятелю, Ф.Н. Цейеру, переводчик был уже более уверенным в своем успехе: «Смею думать, что ни на каком европейском языке нет перевода столь близкого и буквального, как настоящий. Я переводил прежде, подражая другим и изыскивая выражения, кои мне казались удобнее и изящнее, т.е. одевал мысли автора в мое платье..., переделывал перевод с тою же верностью, как бы я переводил текст Святого Писания. По счастью, перевод ничего не потерял ни в ясности, ни в слоге, но он получил точно такую физиономию, которую имеет в подлиннике, т.е. простоту и краткость» [Русский архив, 1867, № 1-12, с. 436].

Первое издание перевода с латинского «О подражании Христу» вышло в 1819 году из типографии народного просвещения. После этого издание переиздавалось дважды. Последний раз это замечательное произведение было издано в 1844 году.

В предисловии переводчика М.М. Сперанский кратко описал эпоху жития Фомы Кемпийского, чтобы дать читателю представление о тех временах, нравах и истории книги «О подражании Христу». Он поведал о благочестивых сообществах, возникших в XIV и XV веках, особенно акцентируя внимание на учреждении, известном под именем общежительства братьев, последовавших правилу блаженного Августина (впоследствии орден каноников блаженного Августина). Учредителем сего общества считается Герард Грот родом из Девентера, которому современные исследователи

приписывают авторство «Подражания»: «Муж отличны знаниями и благочестием». Люди, составляющие «общество братьев» разделялись на 2 класса, из «коих в первом были братья ученые (клерики), а во втором – братья неученые. Последние жили отдельно, но в совершенном союзе братской любви с первыми». «Ученые братья прилежали к примерной ревностию к наукам и к обучению юношества, к сочинению книг и заведению училищ. Неученые упражнялись в разных ремеслах и искусствах. Ни те, ни другие не обязывались никакими обетами и, следовательно, не были собственно монахами; но все у них было общее, никто не имел собственности, и это было главным связующим звеном их общества. Училища, основанные братьями, приобретали к XV веку великую славу: «из них произошли впоследствии знаменитые преобразователи ученой словесности в Германии и Голландии, каков был Эразм Роттердамский и другие». В одном из этих училищ, а именно в Виндесеме, в Утрехтском округе был воспитан Фома Кемпийский. Он родился в 1380 году от бедных родителей в деревне Кемпи и был принят в училище на общественное иждивение. По окончании наук он пожелал вступить в сообщество ученых братьев и провел в нем всю свою жизнь, где и скончался на 92-м году жизни [Сперанский..., 1844, с. 2].

В течение своей праведной жизни Фома Кемпийский упражнялся в сочинении разных книг, проповедующих благочестие и духовность внутренней жизни. Сперанский даже подсчитал количество его «малых и больших сочинений: их оказалось 105 наименований» [там же]. Все эти «изящные» творения «приносят пользу духовную, отличаются простотою и полны внутренним умилением сердца, от коего они проистекли», – замечает переводчик. Но одно из них – превосходнейшее без сомнения – пресловутые 4 книги «О подражании Христу». Книга эта, еще до введения книгопечатания, стала широко известной по всей Европе. Большое количество списков с нее рассеялось по многим странам. И уже

после введения книгопечатания в числе первых книг, «тиснению преданных» после книг Святого Писания, является «Подражание», переведенное впоследствии на все европейские и восточные языки. В России книга впервые появилась в 1647 году в типографии Дельского монастыря на церковнославянском языке. «В составлении настоящего перевода признано было держаться старинных лучших изданий, в частности, Антверпенского – 1707 года Генрика Соммалья». Переводчик (М. Сперанский), как он сам признается, «не позволил себе никаких произвольных толкований: менее старался о внешней изящности выражений, нежели в точном и самом близком, почти буквальном сходстве с подлинником». К тексту «Подражания» было признано полезным присовокупить еще несколько избранных мест из разных творений того же сочинителя, разделив их по степени учения на две главы. Первая из них содержит места, относящиеся к внутренней душевной жизни, другая же – к высшей созерцательной жизни в духе.

В конце предисловия Сперанский пишет: «Отличительное свойство сих книг состоит в том, что они содержат в себе и млеко для младенцев и твердую пищу для совершенных. В простых правилах они представляют первым начальное руководство, и в тех же самых правилах дают вторым самые высшие понятия о таинствах духовной жизни: «Ходяй по мне, не имать ходить во тьме», – глаголет Господь. Сии суть слова Христовы, направляющие нас подражать его жизни и нравам, если желаем быть истинно просвещенными и свободными от великого сердечного ослепления...». Но чтый да разумеет» [Кемпийский Фома, с. 3].

В коротких, афористичных предложениях высказаны самые трепетные человеческие чувствования о простоте и чистоте, необходимости делать добро ближнему и любить его. При чтении некоторых страниц читатель действительно ощущает в себе стремление быть лучше, чище и добрее, слова проповедника проникают в душу и разум. Автор говорит:

«Человек имеет два крыла, на коих может воспарить от вещей земных: простоту и чистоту». Немало мудрых слов сказано о чудесном действии любви: «Любовь хочет всегда парить в высоте и ничем не удерживается долгу». «Ни на небесах, ни на земле нет ничего сладостнее любви, нет ничего ее сильнее, ничего возвышеннее, ничего обширнее, ничего приятнее, ничего лучше и совершеннее: ибо любовь рождена от Бога, и не может обрести покоя, как только в Боге, превыше всего созданного». «Любовь бодрствует и в самом сне не дремлет» [там же, с. 186-188].

Попов Е.А. в своих воспоминаниях «Сперанский в Перми и Сибири» написал по поводу перевода: «Книга состоит из теплых христианских чувствований — излагается в кратких изречениях, как любил излагать свои мысли и переводчик» [Попов, с. 17].

Художественный перевод, как поэтический, так и прозаический, — искусство, плод творчества. Переводчик, наделенный писательским даром и мастерски владеющий как языком автора (в данном случае латынь), так и русским языком, смог передать в изложении «сильную в изображении краткость латинского языка». Индивидуальность переводчика, глубоко религиозного человека, проявилась именно в том, что выбрал он для воссоздания на родном языке. Сперанский-переводчик сливается с автором, раскрывая творческий замысел переводимого им текста, вместе с тем показывает и свою индивидуальность, но так незаметно и осторожно, что она не заслоняет индивидуальности создателя «Подражания Христу».

Представляется уместным привести еще одно высказывание, которое принадлежит протоиерею Казанского собора П.Н. Мысловскому, бывшему духовнику участников восстания 14 декабря 1825 года. Он рассказал о том, как один из декабристов, «зараженный совершенным безверием, испытал на себе, еще во время содержания в крепости, благотворное влияние перевода «О подражании Христу». Прочитав, по

указанию Мысловского эту книгу, он обратился в истинного христианина, исповедовался и приобщился святых Тайн с самым чистосердечным раскаянием в прежних заблуждениях» [Русский архив, 1867, с. 434].

Можно считать миссию М.М. Сперанского-переводчика достойной уважения и благодарности. Даже если один человек встал на путь веры и раскаяния благодаря знакомству с этим сочинением, то, без сомнения, оно сделало свое «богоугодное» дело, вернув заблудшей душе веру и надежду.

После «Подражания Христу» Сперанский занимался изучением и переводом творений немецкого философа И. Таулера, которые в качестве «московского гостинца» прислал ему сенатор И.В. Лопухин, присовокупив к нему сочинения французской проповедницы госпожи Гюйон. «Гостинец» сопровождался письмом: «Тому вкусу в чтении, — писал Лопухин, — который вы, любезный друг, описываете, надобно радоваться. Кемпис, Фенелон, Таулер всегда должны составлять наилучшее и самое тщательное чтение для ищущих истины и прямого дела». При этом автор письма предлагал ему перевести что-нибудь на свой вкус из сочинений госпожи Гюйон. Но выбор Сперанского «не остановился, однако, на мечтательных созерцаниях» рекомендованного автора.

М.М. Сперанский был знаком с творениями христианских мистиков Иоганна Экхарта и Иоганна Таулера еще в начале века (1804), вполне возможно предположение, что во многом на взгляды Сперанского оказал определенное влияние и И.В. Лопухин. Еще в царствование Павла I пути их пересекались, поскольку они служили в одном ведомстве. Государственная служба настолько тяготила Ивана Лопухина, что ко времени посылки «московского гостинца», он уже покинул северную столицу и занимаемую должность. После ссылки в 1817 году, давая отчет о своих занятиях А.Н. Голицину, Сперанский писал: «В Перми и потом наиболее в деревне составил я избранные места из творений Таулера. Сочинитель, без сомнения, всем известен, множество отрывков

из него в разных местах у нас напечатано, но нигде нет в целости, может быть, оттого, что он, по высоте его понятий, часто парит под облаками и скрывается почти из виду. Избранные места все вразумительны» [Чистович, с. 1015].

Таулер Иоганн (1300-1361) – немецкий мистик, блестящий проповедник, оказавший влияние на Лютера, Шопенгауэра и Себастьяна Баха, проповедовал воспитание человека в духе близкого к Богу образа жизни. Его самое известное сочинение – «Проповеди» [Философский..., с. 448].

В результате трудов переводчика составила книга «Избранные места из творений Таулера», объемом немного менее «Подражания». По справедливому замечанию И. Чистовича, очень ценившего Сперанского как личность государственную и ученого мужа, «он внес свою долю даров в общую сокровищницу культуры человечества» [Чистович, 1871, с. 1015].

§ 3. Диалектика личности М. Сперанского как лингвиста, библиофила, литератора

«Общий церковнославяно-русский словарь» вышел в свет 1834 году. Его автором был известный деятель русской филологической науки, неперемный секретарь Академии П.И. Соколов. Словарь выпускался по заказу Министерства народного просвещения в связи с тем, что вышедшие ранее академические словари 1789-1822 годов – громоздкие, дорогие и малотиражные – были непригодны для массового употребления. К составлению учебного словаря П.И. Соколов приступил в конце 1828 года. Академия охотно поддерживала это начинание и постановила оплатить все расходы по изданию словаря. «Ничто не может произвести столь полезного действия в отношении к распространению основательных в отечественном языке сведений, как обращение юношества удобного к употреблению краткого, но исправного словаря», – так аргументировала Академия свою помощь и за-

интересованность в этой работе, образовав даже специальный комитет в составе: А.Х. Востокова, В.А. Поленова, П.А. Ширинского-Шихматова и И.И. Мартынова. После завершения работы коллектив помощников представил отчет в Академию, где подчеркивалось «что сей словарь, будучи гораздо полнее и исправнее всех изданий доселе, соответствует своему назначению и что продолжительные и усердные труды, употребленные при сем случае почтеннейшим сочленом, заслуживают всякого уважения». В год издания словарь Соколова был представлен на ежегодный Демидовский конкурс, «на котором был удостоен полной Демидовской премии в размере 5 тысяч рублей» [Коломинов, с. 76].

Словарь П.И. Соколова относится к числу словарей справочного типа. В него вошли все слова, «сколько издателью собрать было можно». В лексиконе можно найти не только слова русского, но церковнославянского и древнерусского языков. Это явилось следствием ошибочного мнения многих филологов той поры, считавших церковнославянский, древнерусский и русский языки лишь разными «наречиями» славяно-русского языка. Несмотря на это, «Общий церковнославяно-русский словарь» был во многом совершеннее и полнее всех предшествующих академических словарей. В словаре был впервые осуществлен правильный принцип размещения некоторых разрядов производных слов – существительных, прилагательных с суффиксами эмоциональной оценки, наречий и некоторых других. В академических словарях эти слова рассматривались как особые формы и помещались под основным словом. Соколов же включил их в словник словаря, сопроводив словарными статьями. И это было правильно, поскольку указанные формы являются самостоятельными словами. Много удачных приемов имеется в технике оформления материала.

Словарь Петра Ивановича Соколова сыграл важную роль в истории русской лексикографии, послужив во многих

отношениях образцом для составителей последующих словарей.

Академии удалось воплотить в жизнь и другие пункты лексикографической программы, например, создать отраслевые словари: «Технико-ботанический словарь» (1820) и «Словарь родовых растений» (1826) академика И.И. Мартынова (1771-1833), известного филолога-классика, педагога и переводчика, члена Российской академии с 1807 года, почетного члена Московского, Виленского, Харьковского, Казанского, Петербургского обществ. В предисловии к «Технико-ботаническому словарю» Мартынов подчеркивал, что труд его рассчитан не только на ботаников, но и на любителей общей русской словесности. По мнению составителя, язык и обогащается «переводом, составлением и введением слов, необходимых при распространении областей наук и искусств [Технико-ботанический словарь, с. 5].

Участие М.М. Сперанского в создании «Общего церковнославяно-русского словаря» оставалось долгие годы для нас событием малоизвестным, но представляющим несомненный интерес для науки. М.М. Сперанский, заслуженно считавшийся знатоком русского языка, библиофилом и настоящим «энциклопедистом», был приглашен Комитетом по составлению словаря в качестве рецензента-консультанта. Именитые ученые – такие, как Востоков, Поленов и ближайший друг Сперанского, И. Мартынов – сочли своим долгом посоветоваться с умнейшим из современников и испросить его мнения о новом издании задуманного труда в 1831 году. Рецензент, всегда славившийся бережным отношением к языку, сторонник правильного его использования, постоянно подчеркивал значение общей цены слова и считал несомненным, «что при употреблении слов, следует руководствоваться твердыми правилами».

Таким же необходимым условием следования данной установке он считал и создание словаря, который нужно «сочинять» по правилам раз и навсегда принятым, в противном

случае, действуя иначе, придется впоследствии все переделывать, «сочинение непрестанно будет колебаться» и повлечет за собой невозможность работать даже с «пробными листами» (корректурa или чистые листы). Рецензент рекомендует ознакомиться с работой по составлению словаря в Академии Де ла Круска в Париже и Джонсон – в Англии и тут же добавляет: «То, что там придумано основательно, принять, другое – сменить своим», надеясь на знания и научную квалификацию языковедов. Он не сомневался, что «мнением целого ученого сословия можно утвердить истинное значение русских слов и разрешить сомнения в разнообразном или спорном их употреблении». Острое чутье языка и обширные филологические познания дали возможность автору оценивать смысловые и стилистические свойства языковых единиц, давать свои рекомендации. Исходя из названия словаря, М.М. Сперанский советовал убрать из него все иностранные слова, за исключением церковных, греческих и нескольких слов, принятых не обычаем, но законом. Нужно «изъяснить некоторые слова обветшалые или малоупотребительные, а также слова славянские, т.е. церковные. Он обращается к членам комитета не давать «право гражданства» словам иностранным, вводя их в состав русского языка. Консультант выражал свое мнение, говоря, что если эти слова и обрусели, все равно они не должны быть помещены в Славяно-русский словарь, «иначе и наименовать его следует словарем речений как отечественных, так и иностранных, в Российском слове употребляемых». Он называет некоторые предметы или понятия, которые в одних местах России звучат и произносятся иначе, чем в других. И если все эти слова приводить в одном словаре, то это придаст изданию вид «временного периодического сборника».

В разделе «Второе правило» Сперанский рассуждает о необходимости наличия в словаре корней слов, как это делается почти во всех основательных словарях. Он высказывает предложение также воспользоваться этим примером – обо-

значить простое словопроизводство из ближайших корней. «В ожидании лучшего и глубокого изыскания и сие словопроизводство было бы, кажется, для утверждения первообразного значения слов, во многих случаях весьма полезно» [Мнение..., с. 3].

После обозрения «Пробных листов», он записывает 10 пунктов замечаний, в которых размышляет о звуках, буквах, союзах «противоположных» (противительных) и разделительных. Рассматривает пример неправильной трактовки слова Августейший, который приводится в словаре как высочайший: ибо «аугео» – значит, умножаю, увеличиваю, следовательно, Великий или величайший должно быть употреблено». Сомневается в латинском происхождении слова «агнец» – что по-русски выглядит как «ягнец». «У нас есть вся его фамилия и даже глагол “ягнуся”, коего нет в латинском». Также рецензент категорически выступает против написания слова «азарничать» (озорничать) по московскому произношению. «О» звучащее как «А» должно помещаться в словаре дважды. Но при этом подчеркивает, что дело словаря есть именно истреблять, а не утверждать сии отступления. М.М. Сперанский возражает против помещения под некоторыми словами каких-либо пояснений. «Академия. К чему тут примеры? Вообще примеры должно приводить токмо для утверждения значений сомнительных, редких или особенных».

Разбирая такие слова, как «авторов – авторский, академиков – академический», ученый точно и безошибочно определил грамматическую природу этих варьирующихся форм. «Они принадлежат грамматикам; там должно показать, каким образом и в каких пределах некоторые существительные в родительном падеже приемлют вид прилагательных; в старину у нас даже писали “егов”, так же, как ныне в грубом просторечии употребляется “ихные”, “ихных”. Грамматика должна показать, что тут правильно и что неправильно» [там же, с. 4].

Продолжая тему правильного употребления русских слов в устной речи и на письме, обратимся к переписке Сперанского с его дочерью Елизаветой, которую воспитывала бабушка – англичанка (Жена его, по происхождению тоже англичанка, как указывалось ранее, скончалась очень рано). Также терпеливо и аргументированно любящий отец объяснял своей ученице значение некоторых русских слов, в которых находил ошибки. Молодая девушка сочиняла с детства и всегда показывала свои незрелые труды или упражнения отцу, который был очень серьезным слушателем и строгим судьей. «Песенка твоя к Мечте прекрасна, – пишет отец дочери из Иркутска 28 июля 1820 года, – но есть одна ошибка или описка: тяжка горесть одинако. Одинокой (т.е. мне): ибо одинакий и одинокий есть разница; первый есть le mème, uniforme, одинакого роста, одинакого цвету; второй есть solitaire, isolé. Вот тебе целая диссертация об одной букве О. Впрочем, слово “одинокий” взято из деревни и может быть употребляемо только в простом легком слоге» [Письма..., с. 178-179].

И еще одно высказывание на эту же тему: «Среди прекрасных мыслей и самых живописных выражений у тебя вырываются некоторые ошибки в языке – следствие твоего младенчества. Такова сила первоначального языка» [там же, с. 170].

Филологические пристрастия его были настолько сильны, что, занимаясь таким серьезным и многотрудным делом, как инспекция и преобразование сибирского края, он старается проникнуть в философский смысл слова «казак» и найти его лексикологию. «Что такое слово казак?» Дневник Сперанского сохранил нам следы работы над этим вопросом. «Кир – гиз – казаки. Кир – степь, гиз – обитатель. Кир – гиз (так обыкновенно говорят на месте) есть степной житель. Казак есть испорченное казык – кол, на коем утверждается юрта. Кир – гизы называют себя обыкновенно казык, т.е. человек бездомный, живущий в колях или юртах. Точно то же

понятие сопрягали с сим словом и казаки, род людей бездомовных, бессемейных, неоседлых, кочующих» [Фатеев, с. 353].

В «Кратком руководстве к деловой и государственной словесности для чиновников, поступающих на службу», вышедшем в 1835 году, автор М. Магницкий (некогда близкий Сперанскому человек) рассмотрел развитие русской деловой словесности от Петра I до тридцатых годов девятнадцатого века. Он проследил, как медленно, шаг за шагом развивался русский государственный слог, каким языком писали «подъязычие» царские указы, как язык, изобиловавший непонятными иностранными терминами, был труден для чиновников и переписчиков и насколько это затрудняло работу всех органов. Как говорит автор, «слога делового в государстве не было».

По мере распространения знаний и образования, новых наук и искусств появляются люди грамотные, образованные и своим участием в жизни государства «открывают обширное поле и верный путь к возвышению». Уже к царствованию Екатерины II мы находим образцы вполне приемлемые для выражения государственной мысли.

С появлением министерств особенно возникла необходимость в сильном и чистом языке, и здесь со всей ясностью и красотой заблистал язык М.М. Сперанского, который «оставил эпоху в нашей деловой и государственной словесности» [Магницкий, с. 18]. На место приказного слога, который «почитался» до сих пор деловым, явился «во всех его актах классический деловой и государственный слог». Журнал Министерства внутренних дел, издававшийся при непосредственном участии Сперанского, — пишет Магницкий, — «заключает в хронологическом порядке все образцовые произведения сего периода и может служить училищем для чиновников, в гражданскую службу вступающих» [там же, с. 19].

Смеем думать, что произведение Магницкого в целом построено именно на анализе творчества Сперанского — анализе языка его трактатов, указов и манифестов, многочис-

ленных статей как образцах государственных бумаг, изложенных ясным языком, доступном любому читателю. Его невозможно было сравнивать с кем-либо, поскольку второго такого виртуоза канцелярского слова пока что не существовало.

Тем не менее колебания в словоупотреблении, пестрота языка в первые десятилетия XIX века, связанные с различиями в речевых навыках носителей литературного языка, а также неустойчивость стилистики, явились причиной неравномерности развития разных стилей и разных сфер письменности. Если при знакомстве с творчеством М.М. Сперанского находили чистоту, ясность и выразительность как литературного, так и канцелярского языка, то в оценке общего развития литературного и делового языка обнаруживалась еще очень заметная зависимость от традиций старого «приказного» языка. Деловой язык до Сперанского представлял собою смесь архаики с иностранными заимствованиями. Н.Н. Греч — талантливый журналист, филолог, критик, — писал о канцелярском и приказном слоге, как «о верхе странности, дикости», замечая, впрочем, что это не только свойство деловой письменности. «Во всех языках, — говорит он, — слог деловой и юридический известен варварством в сохранении обветшалых, диких форм» [Греч, с. 150].

Еще большую пестроту представлял собой язык «ученый». Научные книги, учебники, философские рассуждения излагались довольно тяжелым слогом «докарамзинского» периода. Если язык литературы предпочитал изысканность и изящность, то язык «беллетристики» пользовался лексикой и синтаксисом «казенной» деловой переписки. Отказ от «ученого слова», боязнь «педантства» оборачивались здесь некоторой легковесностью [Левин, с. 326]. Стилистические недостатки «ученой» прозы ощущались особенно отчетливо при сопоставлении со слогом лирической поэзии, достигшей к этому времени больших успехов. Предпочтение общества языкам иностранным, естественно, тормозило развитие язы-

ка разговорного, «общественного», поэтому «от ученых и просвещенных мужей только и можно было ожидать всего изящного, всего возвышенного. Они должны действовать на публику и на успехи образованности» [там же, с. 325].

Непременный секретарь Российской академии П.И. Соколов, удрученный необработанностью общественного языка, высказал поэту и переводчику Н.И. Гнедичу – хорошему знакомому М.М. Сперанского – свои соображения: «вся эта поэзия, все эти традиции и поэмы одна только роскошь в литературе. А нам не надо роскоши, когда мы нуждаемся в настоящем хлебе. Нам нужны не поэты, а люди, которые бы умели писать в прозе правильно и ясно: у нас нет ни эпистолярного, ни делового слога, о котором похлопотать непременно бы следовало, а заботиться о прочем – одна суетность и, право, не стоит труда» [Жихарев, с. 428].

Даже в 1845 году, после кончины Сперанского, В.Г. Белинский утверждал, что «особенно беден разговорный общественный русский язык», противопоставляя его высокой поэзии [там же, с. 331]. На фоне высказываний о несовершенстве русского языка похвальные отзывы Н.И. Греча, Ф. Булгарина, М.Л. Магницкого звучат как признание особой роли и особого явления журнала М.М. Сперанского в русской культуре. Издание журнала было признано необходимым и благотворным. Читатели этого периодического издания, можно сказать, не только учились языку, но и обогащались знаниями, благодаря тщательно подобранному материалу во второй (просветительской) его части. Н.И. Греч особо выделяет этот журнал и его основателя, говоря: «Примеры чистого, правильного и благородного слога можно найти в Санкт-Петербургском журнале (1804-1809), издававшемся при Министерстве внутренних дел». Все статьи этого журнала, как известно, были писаны или пересмотрены и переправлены Сперанским» [Греч, 1822, с. 253].

Мнения современников о значении журнала звучат как признание высокой степени участия М.М. Сперанского в

развитии культуры языка делового и научного и выделяют его в особую категорию зачинателей, новаторов в этой области. Не только журнал, отмечает Н.И. Греч, но достижения эти уже заметны к началу царствования Александра I, когда «преобразовывался высший дипломатический слог, да и самый язык деловой и канцелярский сделался яснее, складнее и правильнее». Он видит в этом заслугу М.М. Сперанского, далеко опередившего общее становление «делового» стиля.

Итак, к главным и необходимым условиям нового государственного делового языка канцелярий и кабинетов их императорских величеств относятся: правильность языка, точность, краткость, доходчивость, «благородная простота» и нужная в разных случаях сила; порядок в изложении сложных предметов и согласный с правилами общей словесности в самых кратких бумагах, а также приличный каждому документу тон.

«Облагорождение» канцелярского языка заставило не учившихся до сих пор чиновников, малообразованных и малограмотных, учиться на этих лучших образцах, и те, которые постигали эту науку, смело могли вступать в гражданскую службу. «В то же время – добавляет У.М. Тодд, – посещение салонов и других дружеских сообществ, где культивировался «новый стиль», могло способствовать продвижению по службе» [Тодд, с. 33].

«С.-Петербургский журнал составляет эпоху не только в русской администрации, но и в русской письменности; он произвел самое благотворное влияние во всех отраслях управления» [Булгарин, с. 645].

Русская культура занимала значительное место в жизни Михаила Михайловича Сперанского. Обладатель тонкого художественного вкуса, Михаил Михайлович Сперанский мог говорить и судить о художественных произведениях, музыке, живописи со всей строгостью своего понимания изящного, как «степени высокого, а высокое есть степень божественного, беспредельного». Ангелами-хранителями своей

жизни он считал добрую книгу, умный разговор, вкус к музыке, а потому шумному и бездушному обществу предпочитал уединение, оставаясь в мире своих мыслей как дома, так и в бесконечных переездах. Это было его необходимой душевной потребностью, и только тогда, когда ему встречался человек духовно близкий, он мог стать ему другом и искренним собеседником. Таким собеседником в Сибири оказался молодой офицер-исследователь Ф.Ф. Матюшкин. Летом 1820 года после встреч и бесед с молодым человеком о Пушкине, Лицее и его творчестве, о поэме «Руслан и Людмила» М.М. Сперанский писал дочери: «Руслана я знаю по некоторым отрывкам. Он действительно имеет замашку и крылья Гения» [Черейский, с. 306].

После возвращения Сперанского из Сибири произошло личное сближение этих двух замечательных людей, о чем Пушкин оставил записи в своих дневниках. А.С. Пушкин посещал литературный салон дочери Сперанского Елизаветы Михайловны Багреевой-Фроловой на Невском проспекте, 42 в Петербурге. Здесь часто собирались государственные деятели, писатели, поэты, бывали П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, Н.И. Гнедич и некоторые профессора университета. Непродолжительное время проводились музыкальные вечера, как выразилась Елизавета Михайловна, «специально для батюшки». Но от этой затеи скоро пришлось отказаться, поскольку набиралось столько желающих, что удовлетворить всех просто было невозможно. Дом этот, принадлежавший давним друзьям Сперанского – знаменитому семейству Лазаревых, отмечен мемориальной доской, подтверждающей факт проживания семьи Сперанского по этому адресу с 1823 года. Открыта доска в 1999 году, через 160 лет со дня смерти великого русского государственного деятеля, политика и просветителя.

Именно в этом доме – «в двадцать восьмом году – познакомились два выдающихся человека, и Сперанский на своем безукоризненном французском языке рассказывал

Пушкину и Вяземскому о переписке Екатерины Великой с Вольтером» [Гордин, с. 77]. Считая встречи со Сперанским событиями знаменательными, Пушкин записывал в дневнике даты встреч и содержание их бесед. «Встретил Новый год у Натальи Кирилловны Загряжской. Разговор со Сперанским». В ночь на новый 1834 год они беседовали о Пугачеве, о собрании законов, о первом времени царствования Александра, о Ермолове etc.» [там же, с. 787]. Их встречи переросли в теплые отношения, поскольку они во многом сходились во мнении, особенно о судьбах русского дворянства и крестьянства, а также о домашнем и общественном воспитании. Общность взглядов и влияние авторитетных суждений Сперанского о воспитании и образовании юношества особенно заметны в статье Пушкина «О народном воспитании», где поэт говорит словами Манифеста от 13 июля 1826 года, составителем которого, как известно, был М. Сперанский. «Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла». «Не просвещению, – цитирует он Сперанского, – но праздности ума, более вредной, чем праздность телесных сил, недостатку твердых познаний должно приписать сие своеволие мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начала есть порча нравов, а конец – погибель. Скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия» [Пушкин, с. 173].

Второго апреля 1834 года в дневнике Пушкина появилась новая заметка: «В прошлое воскресенье обедал я у Сперанского. Он рассказал мне о своем изгнании в 1812 году, а также забавный случай, случившийся с ним на одной станции». И далее продолжает: «Сперанский у себя очень любезен. Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра. Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага. Он отвечал

комплиментами и советовал мне писать Историю моего времени» [Пушкин, с. 552-223]. Они встречались теперь как добрые знакомые: «Вчера видел я Сперанского, Карамзиных, Жуковского, Вильеговского, Вяземского, — писал Пушкин жене 26 мая того же года, — все тебе кланяются». Пушкин живо интересовался обстоятельствами жизни, взлета и падения Сперанского, так же, как и многие современники признавал за ним «могучий систематизирующий ум» и неисчерпаемые возможности во всех делах, к чему он только ни прикасался. При II отделении Собственной его императорского величества канцелярии в подведомственной Сперанскому типографии печаталась «История Пугачева» Пушкина, и Сперанский внимательно следил за ходом работ, так что встречи их носили не только светский, но и деловой характер.

Многие предметы и темы их бесед и рассуждений остались неизвестны для потомков, но единомышленники их взглядов во многих вопросах делают их единомышленниками, в частности, в вопросе о творчестве поэта и драматурга В.А. Озерова (1769-1816).

В статье 1820 года «Мои замечания об русском театре» А.С. Пушкин пишет: «Семенова украсила несовершенные творения несчастного Озерова и сотворила роль Антигоны и Моины. В пестрых переводах, составленных общими силами, и которые, по несчастью, стали нынче слишком обыкновенны, слышали мы одну Семенову, и гений актрисы удержал на сцене все сии плачевные произведения союзных поэтов, от которых каждый отец отрекается поодиночке» [Пушкин, т. 5, с. 9]. Те же замечания и критика помещены в заметках на полях статьи П.А. Вяземского «О жизни и сочинениях В.А. Озерова». В 1827 году готовилось переиздание тома Озерова 1817 года и Вяземский пожелал представить его на суд Пушкина. Драмы Озерова были предметом постоянных споров Пушкина с Вяземским. Великий поэт прозорливо отметил, что «слава Озерова уже вянет» и признался: «Озерова

я не люблю не от зависти (сего гнустного чувства, как говорят), но из любви к искусству. Ты сам признался, что слог его не хорош — а я не вижу в нем ни тени драматического искусства» [там же, с. 477].

Как относилось русское общество в целом к пьесам Озерова отображено в Евгении Онегине: «Там Озеров невольны дани народных слез, рукоплесканий, с младой Семеновой делил». Современники называли его «преобразователем театра», с чем был не согласен М.М. Сперанский. В частном письме, выражая свое собственное мнение и «смотря на дело другими глазами», он писал: «В Озере не было ничего самобытного, ничего оригинального; он был созданием французской теории и французских образцов». И несмотря «на невольны дани народных слез...», не разделяет общего увлечения и восторга: «Эдип» Озерова таков, как ты его понимаешь, — пишет он дочери, — слабое, натянутое подражание, сбор разных мест из французских трагедий». Он отказывает Озерову в «истинном таланте», называя его «трудолюбивой посредственностью». Рассуждая о поэте, которого знал «коротко», добавляет: «Он лучше писал по французски и весьма поздно принялся за русский. Но если б он и ранее начал, то не более бы сделал. Меня раздражает не то, что он мог ошибаться в своем роде, но то, что вкус нашей публики еще так мало образован, в таком ребячестве, что всякая мишура его веселит и восхищает. Впрочем, мы поздно пришли, чтобы желать и надеяться иметь у себя драматических стихотворцев: род сей вообще проходит или уже прошел во всей Европе. Поэзия, язык богов, перелилась ныне вся в политику. Ныне не стихи строят воображением, но государства» [Русский архив, 1868, стлб. 1730-1731].

Несколько позже об Озере писал и Белинский, также осудивший драмы Озерова за подражание иноземным образцам и за отсутствие реализма.

Нельзя не сказать несколько слов о дружеском расположении М.М. Сперанского к семейству Лермонтовых-

Столыпиных. Он оказал определенное положительное влияние на их жизнь в бытность свою губернатором Пензы. Как известно, М.М. Сперанский находился в близких дружеских отношениях с богатым пензенским помещиком Аркадием Алексеевичем Столыпиным, родным братом бабушки Михаила Юрьевича Лермонтова, в замужестве Арсеньевой. Сперанский время от времени навещал семейство, проживающее в Тарханах, интересовался событиями их жизни и принимал непосредственное участие в делах в случае необходимости. Между семейством Столыпиных и Сперанским велась обширная переписка; Михаил Михайлович извещал А.А. Столыпина о здоровье матери будущего поэта и наблюдал ее постепенное угасание. После смерти матери было составлено завещание, искусно изложенное М. Сперанским от 10 июня 1817 года, согласно которому малолетний Михаил Юрьевич оставался у бабушки до полного совершеннолетия. Она гарантировала его «воспитание, попечение о нем, обеспечение в определении его на службу его императорского величества и содержание его в оной соответственно своему состоянию», оставляя ему все имение после своей смерти. Завещание было составлено юридически так тонко, что во всех случаях и при всех обстоятельствах обеспечивало права будущего поэта. Только в 1830 году, когда наследнику исполнилось 16 лет, его ознакомили с завещанием и объяснили ситуацию.

В Тарханах имя Сперанского было окружено уважением, в гостиной дома Арсеньевой Е.А. висел портрет реформатора. Возвращаясь из Сибири в 1821 году, Сперанский специально заехал в имение и в дневнике записал «о совершении исцеления» шестилетнего Михаила в результате поездки на Кавказские воды. Нет сомнения, что, повзрослев, Лермонтов оценил усилия Сперанского и его дружеское расположение к их семье. Именно об этом рассуждает в своей статье О.В. Попов «Быть может, Сперанский?» [Попов О.В., с. 185-187]. Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Великий

муж» (конец 1936 года), адресат посвящения которого не был выяснен после смерти автора, привлекло его внимание. Одни исследователи считали посвящение данью уважения воинскому долгу Барклая де Толли, другие выдвигали версии о Рылееве, Пестеле, Радищеве и т.д. И очень может быть, что в 1836 году, после встречи с бабушкой, поэт исполнился благодарных чувств к другу семьи, знаменитому политику-реформатору и посвятил именно ему следующие строки: Великий муж! / здесь нет награды Достойной доблести твоей! / Ее на небе сыщут взгляды / и не найдут среди людей <....> Свершит блистательную тризну / Потомок поздний над тобой / и с непритворною слезой / Промолвит: «Он любил Отчизну» [Лермонтов, с. 281].

Находясь в Сибири, Сперанский устраивал еженедельные собрания и сам в них участвовал, стараясь хотя бы в малой степени оживить беспросветное существование горожан и своим участием и рассказами внести в это общество немного света. «Во-первых – завели собрание, где раз в неделю по воскресеньям танцуют купчихи и их дочери. Во-вторых учредили на пользу бедных благотворительное общество, в-третьих учредили и на сих днях открыли ланкастерскую школу», – сообщает он своей дочери из Иркутска [Письма, с. 39]. Поэтому он не смог оставить своих занятий наукой и литературой, и не предаваться размышлениям о настоящем и будущем. «Настоящее ... – это мерзости, коими я здесь окружен». Бесконечно приятно возноситься от них к истинам высшего. Из своих размышлений, из всех опытов, из своих наблюдений он выводил одну и ту же главную истину: что «везде на всех концах света есть всеобщее движение от телесного к духовному, от тьмы к свету, от заблуждений к истине – мысль утешительная, необходимое возмездие всего настоящего». Свое духовное усовершенствование Сперанский продолжал развивать изучением мировой и русской науки и мысли. Его корреспонденты, например А.И. Тургенев, посылали ему новинки немецкой литературы. Его опальный

реформатор особенно интересовался в подлинниках, как неофит (новый приверженец). Тщательно штудировал историю литературы А.В. Шлегеля и писал на нее свои замечания; с таким же увлечением читал произведения известных немецких поэтов Шиллера и Клопштока. Граф К.В. Нессельроде (канцлер, министр иностранных дел) посылал ему пачками русские и иностранные газеты. Все, что он успел сделать и изучить в Сибири, должно было стать достоянием россиян: писал и описывал свои наблюдения всем, кто состоял с ним в переписке, а по приезде обещал рассказать много диковинок о жизни «древних наших обладателей монголов, о их языке, о их религии». Знакомясь с тайшами, с духовными лицами монголов, пользовался случаем исследовать содержание ламайской веры, пути ее распространения и влияния. Подъезжая к границам Китая, изучал нравы и быт китайцев, систему общественности и воспитания, и все это наводило его на мысль – поделиться своими ощущениями: «сколько привезу я тебе вестей об истории и словесности сего чудного народа. Двести миллионов голов, т.е. число более всей Европы, под одною шапкою». «Это первое чудо, чудо политики, образование доселе неслыханное и небывалое в истории мира. За сим следуют другие чудеса, не менее разительные, не менее смиряющие гордость европейского просвещения. Признаться должно, что наши учителя греки и римляне не большие были знатоки в народном воспитании и, видимо, суждено Востоку всегда брать верх над Западом» [Письма..., с. 129].

Несмотря на огромную занятость и нехватку свободного времени, Сперанский живо интересовался всеми новинками литературы, науки (особенно законодательной) и искусства. Общался со многими деятелями культуры, учеными, политическими деятелями, поддерживая с ними дружеские отношения. Будучи за границей на водах в Карлсбаде и Мариенбаде, наносил визиты и знакомился со знаменитостями: в Германии – с князем Меттернихом, в Праге – с чешскими

учеными Ганкой и Шафариком, в Берлине – немецкими учеными Гумбольдом и Савиньи, в Дрездене был представлен правительствующим особам. Со всеми находил он общий язык и беседовал на разные темы как политические, так культурные и научные, надеясь приобретенные знания и опыт приложить к своим знаниям и отдать их на благо Отечества.

«Россию Сперанский любил выше всего в мире – и только человечество ставил выше Отечества, т.е. он не желал бы, чтобы слава его основана была на бедствии человеческого рода. Он вовсе был чужд предрассудка, который порождает ненависть или недоброжелательство к иноплеменникам или чужезычным племенам, составляющим народонаселение России. Религиозность его была высокая, и он был враг ханженства и нетерпимости (intolerance), желая чтобы каждый поклонялся создателю по своему внутреннему убеждению. Сперанский был человек истинно европейский, который бы в самых просвещенных странах мог занимать первые государственные должности. Даже враги его не могли ничего выдумать на счет его бескорыстия» – об этом свидетельствует Ф. Булгарин.

«Государственные труды отвлекали его от принятия деятельного участия в отечественной литературе, которую он любил страстно, читал много, и уважал и ласкал писателей, которых труды почитал полезными» [Булгарин, с. 652-653].

М.М. Сперанский любил отечественную историю, прочел все, что было в ней писано по-русски, по-немецки и по-французски и составил о многих трудных и неразрешенных вопросах истории собственные свои мнения.

Из всех своих поездок, командировок Сперанский привозил преимущественно книги, оправдывая свое пристрастие «библиофила» ко всему новому и полезному. В результате долголетнего собирательства образовалась его обширная библиотека, которой он пользовался в своей преподавательской и правовой деятельности. Труды на английском, немец-

ком, французском, латинском и древнегреческом языках составляли большую часть собрания. Занимаясь кодификацией законов во II отделении его императорского величества и руководя работами по собранию всех разрозненных законов в одно полное собрание, он огромное внимание уделял пополнению библиотеки, основанием которой послужило собрание юридических книг, приобретенных в Швейцарии в начале царствования Александра I. В 1826 году, при учреждении II отделения, образовались некоторые пробелы в поступлениях новейших авторов и исследований по юридической части. Благодаря стараниям Сперанского, была исходатайствована приличная сумма, на которую несколько лет покупались книги, пополнявшие библиотеку. Юридическая литература, стремительно развивавшаяся в Западной Европе, требовала особого внимания и особых средств на ее приобретение, и в 1835 году Сперанский опять обратился за помощью к Государю и «ухитрился» испросить 10 000 тысяч рублей на необходимые книжные приобретения.

Личная библиотека Сперанского после его смерти в 1840 году была куплена у наследников Сперанского для пополнения библиотеки II отделения, и это нужно признать удачным приобретением, поскольку библиотека, с такой любовью собираемая в течение долгих лет, представляла большой научный интерес для тех, кто занимался юридическими сочинениями и правоведением. С января 1863 года библиотека «была открыта для всех, имеющих в ней надобность, как по возлагаемым на них поручением от начальства, так и по роду своих занятий». Особенного прилива читателей не ожидалось, поскольку библиотека была исключительно профильной и преимущественно на иностранных языках, но тем не менее послужила верным и богатым источником распространения научных знаний и юридического образования россиян.

Многочисленные бумаги, оставшиеся после смерти Сперанского, дневники, размышления и переписка были пе-

реданы безвозмездно в дар Императорской публичной библиотеке дочерью Сперанского. Фонд насчитывает 2340 единиц хранения, множество датированных и недатированных записей, набросков по разнообразным отраслям философии, юриспруденции, раздумий о добре и зле, честности и правде и многое другое. Предстоит еще большая и кропотливая работа, прежде чем откроются новые сведения и изыскания и окончательно дорисуются портрет ученого-педагога, просветителя, публициста Михаила Михайловича Сперанского.

Заключение

Взаимосвязь языка, культуры и личности М.М. Сперанского наглядно прослеживается в тесном единении с историей России, в союзе с которой только и возможно ее развитие. Как сказал русский философ Н.О. Лосский, «личность народа, как и всякая другая личность, есть своеобразный, единственный в мире индивидуум. Культура и личность – это внутренне соотносящиеся понятия, поскольку личность всегда живет в условиях определенной культуры, которая воздействует на эту личность и питает ее. Мы попытались исследовать личность Сперанского через конкретный ее аспект – в его связи с языком и культурой, поскольку личность М.М. Сперанского в полной мере представляет свое общество, свой народ, нацию в ту эпоху, в которую он жил и действовал. Универсальное значение такой личности в особом и тщательном внимании и изучении взаимодействия его культуры и языка, диалектики доминанта личности М. Сперанского тесно связана как с мировой, так и с национальной культурой, ее традициями, отраженными в народе.

Вклад М.М. Сперанского в развитие русского делового и научного стилей, его разговорная «общественная» речь является темой очень актуальной и заслуживает пристального внимания ученых. Эта сторона его деятельности не вызывала у общественности никаких нареканий, напротив, язык, на котором говорил и писал М.М. Сперанский, служил образцом для подражания и тщательного изучения. Если в области политических, государственных преобразований у него нашлась целая армия непримиримых противников и недоброжелателей, то в области культуры, языка и сочинений новые

тенденции только приветствовались и с благодарностью принимались обществом. Эрудиция и незаурядные способности во владении языками (которые, помимо семинарии, он изучал в течение всей своей жизни, особенно в годы ссылки, не имея ни преподавателей, ни книг, за исключением Библии и словаря), талант рассказчика, дар превосходного собеседника привлекали к нему людей как старшего поколения, так и молодежь – всех, кто был проникнут идеями Просвещения и патриотизма. Его светлый ум и обширные познания касались многих отраслей науки и культуры. Взгляды Сперанского в области просвещения, образования и культуры разделялись многими, а советы почитались ценными и монархами, и вельможами, потому что «многостороннее» Сперанского, по отзыву академика И.И. Мартынова, не существовало никого в их ближайшем окружении. Стихотворения, сочинения, философские размышления, проповеди, учебники, переводы, статьи – всюду он успел сказать и сделать что-то свое, только ему присущее, им осмысленное и отданное на суд читателей или слушателей. Конечно, в языке Сперанского есть и своя «поэтика», но не такая сентиментальная и «слащавая» (сугубо дамская), как у Н.М. Карамзина.

Исключительное знание языка, изящная речь и светские манеры, свойственные его личности, умение поддерживать разговор «высшей» образованности, культура речи, внимание к собеседнику или оппоненту делали его любимцем салонов и общественных собраний. Вклад Сперанского в становление нового русского языка, свободного от «неуклюжестей» старинного тяжеловесного слога, был исключительно высоко оценен современниками, которые причислили его к числу новаторов и ученых, «заложивших краеугольный камень зданию русского языка». Образцами дипломатического слога могут служить манифесты, указы и другие важные акты, написанные им в самом начале XIX века. Жаль только, что современные филологи так мало внимания уделили его новаторству и мастерству речи, устной и письменной. Те-

перь, когда стали появляться некоторые труды Сперанского, филологическая наука найдет в них для своих изысканий много интересного и более углубит наши первоначальные рассуждения о ценности и значительности роли Сперанского, достойного ученика и продолжателя трудов М.В. Ломоносова на ниве российского просвещения, в деле развития и процветания русского языка и русской культуры.

Список использованной литературы

- Балыхина Т.М.* Структура и содержание российского филологического образования. – М., 2000.
- Булгарин Ф.* Воспоминания. – М., 2001.
- В память графа Сперанского. – СПб., 1872.
- Вагин В.* Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. – М., 1872.
- Васильева А.Н.* Курс лекций по стилистике русского языка. – М., 1976.
- Виттекер Ц.* Граф С.С. Уваров и его время. – СПб., 1999.
- Восстание декабристов. Документы. Т. XIV. – М., 1976.
- Гордин Я.А.* Право на поединок. – Л., 1989.
- Граудина Л.К.* «Риторика М.М. Сперанского», «Русская речь», 1986, №4.
- Греч Н.И.* Опыт краткой истории русской литературы. – СПб., 1822.
- Греч Н.И.* Чтения о русском языке. Ч. I. – СПб., 1840.
- Дружеские письма М.М. Сперанского к Н.Г. Масальскому. – СПб., 1863.
- Живов В.Т.* Язык и культура России XVIII века. – М., 1996.
- Жихарев С.П.* Записки современника. – М.-Л., 1955.
- Записки сенатора И.В. Лопухина. – М.-Л., 1990.
- Катетов И.В.* Граф М.М. Сперанский как религиозный мыслитель. – Казань, 1889.
- Клименко И.С., Румянцева Н.М.* Можно ли М.М. Сперанского назвать филологом // Мир русского слова. – 2004. – № 1. – С. 103-108.
- Ключевский В.О.* Сочинения в 8 томах. Т. 5. – М., 1989.

- Колбасин Е.Я. Литературные деятели прошлого времени. – СПб., 1905.
- Коломинов В.В., Файнштейн М.Ш. Храм муз словесных. – Л., 1986.
- Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. – М., 1905.
- Левин В.Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX века. – М., 1964.
- Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений. – Л., 1989.
- Лихачев С.Д. О филологии. – М., 1989.
- Ломоносов М.В. Избранная проза. – М., 1980.
- Магницкий М.Л. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих на службу. – М., 1835.
- Мир русского слова. – 2000. – № 4.
- Мнение Сперанского о новом издании славяно-русского словаря. – СПб., 1870.
- «Муза» – СПб., 1796. – № 1-12.
- Никитенко А.В. Вспоминания о М.М. Сперанском. – СПб., 1872.
- Новаковский В.А. Михаил Михайлович Сперанский. – СПб., 1893.
- Письма графа М.М. Сперанского к Х.И. Лазареву. – СПб., 1864.
- Письма М.М. Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. – М., 1869.
- Попов О.В. «Быть может, Сперанский // Русская литература. – 1984. – № 2.
- Попов Е.А. Сперанский в Перми и Сибири. – Пермь, 1879.
- Пушкарёв С.Г. Россия 1801-1917: власть и общество. – М., 2001.
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 6 томах. – М., 1950.

- Россияне. Книга по истории Отечества XIX – начала XX века. Ч.1. – СПб., 1995.
- Румянцева Н.М. Педагогическая деятельность М.М. Сперанского // Высшее образование сегодня. – 2005. – № 11.
- Румянцева Н.М. Истоки карьеры М.М. Сперанского как общественного деятеля // Университетская книга. – 2005. – № 12.
- Русская риторика. – М., 1996.
- Русская старина. – 1893. – Т. 80. – № 11.
- Русская старина. – 1902. – № 1.
- Русский архив. – 1871. – № 1-12.
- Санкт-Петербургский журнал. – СПб., 1804. – № 1-12.
- Северный вестник. – 1804. – Ч. I. – № 1.
- Середонин С.М. Русский биографический словарь. Том «Смеловский-Суворина».
- Советский энциклопедический словарь. – М., 1987.
- Сперанский М.М. Правила высшего красноречия. – СПб., 1844.
- Сперанский М.М. Проекты и записки. – М.-Л., 1961.
- Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. – СПб., 2003.
- Степанов Н.Л. Поэты и прозаики. – М., 1966.
- Стецкевич М.Я. Каталог фонда М.М. Сперанского (ф. 731). – СПб., 1962.
- Технико-ботанический словарь. – СПб., 1820.
- Todd У.М. Дружеские письма XVIII века как факт литературы. – СПб., 1994.
- Todd У.М. Литература и общество в эпоху Пушкина. – СПб., 1996.
- Томсинов В.А. Светило российской бюрократии. – М., 1991.
- Фатеев А.Н. М.М. Сперанский: Влияние среды на составителя Свода законов в первый период его жизни. – М., 1915.

Фатеев А.Н. Сперанский – генерал-губернатор Сибири. – Прага, 1941.

Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. – М., 1997.

Физика, выбранная из лучших авторов, расположенная и дополненная Невской семинарии философии и физики учителем Михаилом Сперанским 1797 г. в Санкт-Петербурге. – М., 1872.

Филарета Митрополита московского и коломенского творения. – М., 1994.

Философский энциклопедический словарь. – М., 1998.

Флоринский Н.И. Некоторые черты из жизни графа М.М. Сперанского. – М., 1874.

Черейский Л.А. Современники Пушкина. – М., 1979.

Чибирияев С.А. Великий русский реформатор. – М., 1976.

Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии. – СПб., 1857.

Чистович И.А. В память графа М.М. Сперанского // Христианское чтение. – 1871. – № 12.

Чулков Г.И. Императоры России. Психологические портреты. – М., 2005.

Южаков С.Н. Сперанский. Его жизнь и государственная деятельность. – СПб., 1882.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Отрывок из проповеди, говоренной М.М. Сперанским в неделю осьмую на десять октября 1791 года в Александроневской лавре:

«Не бойся отселе будешь человека лова»
(«Русская старина», 1902, январь, с. 286-291)

...Отдаление времени и различие обстоятельств сколько ни закрывает от нас начала обществ, между тем, однакож, сие остается неоспоримо, что какого бы рода ни предполагалось были побуждения собраться людям воедино, первая их выгод основа всегда должна лежать на взаимных выгодах; но сии выгоды без доверия, а доверие без доброты сердца существовать не могут. Разум даст наилучший чертеж для образования общества, напишет наилучшие законы, предусмотрит неудобства, ограничит силу властей, проведет черту порядка и подчинения и наперед разрешит могущие встретиться затруднения; но, имея развращенное сердце, он первый в жизни своей покажет пример расстройства, первый введет замешательство и безначалие, первый разорвет те священные узы, коими связываются выгоды сочленов, и словом, первый готов будет разрушить собственное свое произведение. Пружина, дающая ход системе общества, очень проста: люби твоих собратий, помогай им – вот все таинство ее действий! Множество законов, соплетение прав, трудность сообразить преимущества каждого с выгодами всех доказывают только развращение нашего сердца, разнообразие наших страстей, недостаток единства в желаниях, нисколько не вводя их в существенное общества состояние.

Они возникли уже в поздние времена устроения общества и едва ли не тогда, как расширение круга наук отверзло новые пути нашим желаниям, умножило наши нужды, уточ-

нив наши страсти, и, удалив от простоты естества, заставило искать удовольствия далеко от себя, в подделанном искусстве. Это правда, что сообщать блеск наружной славы, дать обществу вид величия одно только может просвещение. Но будь премудрый Государь, поставь престол свой на столбах твердейшей политики, призови к поддержанию его превосходные дарования, блистай с нею умом твоим в концы вселенной, заставь славу возглашать немолчною трубою твое знание, твои высокие таланты – тебе будет удивляться свет, но если ты не будешь на троне человек, если сердце твое не познает обязательств человека, если не сделаешь ему любезными милость и мир, не низойдешь с престола для отречения слез последнего из твоих подданных, если твои знания будут только к тому, чтобы искуснее позлатить цепи рабства, чтоб неприметнее положить их на человека и чтоб уметь казать любовь к народу и, из-под завесы великодушия, искуснее похищать его стяжение на прихоти твоего сластолюбия и твоих любимцев, чтоб поддержать всеобщее заблуждение, чтоб изгладить совершенно понятие свободы, чтоб сокровеннейшими путями провезти к себе все собственности твоих подданных, дать почувствовать им тяжесть твоея десницы и страхом уверить их, что более, нежели человек: тогда, со всеми твоими дарованиями, со всем сим блеском, ты будешь только – счастливый злодей; твои ласкатели внесут имя твое золотыми буквами в список умов величайших, но поздняя история черной кистью прибавит, что ты был тиран твоего отечества. Будь судья и наилучший правоведец, открой истинный разум законов, выведи из существа дела их употребление, умей развязать узел дел, наиболее соплетенных; найди самое тончайшее различие между пороком и пороком, между казнию и казнию; упражняйся через всю твою жизнь в истории человеческих заблуждений и пронырств.

...И когда Бог со славою и ангелами своими придет судить человеков, он спросит: Известны ли сердцу вашему сии чистые излияния любви и приверженности к вашему создателю и Отцу? Раздирались ли жалостию при виде несчастного, коему вы не могли помочь? Сострадали ли вы бедным? Они были в темнице, посетили ли вы их? Они терпели наготу, одели ли? Они несли жажду, напоили ли? Теперь здесь предо мною явятся плоды вашей жизни. Вы мне кажете ваше просвещение, но это есть только свидетельство на ваше самолюбие. Я требую добродетели, не представляйте мне сих бесплотных изобретений, сих сухих правил, сих знаний, что вы называете глубокими; они капля перед мудростью моею, они прах предо мною. Это суть мелкие забавы, коими доселе позволял я вашему мелкому уму заниматься. Теперь покажите веру от дел ваших; не ум, раскройте сердце предо Мною. Мы, которые при толиком рвении к просвещению, толико нерадим о нравственном своем характере, что тогда отвечать будем? Неблагодарные, речет Бог я дал вам малое количество разума, но довольное к тому, чтоб вы были счастливы; его тесным пределам давал вам разуместь, чтоб вы не терялись с ним в бесполезных изысканиях. Я напутствовал вас сим светильником для того, чтобы вы освещали им путь своей жизни, чтоб сердце ваше следовало за ним неотступно. Я связал их тесным между собой союзом; но вы разорвали сей священный узел, вы положили преграду между сердцем и умом, вы предписали каждому свои законы; ваш ум свет, дела ваши тьма. Вы назвали просвещением буйство; простотою мудрость. Сокройтесь от взора моего, рабы неверные; не дети вы Мои – сынове гнева. Молния и гром скончают словеса сии. Гнев трясущего вселенную из ее оснований неужели не подействует над вами? Еще ли продолжится сей сон, сие обаяние нашего самолюбия. Всегда, всегда ли душа наша будет жить среди сих лестных мечтаний, или никогда не сойдем мы с сей мнимой высоты нашего сердца? Всегда ли мы будем усовершенствовать состав наших зна-

ний и расстраивать наши дела? Всегда ли мы будем мыслить превосходно и жить развращенно? О человек! Если вы не хотите согласить в себе противоречия, отжените себя от общества, идите с вашим просвещением скитаться по горам, откажитесь от вашего счастья, презрите глас Бога, дерзайте на все, когда смели забыть, что верх всего — добродетель!

Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ОБЩИЕ СВОЙСТВА СЛОГА

(из сочинения М.М. Сперанского
«Правила высшего красноречия»)

1. Ясность

Первое свойство слога, рассуждаемого вообще, есть *ясность*. Ничто не может дать ему права мучить нас трудным сопряжением понятий. Каким бы слогом он ни писал, Бог доброго вкуса налагает на него непременный закон быть ясным. Объемлет ли он взором своим великую природу — дерзким и сильным полетом он может парить под облаками, но никогда не должен он улетать из виду. Смотрит ли он на самую внутренность сердца человеческого — он может там видеть тончайшие соплетения страстей, раздроблять наше чувство, уловлять едва приметные их тени, но всегда в глазах своих читателей он должен их всюду с собой вести, все им показывать и ничего не видеть без них. Он заключил с ними сей род договора, как скоро принял в руки перо, ибо принял его для них. А посему хотеть писать собственно для того, чтоб нас не понимали, есть нелепость, превосходящая все меры нелепостей. Если вы сие делаете для того, чтоб вам удивлялись, сойдите с ума — вам еще более будут удивляться «...»

2. Разнообразие

Второе свойство слога — общее *разнообразие*. Нет ничего несноснее, как сей род монотонии в слоге, когда все побочные понятия, входящие в него, всегда берутся с одной стороны, когда все выражения в обороте своем одинаковы; словом, когда мы в продолжение сочинения предпочтительно привязываемся к одному какому-нибудь образу выражения или форме. Арист мне читал свое сочинение. Это не со-

чинение, но собрание примеров на антитезис; все у него противоположено, все сражается между собою. Я сказал ему, что надобно быть более разнообразну слову и не все выливать в одну форму. Он исправился и на другой день принес мне другое писание: противоположения в нем не было, но вместо того все превращено в метафору, все изображено в другом и, что всего хуже, подобие непрестанно берется от одного и того же предмета «...»

3. Единство слога

Не должно, однако, разумеать под именем *разнообразия* сей развязности слога, когда все выражения делают столько различных кусков, оторванных от различных материй и связанных вместе. Это было бы противно *единству* слога, третьему свойству его, столько же существенному.

Надобно, чтобы части были разнообразны, а целое едино: надобно, чтобы в сочинении царствовал один какой-нибудь главный тон, который покрывал, так сказать, собой все прочие. Так, в музыке все голоса различны, но все подчинены главному тону, который идет в продолжение всей пьесы. Сей то род гармонии, разнообразной в частях и единой в целом, необходимо нужен в слоге. Отрывы и падения из слога высокого в слог низкий, из красивого в посредственный не могут ничего другого произвести, как разногласие и дикость. Но понеже высокое имеет подчиненные виды; понеже красивое и посредственное может происходить от тысячи различных мыслей и сопряжений, откуда происходит, что сочинение может быть вместе и едино в главном виде слога и разнообразно в частях своих «...»

4. Равность слога с материей

Слог должен быть *равен* своему предмету, т.е. все побочные понятия должны быть соразмерны своим главным. Если главные мысли возвышенны, все зависящие от них должно быть сильны и благородны; если первые просты, по-

следние должны быть легки и естественны. Сие вообще столько справедливо и столько существенно, что возвышеннейшие материи, предложенные слогом низким, равно как забавны только потому, что к главным понятиям великим приплетены низкие или к низким – высокие. Так, российский Скаррон, переодев Энея, и богов сделал смешными; так, Буало из *наоя* сделал *поэтом*. Поп – из *локона* – *волос*; описав Гомеровым пером сии низкие или мелкие предметы, они заставили нас смеяться. Столько-то необходимо, чтоб слог был равен или однозвучен с своей материей.

На первый взгляд нет ничего легче, как сие. Между тем, однако ж, быть не выше, не ниже своего предмета есть очень редкое достоинство в писателе. К сему надобно, чтоб он знал совершенно степень силы и напряжения, какой может принять его предмет, и к сей степени приспособить свой слог; знание, сколько необходимое, столько и трудное.

Особенное свойство слога О произношении

Под именем *произношения* я разумею то, что древние называли *action*, и в сем слове заключаю не только тон и наклонение голоса, но вместе вид и положение всех частей оратора.

Красноречие «...» основано на недостатке истинного просвещения. С тех пор, как сердце начало мешаться в суждения разума, с тех пор, как человек, уточнив и раздражив свою чувствительность, попустил ей владычествовать во всех своих понятиях, все захотел чувствовать и очень мало размышлять, – с тех пор страсти и предубеждения получили важный голос во всех суждениях; и первый способ убедить разум и выиграть дело истины есть ввести в свои виды сердце и воспалить воображение. На сей-то слабости и бессилии ума основали ораторы все таинство витийства, так как на первой несправедливости основали законодатели науку пра-

восудия, откуда он может ози­рать истину во всем ее про­странстве, и обоймет единым взором все поле своих отноше­ний и польз, тогда предложит истину во всей ее простоте, будет убежден в ней; тогда, в ту самую минуту, разрушится вся наука красноречия, пройдет царство лестных заблужде­ний и настанет царство разума; тогда великие памятники ви­тийства сокрушатся:

Черты Гомера и Марона,
Все их бессмертное умрет...

И на их развалинах утвердится вечный престол всеоб­щего смысла. Но доколе еще сия блистательная эпоха не придет, доколе просвещение наше будет только прививок заблуждений и предрассудков, доколе будет необходимо сражаться страсти страстями, противопоставить предрассуд­ки предрассудкам и вести ум к истине через заблуждение; это — дитя, которое надобно учить, забавляя, и утешать, об­манывая. Итак, те не знают истинного начала красноречия, которые думают, что предубеждающая внешность не нужна в ораторе. Они не знают, что самое существо витийства ос­новано на предубеждении, ибо основано на страстях, и вития не что другое есть, как человек, обладающий таинством дви­гать по воле страсти других и, следовательно, отнимать у ра­зума холодную его и строгую разборчивость, воспламенять воображение и отдавать ему похищенные права рассудка. Итак, наш оратор не ограничит своего искусства одним толь­ко сочинением, он настроит с предметом своим голос, лицо, вид и руку, все в нем будет говорить и все будет красноречи­во. Древние очень твердо знали сию истину; и внешность, по большей части презираемая ныне, была тогда существенной частью риторики. Каких трудов стоило Демосфену приобре­сти ее? Но он лучше захотел бороться с природой, нежели презреть ее. Цицерон путешествовал в Грецию единственно для того, чтобы смягчить и сделать льющимся свой голос, и не прежде стал великим оратором, как дав гибкость и оборот

руке, сообщив выражение глазам и всей внешности вид предзанимающий. Пог­седневные примеры оправдывают сию истину. Для чего Ари­ст, рожденный с тонким умом и удобо­возгорающимися страстями, Арист, пишущий с выбором и вкусом, для чего он так мал на кафедре оратора? Это потому, что в нем недостает целой половины к сему роду знания; он хороший писатель, но худой вития. Для чего, напротив, Кли­стен, с посредственным умом, с холодным воображением и грубым вкусом, пользуется всей славой витии? Это потому, что, мало выражая словом, он сильно говорит видом, тоном и рукою. Но откуда происходит, что сие редкое совокупление слова и наружности необходимо нужно к совершенному ус­пеху красноречия? Основав вообще сию истину на необхо­димости предубеждения, снизойдем теперь к частям ее и по­стараемся открыть каждой из них истинное начало.

Давно уже философы жалуются на несовершенство языков. В самом деле, нетрудно применить, что есть тысяча тонких оттенков в разуме, коих никаким словом выразить неможно. Наши мысли бегут несравненно быстрее, нежели наш язык, коего медленный, тяжелый и всегда покорный правилам ход бесконечно затрудняет выражение. Сколько предметов, сколько сопряжений ум может обнять одним уда­ром, в одно почти мгновение, и сколько недостаточным к тому слова, чтобы вести непрерывную историю наших раз­мышлений! Прибавьте к сему, что сцепление понятий в уме бывает иногда столь тонко, столь нежно, что малейшее по­кушение обнаружить сию связь словами разрывает ее и уничтожает, не говоря о действовании душевных сил, коих различные сопряжения неможно изъяснить словом. Природа множество представляет нам явлений и мелких перемен, ко­их ни на каком языке выразить неможно; и, чтобы описать все перемены, сопряжения, постепенности и смешения одних цветов, нам надобно составить особенный словарь, изобре­сти новый язык. Сверх сего, говоря о слоге, мы имели случай применить, что сила и напряжение главных понятий зависят

от соединения с ними понятий побочных. Следовательно, чтоб сохранить сию силу, надобно предложить их во всей их связи. Сия связь бывает иногда столько тесна или столько сложна, что надобно всю систему сих понятий предложить одним словом, но слова редко нам делают сию услугу. Самое лучшее из них, самое значительное обнимает только половину сей системы, а другую оставляет в уме и, таким образом раздвоив понятие, отъемлет половину его силы и подрывает смысл. Бесспорно, что ум слушателя, если он будет однороден с умом оратора, найдет в своем мозгу сию упущенную половину и, дополнив ее, сохранит в мысли всю ее силу; но понеже не у всех сопряжения понятий одинаковы или образ мыслей однороден, то где возьмут другие сию половину? Откуда могут они дополнить понятие? Обыкновенный язык оратора к сему не довлет. Итак, он должен призвать на помощь другой язык — язык движения, тона и внешнего вида. Он должен то дополнить лицом, рукой и наклоном голоса, чего не может выразить словом. Из сего открывается истинное логическое понятие ораторского вида, который не что другое есть, как дополнение понятий, упущенных по недостатку слов или несовершенству языка. Когда еще язык не вычищен и не обогащен, обыкновенно занимают из других слова, в коих он недостаточен. Так, немцы в половине текущего столетия по бедности языка занимали слова из латинского и французского языков и писали вдруг на трех языках; так, и французы в начале образования своего слова собирали великую дань с латинского. Таким образом, оратор по несовершенству языков вообще пользуется языком всеобщим, языком движения и вида. Я называю его языком во всей строгости слова. В самом деле, восходя к началу и рождению человеческого слова, мы находим, что в первобытном состоянии оно не что другое было, как язык движений и естественных криков. Первое чувство болезни, удивления, страха, радости извлекало из человека нестройный, но много выражающий крик, а первая нужда заставила его дать протяже-

ние руке и указать вещь, которую он требовал. Сопрягая помалу сии протяжения и различные положения руки и соединяя их по местам с простым голосом, он составил для себя небольшой язык, коим сообщал свои понятия, доколе не приметил из разных и случайных наклонений голоса и ударения языка, что сей орган способнее может выразить его чувства, нежели рука и вид. Таким образом, помалу оставил он сей первый язык естества и все начал изображать словом; но тысячи с ним встречались и теперь встречаются случаев, когда он принужден бывает употреблять сей древний и оставленный язык в помощь новому. Сие пособие тем для него бывает необходимее, чем тоне и возвышеннее его понятие, чем сильнее мысли и чем вернейшего и обширнейшего требуют они выражения. Вот начало ораторского вида, тона и движения и истинная теория сей важной и забытой части красноречия.

О правилах произношения

«...» Начало слова почти должно произносить тоном средним и умеренным, с приятной простотой, кроткостью и непринуждением. Сильное напряжение голоса и руки во вступление не сообразно с спокойным состоянием понятий слушающих; надобно их постепенно возвышать и настраивать на свой тон, чтоб после сделать счастливое на них ударение. Сверх сего, начав сильно, нельзя не ослабить к концу и тем самым опустить внимание слушателей и оставить слово без действия. Надобно, чтоб лицо, голос и руки — все оживлялось час от часу более и чтоб конец или заключение было самое разительнейшее место в слове. Здесь должны открыться во всем своем пространстве все наружные дарования оратора, чтоб докончить потрясение умов и сделать удар, который бы долго раздавался в их сердце.

О виде оратора О лице

Кто чувствует, и чувствует сильно, того лицо есть зеркало души. Начиная от самых слабых теней рождающейся страсти, даже до величайших ее восторгов, от первых ее начал до самых сильнейших последствий – все степени приращения, все черты ее изображаются на живом и нежном лице. Отсюда происходит, что язык лица всегда был признаваем вернейшим толкователем чувствий душевных. Часто один взгляд, одно потупление брови говорит более, нежели все слова оратора, а посему он должен почитать существеннейшей частью его искусства уметь настроить лицо свое согласно с его речью; а особливо глаз, орган души столько же сильный, столько же выражающий, как и язык, должен следовать за всеми его движениями и переводить слушателям чувства его сердца. Прекраснейшая речь движения делается мертвой, как скоро не оживляет ее лицо. Напрасно Клеон силится великолепием своим словом тронуть своих слушателей. Его голос не проходит к сердцу, ибо его вид туда его не провождает. Его речь делает предстоящим ту только услугу, что располагает их ко сну, ибо они праздны, ибо он их не занимает, ибо не разговаривает с ними, но только читает. И что они могут другое делать, как хвалить твердость его памяти, скучать и спать? Я согласен, что слово его исполнено красот. Но чувствует ли он сам истины, кои хочет внушить другим, чувствует ли их, когда лицо его спокойно? Если бы страсть, наполнив его сердце, в нем волновалась, она пробилась бы через все препятствия, выступила бы на его лице и оттуда пролилась бы на его слушателей. Нет! Клеон хочет только нас обмануть или дал клятву усыпить. Посмотрите на огненного Ариста – на лице его попеременно изображаются все состояния его души: то очи его сверкают гневом, то слеза умиления катится по его ланите, то чело его опоясывается тучами печали, то луч радости на нем сияет <...>

Все, все до слова сказывает нам его вид, что ни чувствует его сердце. И можно ли после сего ему не поверить? Не стыдно ли думать иначе, нежели думает Арист? Таким-то образом приобретает он неограниченную власть над умами и делается маленьким тираном сердец.

Одно примечание мне кажется здесь необходимо нужным. Ничто столько не отнимает у лица его силы и выражения, как сей неопределенный и блуждающий вид, когда оратор, смотря на всех, не смотрит ни на кого, когда не может он определить точного места, куда должен он склонять удар очей, и, говоря всем, не говорит никому. Чтоб избежать сего важного и очень обыкновенного порока, надобно раз навсегда положить за правило устремлять мысль, каждое помавание лица на одного кого-нибудь из предстоящих, дабы казалось, что он именно ему говорит. К сей предосторожности надобно присовокупить еще другую, чтоб разделять сие направление вида попеременно по всем, а не смотреть в продолжение всей речи на одного: надобно, чтоб каждая мысль относилась к одному из предстоящих, но чтоб целое слово не относилось к одному и тому же, а разделено было всем по известной части. Я не буду здесь говорить о размахах и беспрестанных волнениях головы, слишком порывистых и слишком тупых движениях глаз, о непостоянстве или ветренности вида – все сии пороки довольно известны и отвратительны и без моего напоминания.

Весна

Спустиись, спустись,
подруга Феба!
С серебристоголубого неба,
Спустиись, спустись с миром к нам
И радостей блесни лучами –
Снеси корзиночку с цветами
Рассей по нашим их полям
Травую убери долины;
Дай нову жизнь, красу рекам,
Алмазны растопивши льдины
Осыпь листьями темный лес
Сведи природе нежну младость!
Пролей в луга веселья сладость!
Идет любимица небес –
Идет – и птички пробудились;
Лишь улыбнулася она;
Поля в обнову нарядились
И струйки в речках зарезвились
За ней нисходит Тишина
Венцом оливным увязенна,
Порфирой мира покровенна
И се из миртовых садов
Благословенные Цитеры
Из златояхонтных дворцов
Роскошной, счастливой Венеры
Спускается сюда Любовь
С зеленой ветвию в деснице
В цветочной, легкой колеснице
По светлым воздуха зыбям
Двумя везомой голубками
Махая алыми крылами
Несутся по ее стопам

Забавы резвые, утехы,
Улыбки и невинны смехи
Земля приемлет как друзей
Сих милых гениев крылатых
Слетевших в тучках краезлатых
И радости принесших к ней.
С небес – вослед,
любви прекрасной
Покинув вышний счастья мир
Цветочков друг,
любитель страстный
Спорхнул, как ласточка, Зефир
На оживленные долины
Целует розы он, ясины
Летает около Лилей
С листьями резвится в лесочке
Певец избранный, соловей
Сидя в смородинном кусточке
Поет песнь громкую весне
Любви и сельской тишине
Везде, везде весна блистает
В венце цветущей красоты,
И Феб на землю изливает
Источник света, теплоты,
Его лучами озаренный
Цветет природы пышный сад,
Ликуют твари восхищены
Вкушая сладких тьму отрад
Друзья! возьмем свои мы лиры
И с лирами пойдем в лесок
Где резвые шумят Зефиры
И навевают холодок,

С цветами, с травкою играя,
Между кусточками порхая
Где перловидный ручеек
По белому песку вьется
Где в воздух аромат лиется
Из ландышей растущих в круге
Там севши на зеленый пух,

Споём мы в праздник сей весен-
ный
Природе щедрой гимн священный
Вода по розовым путям,
Она, как чад своих, нас любит;
С весною радости сугубит
И счастья нас ведет во храм.

Журнал «Муза», июнь 1796 г., с. 178-181.

Мысли при колыбели младенца

Играй, любезный младенец! Играй в маленьком своем домике. Наслаждайся тишиною детских лет. Вкушай приятность беззаботливости – ты не знаешь печалей, нас обременяющих. Страсти не смеют коснуться твоего сердца. Горести бегут от тебя скорыми шагами. Но долго ли продолжится сие блаженное время? Пройдет несколько лет – и те же страсти, которые ныне лишают нас покоя – займут твое сердце. Неужели плач, с коим ты встретил первый луч света, есть предвестник будущих бедствий, ожидающих человека в пути жизни его?

Любезный младенец! Ты родился – и плачешь; едва взглянул на свет – и сетуешь. Неужели сетуют о том небытии, в котором погружен был за несколько мгновений? Утешься! Не вечно же будешь ты страдать. Истинная радость разольется на несколько минут твоей жизни.

Когда начал ты чувствовать некоторые предметы, когда улыбка отца, улыбка матери в тебе блеснула, тогда посеялась радость в душе твоей. Душа твоя излилась на младенческое лицо и смех на нем родился. Се первая минута радости человека, когда он – в тумане неведения о самом себе – учится у родителей быть веселым и – счастливым. Природа научила его плакать, а быть веселым – человек перенимает у человека.

Блажен, кто может подавлять бедствия свои, забвением оных! Блажен, кто веселится среди пустого острова, на сухой скале! Но скоро ли найдем такого человека? Возьмем Диогену свечу – и поищем. Может быть где-нибудь под соломенную кровлею, на сырой земле – мудрец, презирая суеты мира, беды не чтет бедами. Положим, что мы нашли его. Подойдем к нему ближе – свеча моя гаснет. От чего? Гаснет от вздоха мудреца, который, увидев приближающихся к нему людей, трогает мнимым их благополучием.

Нет, нет в сем мире человека, который бы с совершенным равнодушием мог переносить бедствия, над главою его вьющиеся – и если бы, по милосердию Создателя, не слетела к нам надежда, что бы мы тогда были? – Любезны е дитя! Да будет она всегда твоею спутницею! Да всегда рассыпает перед собою цветы благоуханные! Нельзя, чтобы счастье стало тебя вечно лелеять. Кто ждет совершенного спокойствия, кто желает не чувствовать ни малейшей горести, тот хочет жить в воздушных замках. Человек рождается – быть человеком, быть полезным своему ближнему, быть другом общества, нести тяготу оною. Нельзя не иметь печалей, не чувствовать оскорблений. – Но кого не оставила надежда, тот на половине пути к счастью. Она есть пружина всех наших действий, облегчение житейских неприятностей, солнце нашей души. Мудрецы мира сего! Скажите мне, не она ли есть самое счастье? Не есть ли счастье приятная мечта, кроющаяся в храме надежды, и которая от всякого убегает?

Вы смеетесь надо мною, над младенческими моими рассуждениями. Вы говорите, что счастье найти можно в совершенном, ничем не возмущенном спокойствии души. – Пусть торжествует ваше мнение, если только человек может иметь непрерывную тишину в душе своей тогда, когда и младенец плачет.

Милое дитя! Если судьбина продлит дни твои, если придет то время, в которое разум твой разовьется, тогда явятся и тебе цветы, срывающиеся у нас под именем счастья.

Они иногда опасны. Они подобны розе, усаженной острыми шипами. Срывай их осторожно, чтобы не уколоться – иногда самое злосчастье предстанет тебе в пурпурной ризе блаженства. Возблагодари Всевышнего, если сможешь познать обман сей. В противном случае – бездна отвернется под ногами твоими, – но я прошу управляющего громами, вращающегося мира словом своим, да он укажет тебе путь истинный.

Вдали – в сумраке времен – вижу я шумящее море; за ним вьющийся густой туман. Море усеяно множеством челноков. Одни лишь только появляются на нем, другие быстро уносятся в густоту тумана. Жизнь и смерть! Не вас ли изображает шумящее море, вьющийся туман? И мы сокроемся некогда в непроницаемой мгле его. И ты, милое дитя, будешь жертвою смерти. Слезы мои окропляют твою колыбель. С горестью душа моя воображает сию минуту.

О Ты, хранящий невинность под кровом своим! Продли жизнь сего младенца, для радости отца его, для веселия матери низпошли ему свое благословение да они, узрев его благополучным, и сами вкусят отраду в старости! А ты, любезный младенец, цвети, цвети, как юный кедр среди родных твоих. Научись почитать душою Творца своего, любить родителей своих, братьев, ближних. Да будет тебе учение приятным медом! Да священная дружба прольет тебе утешение в горестях! Да сердце твое найдет себе надежную, добродетельную подругу! Да все чувствования твои – и среди алых цветов юности, и между белым снегом старых лет – устремляются к добру. – Тогда вся жизнь твоя будет подобна веселому утру.

Журнал «Муза», июль, 1796 г., с. 79-84.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Манифест 13 июля 1826 года

**Божиею милостию мы, Николай Первый, император
и самодержец всероссийский, и прочая,
и прочая, и прочая**

Верховный уголовный суд, Манифестом 1 июня сего года составленный для суждения государственных преступников, совершил вверенное ему дело. Приговоры его, на силе законов основанные, смягчив, сколько долг правосудия и государственная безопасность дозволили, обречены нами к надлежащему исполнению и изданы во всеобщее известие.

Таким образом, дело, которое мы всегда считали делом всей России, окончено; преступники восприняли достойную их казнь; Отечество очищено от следствий заразы, столько лет среди его таившейся.

Обращая последний взор на сии горестные происшествия, обязанностью себе вменяем: на том самом месте, где в первый раз тому ровно семь месяцев среди мгновенного мятежа явилась пред нами тайна зла долголетнего, совершить последний долг воспоминания, как жертву очистительную за кровь русскую, за веру, царя и Отечество, на сем самом месте пролиянную, и вместе с тем принести всевышнему торжественную мольбу благодарения. Мы зрели благотворную его десницу, как она расторгла завесу, указала зло, помогла нам истребить его собственным его оружием — туча мятежа взошла как бы для того, чтобы потушить умысел бунта.

Не в свойствах, не в нравах российских был сей умысел. Составленный горстию извергов, он заразил ближайшее их сообщество, сердца развратные и мечтательность дерзновенную; но в десять лет злонамеренных усилий не проник, не мог проникнуть далее. Сердце России для него было и будет непрístupно. Не посрамится имя русское изменою престолу

и Отечеству. Напротив, мы видели при сем самом случае новые опыты приверженности, видели, как отцы не щадили преступных детей своих, родственники отвергали и приводили к суду подозреваемых, видели все состояния соединившимися в одной мысли, в одном желании: суда и казни преступникам.

Но усилия злонамеренных, хотя и в тесных пределах заключенные, тем не менее были деятельны. Язва была глубока и по самой сокровенности ее опасна. Мысль, что главным ее предметом, первою целию умыслов была жизнь Александра благословенного, поражала вместе ужасом, омерзением и прискорбием. Другие соображения тревожили и утомляли внимание: надлежало в самых необходимых изысканиях, по крайней возможности шадить, не коснуться, не оскорбить напрасным подозрением невинность. Тот же промысл, коему благоугодно было при самом начале царствования нашего, среди бесчисленных забот и попечений поставить нас на сем пути скорбном и многотрудном, дал нам крепость и силу совершить его. Следственная комиссия в течение пяти месяцев неусыпных трудов деятельностью, разборчивостью, беспристрастием, мерами кроткого убеждения привела самых ожесточенных к смягчению, возбудила их совесть, обратила их к добровольному и чистосердечному признанию. Верховный уголовный суд, объявив дело во всем пространстве государственной его важности, отличив со вниманием все его виды и постепенности, положил оному конец законный.

Так единодушным соединением всех верных сынов Отечества в течение краткого времени укрощено зло, в других нравах неукротимое. Горестные происшествия, смутившие покой России, миновали и, как мы при помощи божией уповаем, миновались навсегда и невозвратно. В сокровенных путях провидения, из среды зла изводящего добро, самые сии происшествия смогут споспешествовать во благое.

Да обратят родители все их внимание на нравственное воспитание детей. Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, — недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полужнаний, сей порыв в мечтательный крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — гибель. Тщетны будут все усилия, все пожертвования правительства, если домашнее воспитание не будет приуготовлять нравы и содействовать его видам.

Дворянство, ограда престола и чести народной, да станет и на сем поприще, как на всех других, примером всем другим состояниям. Всякий его подвиг к усовершенствованию отечественного, не чужеземного воспитания мы примем с признательностью и удовольствием. Для него отверзсты в Отечестве нашем все пути чести и заслуг. Правый суд, воинские силы, разные части внутреннего, все требует, все зависит от ревностных и знающих исполнителей.

Все состояния да соединятся в доверии к правительству. В государстве, где любовь к монархам и преданность к престолу основаны на природных свойствах народа, где есть отечественные законы и твердость в управлении, тщетны и безумны всегда будут все усилия злонамеренных: они могут таиться во мраке, но при первом появлении отверженные общим негодованием они сокрушаются силою закона. В сем положении государственного состава каждый может быть уверен в непоколебимости порядка, безопасность и собственность его хранящего, и спокойный в настоящем может прозирать с надеждою в будущее. Не от дерзостных мечтаний, всегда разрушительных, но свыше усовершенствуются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления. В сем порядке постепенного усовершенствования всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая

к нам путем законным, для всех отверзстым, всегда будут приняты нами с благоволением: ибо мы не имеем, не можем иметь других желаний, как видеть Отечество наше на самой высшей степени счастья и славы, провидением ему предопределенной.

Наконец, среди сих общих надежд и желаний склоняем мы особенное внимание на положение семейств, от коих преступлением отпали родственные их члены. Во все продолжение сего дела, сострадая искренно прискорбным их чувствам, мы вменяем себе долгом удостоверить их, что в глазах наших союз родства придает потомству славу деяний, предками стяжанную, но не омрачает бесчестьем за личные пороки или преступления. Да не дерзнет никто вменять их по родству кому-либо в укоризну: сие запрещает закон гражданский и более еще претит закон христианский.

В Царском Селе, 13 июля 1826 г.

На подлинном подписано
собственною его император-
ского величества рукою тако:

Печатан в Санкт-Петербурге
при Сенате 13 дня 1826 года.

Из сочинения М.М. Сперанского
«Руководство к познанию законов».

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

О ДВОРЯНСКОМ СОСТОЯНИИ ВООБЩЕ

Начало сего состояния принадлежит к самым первым периодам образования общежитий. Во втором периоде сего образования родоначальники управляли союзом общежительным. При переходе его в союз гражданский они не могли смешаться с простыми родовичами, с народом. Здесь началась родовая именитость; возникло особое состояние людей, получившее впоследствии разные именованья и преимущества.

В республиках греческих именитые роды назывались родами героическими, т.е. потомками тех героев, кои основали государства*. По прекращении сих родов места их заняли потомки тех мужей, кои славою предводительствовали на войне или с успехом управляли государством в мире. Достоинство их, впрочем, было просто почетное, ибо родовых особенных прав в Греции они никаких не имели.

Известно, что Рим первоначально составил из родов, или племен (*gentes*), от разных стран Нижней Италии и Етрурии туда стекшихся. Все население его делилось на два состояния: граждан и простолюдинов (*populus* и *plebs*). В числе граждан состояли и начальники родов, но они от прочих отличались как именем, так и властью. Они в отношении к их родовичам первоначально назывались отцами (*patres*). Во дворовившись в Риме, они долго сохраняли каждый в своем роде не только сие имя, но и значительную часть той власти,

* Гераклиды, Атриды, род Персеев и проч.

какую имели прежде. Здесь начало римского дворянства, или *патрициата*; из сего сословия назначались главные сановники республики, и из них же в определенном числе составлен был Сенат. Впоследствии к сословию Сената причислялись и другие лица, заслужившие именитость (*patres conscripti*). Звание патриция было наследственно; оно не терялось даже и тогда, когда лицо не занимало мест ни в Сенате, ни в высшем управлении.

Сверх патрициев было еще в Риме другое низшее сословие дворянства. Это были так называемые *римские всадники* (*equites*). К сословию сему первоначально причислялись те граждане, кои принимали на себя обязанность сами служить на коне и снаряжать других всадников. Впоследствии они большею частию занимались откупам государственных имуществ. Звание сие было также наследственно.

То и другое сословие дворянства пользовалось в Риме двумя важными правами: 1) предпочтительным занятием высших должностей в государственной службе, 2) безблочною владением государственных земель. Оба сии права впоследствии подвергались спору от простолюдинов и после двоекратной продолжительной междоусобной войны были уничтожены*. После сего дворянство римское ограничилось двумя, впрочем весьма важными, преимуществами: родового почетностью и богатством.

У германских и скандинавских народов было также в самой глубокой древности особое состояние благородства. Из него выбирались владетельные князья. Военачальники не из князей могли составлять дружины, предпринимать походы и морские набеги, но никто не мог объявлять себя владетельным князем, кто не был сам княжеского рода**.

* *De communione juris et de lege agraria* [Публичное право и аграрный закон (лат.)]

** См. сказания Нестора об Аскольде и Дире — *вы не князи и не княжа рода*.

К сему древнему дворянству присоединилось впоследствии так называемое дворянство феодальное. Основание его было следующее.

По завоевании разных частей Римской Империи управление земель, доставшихся в удел государям, по необходимости поручаемо от них было разным чиновникам со властью, весьма обширную. Сии звания сперва были временные, потом пожизненные и наконец обратились в потомственные. Так возникло дворянство феодальное с титулами баронов, графов, маркизов и герцогов. Власть их, постепенно расширяясь, во многих местах превратилась наконец во власть державную, так что они, хотя в отношении к королю сохраняли еще по наружности значение дельцов и подданных, но в отношении к краю, ими управляемому, сами были государями, часто главе их непокорными и от него независимыми. Раздавая земли во временное владение, они сами имели своих дворян; сии особое сословие; таким образом явилось два рода дворянства феодального: высшее титулованное и низшее без титула. Впоследствии простому дворянству жалюемы были титулы без власти, а простым воинам и чиновникам — дворянство без земель. Отсюда произошли все разнообразные дворянские роды в разных странах Европы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Часть I. М.М. Сперанский — носитель нового литературного языка	6
§ 1. Рубеж веков — время зарождения нового русского языка	6
§ 2. Личность М.М. Сперанского — ратора, оратора, собеседника	20
§ 3. Эпистолярный жанр в общественной и личной жизни просветителя	32
§ 4. Язык и стиль трудов М.М. Сперанского как духовная биография его личности	48
Часть II. Вклад М.М. Сперанского в культурную жизнь России	68
§ 1. Аксиология М.М. Сперанского-стихотворца	68
§ 2. Искусство журналистской и переводческой деятельности М.М. Сперанского	81
§ 3. Диалектика личности М. Сперанского как языковеда, библиофила, литератора	94
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	114
Список использованной литературы	117
Приложения	
<i>Приложение 1.</i> Отрывок из проповеди, говоренной М.М. Сперанским в неделю осьмую на десять октября 1791 года в Александро-невской лавре: «Не бойся отседе будещи человека лова»	121
<i>Приложение 2.</i> Общие свойства слога (из сочинения М.М. Сперанского «Правила высшего красноречия»)	125
<i>Приложение 3.</i> Весна. Мысли при колыбели младенца	134
<i>Приложение 4.</i> Манифест 13 июля 1826 года	138
<i>Приложение 5.</i> Из сочинения М.М. Сперанского «Руководство к познанию законов». О дворянском состоянии вообще	142

Наталья Михайловна Румянцева

**ЯЗЫК И КУЛЬТУРА
В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
М.М. СПЕРАНСКОГО**

Монография

Технический редактор *Е.В. Коврижных*

Корректор *О. Бельтран-Легас*

Компьютерный набор *Д.Б. Дабаева*

Компьютерная верстка *М.Н. Заикина*

Дизайн обложки *М.В. Шатихина*

Дополнение к тематическому плану 2006 г.

Лицензия серия ЛР № 020453 от 4 марта 1997 г.

Подписано в печать 31.01.06 г. Формат 60×84/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 8,60. Уч.-изд. л. 8,25. Усл. кр.-отт. 8,85.

Тираж 500 экз. Заказ 66

Издательство Российского университета дружбы народов
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография ИПК РУДН
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

ДЛЯ ЗАМЕТОК